

М. К. ЛЮБАВСКИЙ

ОЧЕРК ИСТОРИИ
ЛИТОВСКО-РУССКОГО
ГОСУДАРСТВА
ДО ЛЮБЛИНСКОЙ УНИИ
ВКЛЮЧИТЕЛЬНО

Матвей Кузьмич Любавский

Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7629002

Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / М. К. Любавский; подгот. к печати Д. В. Карев; авт. вступ. ст. Д. В. Карев.: Беларуская навука; Минск; 2012

ISBN 978-985-08-1502-6

Аннотация

Данная книга является переизданием фундаментального, обобщающего труда по истории Великого Княжества Литовского выдающегося российского историка Матвея Кузьмича Любавского «Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно». В работе в масштабах восточноевропейского социально-исторического контекста X–XVI вв. рассматриваются ключевые вопросы происхождения, становления и развития этого государства: факторы и механизмы рождения державы; эволюция ее основных социальных, политических, правовых структур и институтов; роль уний XIV–XVI вв. и внешнеполитических факторов в исторической судьбе ВКЛ; историческое своеобразие этого государства и его общества по сравнению с Московской Русью и Польшей (XIII–XVI вв.).

Рассчитана на профессиональных историков-исследователей, преподавателей, аспирантов, студентов, магистрантов, краеведов и всех, кто интересуется историей Великого Княжества Литовского, Беларуси, Литвы, Украины, Польши, России.

Содержание

Академик М. К. Любавский: вехи судьбы и творчества	6
Историографическая традиция и источники изучения проблемы	6
Жизненный путь ученого	15
История дореволюционной России в историко-географических трудах М. К. Любавского и его лекционных курсах начала XX в	35
Исследование проблем исторической географии и демографии России в трудах 1920-х гг	62
«Очерк...» М. К. Любавского в контексте восточнославянских историографий России XIX начала XX в	77
Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно	87
Предисловие	87
I. Научное значение истории Литовско-Русского государства	89
II. Общественный быт литовцев по древнейшим известиям	92
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Матвей Кузьмич Любавский

Очерк истории Литовско- Русского государства до Люблинской унии включительно

Матвей Кузьмич Любавский
(1860–1936)

Редакционная коллегия серии:

А. А. Коваленя (главный редактор серии),
А. И. Груша, В. А. Воронин, Г. Я. Голенченко, В. В. Данилович, А. Б. Довнар, М. Г. Жилинский, Д. В. Карев (ответственный редактор тома), Г. В. Корзенко, О. Н. Левко, А. М. Литвин, А. М. Медведев, М. П. Костюк, М. К. Кошелев, В. Н. Смехович, В. В. Яновская

Автор вступительных статей Д. В. Карев

Рецензенты:

доктор исторических наук Ю. Н. Бохан, доктор исторических наук Г. Я. Голенченко,
доктор исторических наук А. Н. Нечухрин

Академик М. К. Любавский: вехи судьбы и творчества

Историографическая традиция и источники изучения проблемы

Преемник В. О. Ключевского по кафедре русской истории Московского университета профессор М. К. Любавский был ярким представителем исторической науки России конца XIX начала XX в. Интерес к творчеству ученого был велик в первое двадцатилетие прошлого века и снова возрос в 60-е годы в связи с развитием вспомогательных исторических дисциплин, в частности исторической географии, и бурным ростом монографических исследований по истории союзных республик (УССР, БССР, ЛитССР). Имя Любавского довольно часто встречается в историографических работах. Однако творческое наследие этого ученого еще не было предметом комплексного научного анализа.

Рукописи исследований материалов профессора М. К. Любавского по истории ВКЛ дошли до нас в очень незначительном количестве. Фактически из всего дореволюционного «литовского» творческого наследия ученого в распоряжении исследователя имеются только материалы к работам по истории Литовско-Русского государства, выписки из архивных источников Книги Записей и Судных дел Литовской Метрики (около 200 листов) и отрывочные материалы из семинара по изучению «внутреннего строя Литовской Руси на основании законодательных памятников» (1901/02 учебный год). Однако из официальных и вполне достоверных источников известно, что М. К. Любавский на протяжении почти трех десятилетий преподавания в Московском университете читал не только спецкурсы по истории Великого Княжества Литовского, но и вел семинары, где разбирались и анализировались важнейшие его источники в учебных 1903/04 и 1908/09 гг. Вне поля зрения как дооктябрьской, так и советской исторической науки осталась тема «М. К. Любавский как историк феодальной России». В значительной степени достаточно полное освещение в историографии получило лишь творческое наследие ученого по литовско-белорусской истории. Знакомство с трудами ученого по истории феодальной России, как опубликованными, так и неопубликованными, убеждает в необходимости специального исследования в этой области. М. К. Любавский около 20 лет жил и работал в годы советской власти. Поэтому комплексный анализ его творчества, помимо заполнения одной из недостаточно изученных страниц истории российской исторической науки периода империализма, дает нам ценную информацию для разработки двух важнейших, но далеко недостаточно исследованных тем советской историографии: «Кризис буржуазной историографии в СССР в 20-е годы XX в.» и «Школа Ключевского после Октябрьской социалистической революции».

Недостаточно оценен в историографии и тот факт, что фундаментальные труды российского либерального историка М. К. Любавского существенно подорвали поддерживаемую правительственной Россией «западно-русистскую» версию истории ВКЛ. Нами предпринята попытка путем изучения жизненного и творческого пути ученого выявить некоторые общие тенденции развития исторической науки России конца XIX начала XX в.

Историография темы «М. К. Любавский» сравнительно невелика по объему. В дореволюционной русской историографии обобщающих работ об ученом не было. Есть материалы, которые являются скорее источником для историографического изучения: рецензии, дискуссионные работы и юбилейные статьи.

Отметим, что в дореволюционной русской академической науке М. К. Любавский был хорошо известен как крупнейший специалист и знаток в трех областях исторической науки: истории Великого Княжества Литовского¹, исторической географии, истории западных славян² и как автор оригинальной концепции древней русской истории³. Особенно значительными признавались заслуги Любавского в деле изучения Великого Княжества Литовского. Хотя и в этой, казалось бы, наиболее изученной области творчества ученого советскими историками решены далеко не все вопросы, ответы на которые позволили бы воссоздать полноценный «исторический портрет» М. К. Любавского. Прежде всего это вопросы истории создания работ, их источниковой базы, источниковедческого мастерства историка в связи с его методологическими установками, научного «резонанса» исследований Любавского в современной ему историографии. Решение их затруднено крайней скудностью дошедшей до нас источниковой базы для изучения творческой лаборатории ученого. Большинство дореволюционных русских историков были солидарны с оценкой, которую дал «литовскому» наследию ученого С. А. Котляревский. Любавский был официально признан главой научной школы, занимающейся исследованием и разработкой Литовско-Русской истории⁴.

«История западных славян» (М., 1917) М. К. Любавского оценивалась русской исторической наукой начала XX в. в целом очень высоко. Книга была отмечена как «добрый почин», с которого «истолкование истории славян сдвинулось с той мертвой точки, на которой оно пребывало»⁵; говорилось о талантливом изложении новейшей истории Чехии и Польши⁶. Как первый труд на русском языке, содержащий в себе цельную историю западного славянства, она была признана «ценным вкладом в русскую историческую науку, как картина социально-правовой эволюции западного славянства».

В советской исторической литературе есть немало, большей частью фрагментарных, «заметок»-оценок творческого наследия М. К. Любавского. Иногда они имеют противоречивый характер, что является отражением взглядов тех ученых, которые давали эти оценки, и закономерностей роста самой советской исторической науки, прошедшей через определенные ступени развития⁷.

Первой работой, в которой характеризовалось творчество Любавского, было «Введение в русскую историю» В. И. Пичеты⁸. По его словам: «Белорусская историография получила значительное движение вперед благодаря трудам М. К. Любавского, которые составили эпоху в литовско-белорусской историографии и к которым неоднократно будут возвращаться исследователи независимо от того, разделяют ли они точки зрения и мнения Любавского или нет. Вся последующая историография прямо или косвенно идет по пути, проложенному

¹ Отчет о втором присуждении премии Г. Ф. Карпова Имп. Общества Истории и Древностей Российских при Московском университете // Чт. ОИДР. М., 1894. Кн. 4; Отчет о 36 присуждении наград графа Уварова. СПб., 1893 (рец. проф. С. А. Бершадского); *Довнар-Запольский М. В.* Спорные вопросы в истории Литовско-Русского сейма. СПб., 1904; *Максимко Н. А.* Литовско-русские сеймы. Харьков, 1902; Отчет о 45 присуждении наград графа Уварова. СПб., 1905 (рец. Ф. И. Леонтовича); Отчет о 9 присуждении премии Г. Ф. Карпова Имп. Общества Истории и Древностей Российских при Московском университете. М., 1903 (рец. И. И. Лаппо); *Кизеветтер А. А.* М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910; Русская мысль. 1910. № 5; *Малиновский И.* Новые труды по истории Литовско-Русского государства // ЖМНП. 1910. № 11; *Грушевский М.* Новейшая литература по истории В. К. Литовского // Український науковий збірник. Львів, 1916. Вып. II; *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. Пг., 1916. С. 129.

² *Бороздин И. М.* К. Любавский. К 30-летию научной и педагогической деятельности // Педагогический вестник Моск. округа. М., 1914. С. 91.

³ *Грушевский М. С.* Древняя Русь в новых курсах // Голос минувшего. М., 1918. № 8. С. 304–313.

⁴ Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг., 1917. С. 1.

⁵ *Ясинский А. Н.* М. К. Любавский. История западных славян // Исторические известия. 1917. № 2. С. 169.

⁶ Там же. С. 159.

⁷ *Ильинский Г.* Первый русский опыт западнославянской истории // Анналы. 1923. № 3. С. 252.

⁸ *Пичета В. И.* Введение в русскую историю. М., 1922. С. 142, 178–187, 188.

Любавским»⁹. В работе В. И. Пичеты была дана и краткая оценка основных трудов М. К. Любавского по литовско-белорусской истории. Особое внимание было уделено магистерской диссертации Любавского¹⁰. Пичета считал, что московская школа историков в лице Любавского отказалась от того централизма, который преобладал в направлении ее историографии, и стала на путь изучения отдельных составных частей Русского государства¹¹.

В докторской диссертации Любавский¹², по мнению Пичеты, «дает отчетливую картину эволюции самого учреждения», позволяя составить «отчетливое представление как об организации центральных учреждений, так и тех общественных элементах, из которых они состоялись»¹³. В. И. Пичета критически подходил к трудам своего учителя. По его мнению, в «Очерке истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно» Любавский почти не касается тех материальных факторов, из которых слагалась общая структура народного хозяйства; отмеченные Любавским экономические мероприятия правительства интересуют его не столько со стороны их экономического содержания, сколько «своим публично-правовым характером»¹⁴.

М. М. Богословский пишет о том, что Любавский «в конце 20-х годов XX в. считается одним из самых видных и выдающихся представителей науки русской истории»¹⁵. Такую репутацию создали ему, по мнению Богословского, две главные заслуги работы по истории Литовской Руси и исторической географии России. В обеих этих областях знаний М. К. Любавский «оставляет после себя глубоко вспаханное поле там, где до его трудов были только первые попытки, первые пробные борозды»¹⁶. Так же, как и Пичета, Богословский утверждал, что от авторитетных и «дающих направление работ Любавского пошли в дальнейшем работы ряда историков: М. В. Довнар-Запольского, И. И. Лаппо, В. И. Пичеты и др.»¹⁷

В двух главных вопросах своих историко-географических работ заселение отдельных областей России и образование политических объединений – по ширине предпринятых разысканий, по полноте добытых данных и точности, с которой они излагаются, М. К. Любавский, по оценке М. М. Богословского, «не имеет себе равных среди его предшественников в области изучения исторической географии России»¹⁸. Изучение подобных проблем создало М. К. Любавскому в конце 20-х годов «положение крупнейшего авторитета в области исторической географии и единственного в ней знатока и специалиста»¹⁹.

1930 год был годом не только крупных перемен в личной судьбе Любавского, но и резкого изменения в оценке его творчества. М. Н. Покровский и его ученики и последователи развернули в эти годы острую борьбу против идейного влияния «буржуазной исторической науки». Ценным и полезным начинанием была попытка освещения идейной платформы русских историков второй половины XIX начала XX в. Здесь ими были достигнуты значительные положительные результаты, но имелись и значительные ошибки, издержки. Примером подобного рода работ, в которых имели место ошибочные, схематичные положения, были

⁹ Там же.

¹⁰ Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута; Пичета В. И. Введение в русскую историю. С. 187.

¹¹ Пичета В. И. Введение в русскую историю. С. 187.

¹² Любавский М. К. Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждений в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. М., 1901.

¹³ Пичета В. И. Введение в русскую историю. С. 188.

¹⁴ Пичета В. И. Введение в русскую историю. С. 188.

¹⁵ Богословский М. М. Записки об ученых трудах проф. М. К. Любавского. Б. м., б. г. С. 71.

¹⁶ Там же. С. 73.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

труды С. А. Пионтковского. Подвергая критике работы Платонова, Маркевича, Бахрушина, он уделяет внимание также Любавскому, его работе «Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра» (Л., 1929). Он утверждает, что вся ее ценность «не идет дальше установления хронологического списка присоединения к Московскому княжеству отдельных областей и районов»²⁰, и расценивает продолжение Платоновым, Любавским, Бахрушиным и Маркевичем традиций Ключевского (изучение проблемы колонизации) как «политическое выступление тех, кто до сих пор еще не примирился с окончательной гибелью системы отношений собственности»²¹.

В более поздней работе Пионтковский справедливо отмечает трудность «раскладки по полочкам» отдельных «буржуазных» историков по социальному признаку, так как в социальных группировках буржуазии имелись нюансы и прослойки. В области идеологии «эти нюансы и прослойки сплетаются и переплетаются в чрезвычайно своеобразных и причудливых сочетаниях. Отсюда уже не раз получалось, что отдельные фигуры отдельных представителей буржуазной историографии возбуждали целый ряд споров и зачислялись по разным прослойкам»²². К сожалению, сам автор, делая это верное замечание, не мог избежать политизированного необъективного подхода в оценке места Любавского в русской историографии, заявив, что «политическая программа российской буржуазии в годы нэпа была сформулирована в работах Любавского, Бахрушина и ряда других»²³.

Причисляя Любавского к «социологической» школе Ключевского, Пионтковский включает его в одну группу с такими историками, как Корнилов, Платонов, Ключевский; квалифицирует их как «представителей кулацкой торговой буржуазии»²⁴, хотя они отличались друг от друга своими политическими взглядами и убеждениями. После работ Пионтковского, вплоть до начала 1940-х гг., имя Любавского фактически исчезает со страниц монографий и статей по истории (за исключением работ В. И. Пичеты).

В 1941 г. вышла книга Н. Л. Рубинштейна «Русская историография», в которой дана в основном верная оценка главных трудов Любавского. Крупной заслугой ученого Рубинштейн считал обращение к «областной» теме, к изучению того раздела нашей истории, который оставался вне поля зрения предшествующих русских историков. В трактовке Любавским темы Литовско-Русской истории Рубинштейн отмечал исходные позиции государственной школы. Рубинштейн считал, что в «Очерке истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно» (М., 1910) Любавский подошел к раскрытию проблемы развития феодальных отношений²⁵. Интересна оценка Рубинштейном «Лекций по древней русской истории до конца XVI века» (М., 1915), где, исследуя экономическую и социальную историю Древней Руси, М. К. Любавский попытался в исходную государственную схему включить результаты специальных исследований Павлова-Сильванского, Преснякова, Дьяконова. «Но при всем том, замечает Рубинштейн, он не мог подойти к общему пересмотру всей исторической концепции, к которому уже в начале века пришел Павлов-Сильванский»²⁶. «Образование основной государственной теории великорусской народности» Рубинштейн оценил как попытку построения общеисторического исследова-

²⁰ Пионтковский С. А. Великодержавные тенденции в историографии // Историк-марксист. М., 1930. Т. 17. С. 23.

²¹ Пионтковский С. А. Великодержавные тенденции в историографии. С. 26.

²² Пионтковский С. А. Буржуазная историческая наука в России. М., 1931. С. 12–13.

²³ Там же. С. 92.

²⁴ Там же. С. 20.

²⁵ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941. С. 510.

²⁶ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941. С. 500.

ния непосредственно на историко-географическом материале²⁷. Но он не дал анализа содержания этой работы.

В 30-40-е годы В. И. Пичета в ряде статей по истории Литвы и Беларуси дает оценку отдельным положениям работ Любавского, отмечая как их положительные моменты, так и ошибочные утверждения. Эти статьи вошли в сборник статей В. И. Пичеты «Белоруссия и Литва XV и XVI веков» (М., 1961)²⁸. В. И. Пичета отмечал, что Любавский внес много ценного в исследование вопросов хозяйственного значения: холопства, социального состава населения государственных дворов, о паробках, о сборе прямого налога «серебщины», о причинах закупничества и происхождении «похожих людей»²⁹. Он снова, как и в начале 20-х годов, считает 90-е годы XIX в. переломным моментом в изучении истории Великого Княжества Литовского и связывает его с появлением работы М. К. Любавского «Областное деление». В то время как польская историография в лице К. Шайнохи, С. К. Стадницкого и других исследователей сосредоточила внимание на изучении главным образом проблемы польско-литовских уний XIV–XVI вв., М. К. Любавский обратился к изучению «внутреннего положения Великого княжества Литовского как отдельного, независимого от Польши и самостоятельно развивающегося государства»³⁰.

Пичета раскрывает понимание Любавским феодализма не как системы производственных отношений, а как формы организации власти и управления. Тем самым Любавский, в понимании Пичеты, оставался на позициях юридической школы, но Пичета обращал внимание на то, что Любавский отмечает классовую сущность Великого Княжества Литовского, наличие борьбы в рядах феодального класса, справедливо полагает, что исследуемые Любавским институты результат внутреннего развития Великого Княжества Литовского³¹. Существенным методологическим недостатком В. Пичета считает неправильное толкование Любавским вопроса о происхождении крепостного права. Говоря о методологических корнях научного творчества Любавского, Пичета называет его «опытным исследователем-позитивистом»³².

Г. А. Новицкий в разделе о русской исторической науке эпохи империализма в «Истории Московского университета» утверждал, что работы Любавского пронизаны охранительными тенденциями и монархическими идеями, написаны в историко-юридическом плане. Несмотря на громадный фактический материал, они, по его мнению, «не дали правильного представления об истории польского, чешского, литовского и других народов, а во многих случаях ее исказили»³³.

В монографии В. Т. Пашуто Любавский признается «наиболее крупным представителем отечественной литванистики», которым по вопросу об образовании Литовского государства был «высказан ряд верных положений»³⁴, в частности о давнем развитии в Литве имущественного и социального неравенства, о литовском нобилитете, об унии и др. Он отмечает и недостатки труда Любавского «Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно»: «...отрыв истории государства от истории хозяйства страны; отсутствие связи истории образования государства с историей общества, неосвещенность

²⁷ Там же. С. 494.

²⁸ Пичета В. И. Белоруссия и Литва в XV–XVI вв. М., 1961. С. 153, 154, 158, 185, 340, 397.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 183.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 378, 374.

³³ История Московского университета. М., 1955. С. 460.

³⁴ Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1957. С. 186.

истории борьбы литовского народа с немецкой и польской агрессией, отсутствие анализа источников и историографии вопросов»³⁵.

Советская историография 60-х начала 80-х годов в оценке «литовской части наследия Любавского в значительной степени идет в русле характеристик, данных В. И. Пичетой и В. Т. Пашуто. Они отражены в специальных историографических статьях³⁶, в очерках по историографии Литвы и Беларуси³⁷.

Так, З. Ю. Копыцкий, характеризуя историографию Беларуси конца XIX начала XX в., относит Любавского к либерально-буржуазному направлению³⁸. Литовский историк А. Ю. Гайгалайте отмечает, что заслуга разработки литовской истории XII–XVI вв. принадлежит М. К. Любавскому, «который широко использовал материал Литовской метрики и обратил внимание на экономику и социальные отношения. Он дал также очерк политической географии Литвы»³⁹. С большой полнотой значение работ Любавского для историографии Беларуси раскрыто В. Н. Перцевым. Он считает ошибочными взгляды Любавского на добровольный характер подчинения русских земель, на возникновение крепостного права в Беларуси, видевшего в нем развитие правовых отношений, которым были подчинены смерды в Киевской Руси. В то же время он подчеркивает, что труды Любавского по обилию фактических данных, почерпнутых из источников, многие из которых он впервые ввел в научный оборот, до сих пор сохраняют свою ценность⁴⁰.

Сходную позицию занимает и новейшая литовская историография, считающая, что благодаря своей многогранности и высокому научному уровню анализа и синтеза огромного документального массива труды М. К. Любавского не утратили своего значения и поныне⁴¹.

Если в деле изучения «литовского» наследия М. К. Любавского в советской историографии существует значительная историографическая традиция, то этого нельзя сказать применительно к его исследованиям по истории России, исторической географии, истории западных славян. Имеются лишь отдельные замечания, разбросанные в различного рода специальных статьях и монографиях.

Немного внимания работе Любавского «Образование основной государственной территории великорусской народности» уделяет Л. В. Черепнин, считающий, что ученый остался «в плоскости историко-географических наблюдений, не понял классовой сущности государства и рассматривал его как чисто внешний процесс расширения территории»⁴². Аналогичных взглядов придерживался и А. Н. Насонов⁴³. И. П. Шаскольский перечислил вопросы работы⁴⁴.

Более подробные замечания о курсе лекций Любавского по исторической географии были высказаны М. Н. Тихомировым. С его точки зрения, Любавский, ставя на первый план колонизационные процессы, придает громадное значение и так называемой монастырской колонизации Севера. Тихомиров охарактеризовал Любавского как поборника правительственной колонизации⁴⁵. Но в свое время такая историко-географическая работа М. К.

³⁵ Там же. С. 86–190.

³⁶ Ючас М. А. Русские историки о Великом княжестве Литовском // Тр. АН Литовской ССР. Вильнюс, 1966. Сер. 1. С. 77.

³⁷ См.: Игнатенко А. П. Введение в историю БССР. Периодизация, источники, историография. Минск, 1965; Улащик Н. Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Беларуси феодального периода. М., 1973.

³⁸ Советская историческая энциклопедия. М., 1962. Т. 2. С. 270.

³⁹ Там же. Т. 8. С. 733.

⁴⁰ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. 2. С. 726.

⁴¹ Гудавичюс Э. Процесс закрепощения крестьян Литвы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вильнюс, 1973.

⁴² Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М., 1948. Т. 1. С. 4.

⁴³ Насонов А. Н. Русская земля и образование территории Древнерусского государства. Л., 1951. С. 14.

⁴⁴ Шаскольский И. П. Историческая география // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Вып. 1. С. 100.

⁴⁵ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 5, 419.

Любавского, как «Историческая география России в связи с колонизацией» (М., 1909), была своего рода откровением ввиду полного отсутствия трудов по исторической географии России позднего времени (XVI-XVIII вв.)⁴⁶. А. А. Зимин и А. А. Преображенский также считают, что монастырскую колонизацию Любавский показал в розовых красках, в духе старой историографии, а в «Заселении...» сложный процесс внутренней колонизации, включения «нерусских народов» подменил разбором «примыслов»⁴⁷ великих князей московских.

«Истории западных славян» М. К. Любавского в советской историографии посвящено два отзыва. По мнению А. М. Панкратовой, она была «первой серьезной работой, опубликованной после Октябрьской революции», в этой области исторической науки⁴⁸.

Безусловно, как «выдающийся труд» характеризуют эту работу Любавского В. И. Пичета и У. А. Шустер. По мнению авторов, Любавский благодаря превосходному знакомству с западноевропейской, чешской, польской историографией, а также исчерпывающему знанию источников полно и отчетливо восстановил картину прошлой жизни западного славянства⁴⁹.

Из проделанного обзора литературы, раскрывающей степень изученности творческого наследия М. К. Любавского, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, рассматриваемая нами литература, дав ряд верных и интересных оценок Любавскому и его научному творчеству, страдает известной односторонностью. В основном анализируются работы Любавского по истории Великого Княжества Литовского. Советской историографией были только затронуты, но не подвергались специальному анализу историко-географические работы Любавского, его труды по истории западных славян, обойдены вниманием лекционные курсы по истории Русского государства X–XVIII вв. Такая односторонность затруднила выработку правильной общей оценки творчества Любавского. Особенно ярко это сказалось на обобщающей оценке творчества М. К. Любавского, данной в учебнике «Историография истории СССР», где он причисляется к историкам «одной темы»⁵⁰. Оценка эта по меньшей мере спорная. Опубликованное творческое наследие Любавского и характеристики, данные ему виднейшими советскими учеными, заставляют думать о противоположном.

Во-вторых, вызывает сомнение и немотивированное зачисление ученого в лагерь выразителей идеологии реакционного дворянства, поставившее его в один ряд с Н. К. Шильдером и С. С. Татищевым⁵¹. В советской историографии существует и другое мнение: его считают представителем либерально-буржуазного направления (С. А. Пионтковский, З. Ю. Копыцкий, В. И. Пичета, В. Н. Перцев). Разные мнения по поводу принадлежности историка к какому-нибудь одному определенному направлению в русской исторической науке эпохи империализма объясняются, на наш взгляд, двумя основными причинами: отсутствием его научной биографии и тем, что творчество Любавского изучалось в отрыве от нее. Взгляды ученого изучались в «статике», а не в «динамике».

В связи с этим из поля зрения исследователей выпадал целый ряд «ключевых» тем, без анализа которых невозможно создать обобщающий историографический портрет. Не освещалось формирование мировоззрения Любавского, не рассматривалась творческая история создания его работ, не привлекался архивный материал для изучения творческого облика ученого. Последнее особенно важно, поскольку, как показали находки в архивах, в советское

⁴⁶ Там же. С. 4.

⁴⁷ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1965. Т. IV. С. 374.

⁴⁸ Панкратова А. М. Советская историческая наука за 25 лет и задачи историков в условиях Великой Отечественной войны // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М., 1942. С. 32.

⁴⁹ Пичета В. И. Славяноведение в СССР за 25 лет // Пичета В. И., Шустер У. А. Двадцать пять лет... С. 225.

⁵⁰ Историография истории СССР. 2-е изд. М., 1971. С. 410.

⁵¹ Там же. С. 468.

время им был создан ряд капитальных трудов по социально-экономической истории России XVII–XIX вв. и исторической географии, публикация которых в те годы по различным причинам не состоялась.

Полноценное раскрытие всех трех «срезов» биографии (научная, общественно-политическая деятельность и личная жизнь) во многом зависит от того, в каком объеме сохранилась база источников для ее изучения, в каком объеме в этих источниках могло запечатлеться искомое явление, в каких соотношениях находятся различные виды источников «биографического» комплекса⁵².

Имеющаяся у нас база «биографического» комплекса характеризуется прежде всего следующим. В основном она состоит из протоколов заседаний, формулярных списков о службе, дел об утверждении и назначении в должности тех учреждений, с которыми была связана преподавательская, научная, служебная деятельность М. К. Любавского⁵³. Фонды Московского университета дают нам краткие сведения о жизни Любавского до поступления в вуз, о магистерских занятиях, преподавательской деятельности и работе на посту ректора, об отношении к Первой мировой войне и событиям Февральской революции⁵⁴. В значительной мере их дополняют источники из фондов Министерства народного просвещения, которые позволяют получить информацию об истории получения ученым кафедры в Московском университете, начальных этапах его университетской деятельности и обстоятельствах назначения на пост ректора⁵⁵. Преподавательская работа после Октябрьской революции очень фрагментарно прослеживается по материалам фондов этнологического факультета и факультета общественных наук при 1-м МГУ (степень участия историка в университетской жизни, творческие планы, отношение к нему профессуры)⁵⁶.

О высоком авторитете профессора М. К. Любавского в среде дореволюционного поколения русской научной общественности свидетельствуют отзывы о нем и его ученых трудах академиков М. А. Дьяконова⁵⁷, М. М. Богословского⁵⁸, переписка по поводу подготовки сборника статей в его честь⁵⁹, сведения об обстоятельствах избрания исследователя членом-корреспондентом и действительным членом АН СССР⁶⁰. Работа М. К. Любавского на посту руководителя ОИДР отражена в материалах архива этой организации за 1917–1929 гг.⁶¹ О большой организаторской и теоретической работе историка в области советского архивоведения в первые годы становления Страны Советов свидетельствуют документы из фонда ГУАД за 1918–1926 гг.⁶²

Все эти источники только в сумме своей позволяют, хотя бы мозаично, наметить канву биографии историка. Они дают данные для обрисовки «внешней» стороны жизни М. К. Любавского биографии действия, а не внутреннего мира. Здесь они в какой-то степени дополняются материалами эпистолярного характера.

⁵² Бобинская Ц. Пробелы в источниках. Методологический анализ // Вопросы истории. 1965. № 6. С. 80–81.

⁵³ Шмидт С. О. Некоторые вопросы источниковедения историографии. М., 1976. С. 266–267; Завелев А. И., Наумов В. П. Историографический факт: критерии оценки и анализа // Вопросы истории. 1980. № 5. С. 18–30.

⁵⁴ ЦГА, Москва. Ф. 418. Оп. 492. Д. 186; Оп. 476. Д. 215, 35, 39, 43, 420–424; Оп. 89–95. Д. 1, 4; Оп. 92. Д. 747; Оп. 95. Д. 926.

⁵⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 58, 372; Оп. 150. Д. 1037; Оп. 129. Д. 13; Ф. 740. Оп. 7. Д. 500; Ф. 744. Оп. 1. Д. 269.

⁵⁶ Архив МГУ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 7, 8, 15, 67, 121; Ф. 18. Оп. 1. Д. 8, 10, 42, 96–98.

⁵⁷ РО РНБ. Ф. 270. Д. 11, 140.

⁵⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 442. Д. 3–4, 42.

⁵⁹ Архив СПб ОИИ. Ф. 29. Д. 1. Л. 1–107.

⁶⁰ Архив РАН, Санкт-Петербург. Ф. 1. Оп. 1а. № 164, 165; Ф. 2. Оп. 7–1913. № 25; Оп. 1. 1905. № 30; Оп. 17. Д. 168.

⁶¹ ОР РГБ. Ф. 203. П. 48. Л. 50–60 об., 118–120, 223–225, 26–229 об., 281–282, 362.

⁶² ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 37, 39, 106; Ф. 2. Д. 42, 142; Оп. 4. Д. 3; Оп. 5. Д. 14, 156; Оп. 7. Д. 174; Оп. 15. Д. 15; ЦГНХ СССР. Ф. 4360. Оп. 1. Д. 4.

Эпистолярный ученый по объему невелик. В результате архивных поисков в 18 архивохранилищах Москвы, Санкт-Петербурга, Минска, Уфы выявлено около 150 писем М. К. Любавского, относящихся к концу XIX 20-м годам XX в. Крайняя неравномерность их распределения во времени существенная особенность, которая затрудняет полноценное воссоздание биографии. К тому же 70 % писем носят деловой, официальный или полуофициальный характер. Их можно сгруппировать в три раздела: 1) письма об университетских делах Н. А. Попову, В. О. Ключевскому⁶³, М. М. Богословскому⁶⁴, В. И. Ламанскому, М. А. Менэбиру, А. Р. Михайлову, М. Н. Сперанскому, В. Н. Щепкину, Ф. Е. Коршу⁶⁵; 2) письма по делам ОИДР Е. В. Барсову^{66, 67}, В. М. Истрину⁶⁸, Г. Г. Писаревскому⁶⁹, С. А. Белокурову⁷⁰; 3) письма-записки с приглашением прийти в гости или изъявлением благодарности за оказанные услуги А. С. Лаппо-Данилевскому⁷¹, П. Н. Сакулину⁷², А. А. Шахматову⁷³, С. В. Бахрушину⁷⁴.

К сфере глубоко личных писем, где историк позволяет себе «раскрыться», можно отнести лишь письма М. К. Любавского к А. Е. Грузинскому, В. В. Розанову⁷⁵, В. И. Герье⁷⁶ и С. Ф. Платонову⁷⁷. Их мало, но они приходятся на переломные, очень важные периоды истории нашей страны (1906–1908 и 1917 гг.), по отношению к которым отчетливо обнаруживается проявление наиболее активных социально-политических мотивов и отношений личности, подготовленных предыдущим ее развитием, яснее всего обнаруживается ее характер⁷⁸.

Для тех периодов жизни ученого, где налицо были архивные источниковые лакуны (особенно это характерно для последнего десятилетия жизни Любавского вторая половина 20-х начало 30-х годов), возникает необходимость привлечь материалы его научного наследия и рассмотреть их не только в историографическом, но и в биографическом ракурсе, извлечь из них информацию, важную для понимания историка как личности. Ибо то, как человек объясняет и комментирует поведение других людей и событий, позволяет исследователю предвидеть модель его поведения в той или иной ситуации⁷⁹. Состояние источников «биографического» комплекса (при всех его лакунах) и относительно хорошая сохранность дошедшего до нас опубликованного и неопубликованного творческого наследия М. К. Любавского дают возможность для решения основных задач нашей работы.

⁶³ ОР РГБ. Ф. 239. К. 12. Д. 44; Ф. 131. К. 32. Д. 57; ОРФ ИМ. Ф. 4. Оп. 5. Д. 171.

⁶⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 442. Д. 50.

⁶⁵ Архив РАН, Санкт-Петербург. Ф. 35. Оп. 1. Д. 850; Ф. 248. Оп. 2. Д. 23; Ф. 171. Оп. 2. Д. 56; Ф. 172. Оп. 1. Д. 131; Ф. 254. Оп. 1. Д. 131; Ф. 254. Оп. 1. Д. 42; Архив РАН. Ф. 558. Оп. Д. 203.

⁶⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 450. Д. 18. Л. 111–114.

⁶⁷ ОР РГБ. Ф. 16, 111, 49.

⁶⁸ Архив РАН, Санкт-Петербург. Ф. 332. Оп. 2. Д. 84.

⁶⁹ ОР РГБ. Ф. 227, X, 3/1-в.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 184. Оп. 1. Д. 647, 1064.

⁷¹ Архив РАН, Санкт-Петербург. Ф. 113. Д. 243.

⁷² РГАЛИ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 531.

⁷³ РО ИРЛИ. Ф. 624. Оп. 14. Д. 3.

⁷⁴ Архив РАН. Ф. 624. Оп. 4. Д. 119.

⁷⁵ РГАЛИ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 202; Ф. 419. Оп. 1. Д. 537.

⁷⁶ ОР РГБ. Ф. 70. К. 48. Д. 13–16; К. 34. Д. 46.

⁷⁷ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 2. Д. 1196.

⁷⁸ Мердин В. С. Принципы психологической характеристики типов личности // Теоретические проблемы психологии личности. М., 1974. С. 233.

⁷⁹ Москвичев С. О. Проблемы мотивизации в психологических исследованиях. Киев, 1975. С. 49; Бодалев А. А. Формирование понятия о другом человеке как личности. Л., 1970. С. 111; Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946. С. 620.

Жизненный путь ученого

Формирование общественно-политических и исторических взглядов (1870-е начало 1900-х гг.). Будущий известный историк родился 1(14) августа 1860 г. в селе Большие Можары Сапожковского уезда Рязанской губернии в семье дьячка. Детство Матвея Кузьмича было голодным, ему рано пришлось задуматься о хлебе насущном. Первоначальные азы грамоты Любавский получил от своего деда, заштатного дьячка: дед учил внука церковно-славянской азбуке и чтению. Дальнейшим домашним образованием мальчика занимался его дядя, священник села Меньшие Можары. Он обучил племянника арифметике, грамматике и орфографии⁸⁰.

В 1870 г. Матвей Кузьмич поступил в Сапожковское духовное училище, после окончания которого в 1874 г. продолжил учебу в Рязанской духовной семинарии. Уже здесь из всех предметов обучения семинариста заняла больше других «гражданская история в талантливом и одушевленном преподавании Н. З. Зиорова (позднее архиепископа Варшавского Николая)»⁸¹. Учился он блестяще. Из всех оценок, выставленных в аттестате Любавского до 4-го класса, числится только одна четверка по истории философии⁸². В 1878 г. Любавский закончил 4-й класс семинарии и прибыл в Москву поступать в университет на историко-филологический факультет.

Трудолюбие и практическая сметка помогали молодому студенту выходить из тяжелого, подчас отчаянного положения. Единственной радостью в эти полные забот о куске хлеба годы был университет, его историко-филологический факультет. Здесь было у кого и чему учиться. Всеобщую историю читал маститый ученый В. И. Герье, русскую историю историко-филологического факультета Н. А. Попов, историю русского языка и литературы Ф. И. Буслаев, славянскую филологию известный языковед Дювернуа⁸³. В первые годы учебы сильнейшее влияние на круг исторических интересов Любавского оказал Н. А. Попов. Из тематики его семинаров и «выросли» те работы Любавского по истории Великого Княжества Литовского, которые впоследствии создали ученому имя в науке.

В 1878 г. в семинаре В. И. Герье для младшего отделения разбирались «Анналы» Тацита, труды времен правления Тиберия. Приходилось много читать, много думать, много работать.

На II курсе прибавились новые дисциплины, появились новые преподаватели. Помимо семинаров В. И. Герье и Н. А. Попова, где изучались источники по истории Средних веков, источники по истории Ливонского края и Волынская летопись, читались лекции по логике (М. М. Троицкий), греческим и римским древностям (И. В. Цветаев), истории русского языка и литературы (Н. С. Тихонравов) и всеобщей литературе (Н. И. Стороженко), всеобщей истории (П. Г. Виноградов). В 1879 г. Советом университета был утвержден в звании доцента по кафедре русской истории В. О. Ключевский⁸⁴.

На III курсе М. К. Любавский участвовал в общем семинаре В. И. Герье, где занимался анализом статей по новой истории, и в семинаре В. О. Ключевского, в котором изучались Русская Правда и Псковская судная грамота. К читавшимся ранее курсам лекций добавился новый курс по психологии (М. М. Троицкий).

⁸⁰ ЦГА, Москва. Ф. 418. Оп. 492. Д. 186. Л. 9.

⁸¹ ОР РГБ. Ф. 70. Оп. 48. Д. 13, 14.

⁸² ЦГА, Москва. Ф. 418. Оп. 492. Д. 186. Л. 2.

⁸³ Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1878 г. М., 1879. С. 20–25.

⁸⁴ Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1879 г. М., 1880. С. 24, 40, 108–109.

Прослушав лекции по истории философии (М. М. Троицкий), всеобщей истории (В. И. Герье, В. Ф. Миллер), русской истории (В. О. Ключевский), истории церкви (А. И. Иванцов-Платонов), теории и истории искусств (К. К. Герц), политэкономии (А. И. Чупров) и плодотворно поработав в семинарах В. И. Герье (средневековая история и история XVIII в.) и В. О. Ключевского (Судебник 1550 г.)⁸⁵, Любавский написал кандидатское сочинение «Дворяне и дети боярские в Московском государстве». Создавалось оно под руководством Н. А. Попова. Матвей Кузьмич был удостоен за эту работу премии им. Исакова, золотой медали⁸⁶ и кандидатской степени⁸⁷. По представлению Попова и Ключевского от 31 мая 1882 г. Любавский был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре русской истории⁸⁸.

Первое исследование (неопубликованное) ученого носило историографический характер. Сам Любавский считал свою работу преимущественно критической оценкой мнений, существовавших в русской исторической литературе XVIII–XIX вв. по вопросу о происхождении и составе дворян и детей боярских Русского государства⁸⁹. Но глубокая, внимательная проработка первоисточников позволяла ученому выходить за круг чисто историографических задач работы.

Эта тема таила много неразрешенных вопросов, имевших первостепенное значение для понимания истории Русского государства XV–XVII вв. Почему и откуда возникло привилегированное положение дворянства в Русском государстве? Почему государство так высоко оплачивало службу этого сословия?

Почему правительство ставит целую массу производительного населения в экономическую, а затем и юридическую крепостную от него зависимость?

Ученый считал, что на многочисленные «почему» можно будет дать ответ, если выяснить, как возник «служебный класс дворян и детей боярских в Московском государстве и из каких общественных элементов он составлялся»⁹⁰. Таким образом, отчетливо виден интерес автора к проблеме социальных отношений в Русском государстве. Ответы на эти вопросы социальной истории М. К. Любавский решал в русле чичеринско-соловьевской «государственной» теории. Повышение социального статуса дворянства ученый связывал прежде всего с положением этого сословия, являвшегося основной силой военных сил государства, и особенно конницы, так необходимой в постоянных схватках «лесной» Руси с кочевыми и полукочевыми народами. Вместе с тем дворяне и дети боярские предстают в работах историка как класс, «прикрепленный к военной службе»⁹¹.

Высшее общественное положение, которое занимала часть дворянства, М. К. Любавский правомерно считал наследием старого времени, традицией удельного периода. Здесь, с одной стороны, были представители аристократических слоев обедневших княжеских и боярских служилых родов (до XIV в.), с другой выходцы из простолюдинов «за службу» (особенно интенсивно с XVI в.)⁹².

В сочинении М. К. Любавского, помимо интересных частных наблюдений, ясно прослеживается желание работать в области исторической географии. Историко-географический элемент в этой работе весьма значителен: (наблюдения об особенностях положения

⁸⁵ Там же, за 1881 г. М., 1882. С. 20, 96.

⁸⁶ Там же, за 1882 г. М., 1883. С. 25.

⁸⁷ ЦГА, Москва. Ф. 418. Оп. 492. Д. 186. Л. 16.

⁸⁸ ОР РГБ. Ф. 364. К. 11. Д. 15. Л. 1–2.

⁸⁹ ЦГА, Москва. Ф. 418. Оп. 513. Д. 5023. Л. 24.

⁹⁰ ЦГА, Москва. Ф. 418. Оп. 513. Д. 5023. Л. 24.

⁹¹ Там же. Л. 10 об.

⁹² Там же. Л. 3, 5–7, 42 об.

дворянства в зависимости от района службы, своего рода «словесная карта Московского государства XVII в.»⁹³.

Из стен университета М. К. Любавский вынес прочные и глубокие знания, а также пристрастие к работе с первоисточниками, привитое Н. А. Поповым и В. О. Ключевским. Именно в университете Матвей Кузьмич завязал личное знакомство с учившимися вместе с ним Р. Ю. Виппером, П. Н. Милюковым, В. Е. Якушкиным, М. С. Корелиным. А с двумя последними на долгие годы установились прочные дружеские отношения.

После отъезда товарищей из Москвы для М. К. Любавского наступила пора одиночества и творческих исканий. Даже одна мысль о гигантском предстоящем труде и цели его, не совсем еще ясной, приводила молодого ученого «чуть ли не к отчаянию». Он «погряз в книги. Естественно, что все другие интересы жизни отошли временно на второй план»⁹⁴. Об этом М. К. Любавский не раз писал своему приятелю В. В. Розанову. Занятия историей учили критически мыслить, много работать, что, по словам самого Любавского, превращало его в Фому неверующего, который, «прежде чем не видит своего перста, не верит». Кропотливые изыскания в области исторической географии, работа над родословными книгами требовали огромных затрат времени и невероятного напряжения сил, тем более что заниматься по одной литературе Любавский не хотел и не любил.

Уважение к факту-первоисточнику, своего рода преклонение перед ним, вытекало из позитивистских установок, впитанных на лекциях М. М. Троицкого представителя того течения в русской философии и психологии, которое соединяло позитивистские установки с религиозно-философскими учениями православной церкви. «В частности, почувствовал я, писал Любавский Розанову, необходимость факта при изучении истории... Только сумма реальных фактов, осмысленных должным образом, возбуждает в душе известное чувство, которое я считаю зиждательным началом жизни: и чем более свидетельств от фактов, тем чувство интенсивнее... Наш дух тут только простая возможность, способность получения впечатлений и образования идей»⁹⁵.

В напряженных занятиях незаметно подошел 1885 год. Н. А. Попов предложил Матвею Кузьмичу работать на кафедре русской истории в Сибирском университете. В Сибирь ехать не хотелось, «ибо в провинции дальнейшие занятия русскою историею немислимы»⁹⁶. Любавский начал уже работать над Литовской Метрикой, в связи с этим понятно его желание остаться в Москве. Начались долгие и мучительные хлопоты по трудоустройству. Со сдачей магистерских экзаменов исчез такой источник существования, как стипендия. Хорошо хоть сохранился один «домашний урок», иначе пришлось бы очутиться в «невозможном положении»⁹⁷. Одно время дела немного улучшились (помогли Герье и Попов), но ненадолго. «Домашний урок» кончился в мае 1886 г., и вопрос о существовании снова выдвинулся на первый план. «До сих пор еще не нашел и мало питаю надежды на то, что найду, писал Любавский Розанову. Что буду делать, если действительно случится последнее, т. е. не найду занятий в Москве, об этом стараюсь не думать...»⁹⁸ К сентябрю 1886 г. удалось устроиться в частную гимназию О. А. Виноградовой преподавателем истории⁹⁹. В это же время возобновилась прерванная работа над диссертацией. Но и в последующие годы Матвей Кузьмич был вынужден возвращаться к своей научной работе урывками. С 1887 г. он начал давать

⁹³ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 527. Л. 22–22 об.

⁹⁴ Там же. Л. 24–25.

⁹⁵ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 527. Л. 20.

⁹⁶ Там же. Л. 9, 19.

⁹⁷ Там же. Л. 16.

⁹⁸ ОР РГБ. Ф. 364. К. 11. Д. 15. Л. 2.

⁹⁹ Там же.

уроки географии во 2-й женской гимназии и Мариинском училище¹⁰⁰. Свою преподавательскую деятельность в средних учебных заведениях М. К. Любавский не прекращал вплоть до Октябрьской революции 1917 г. Кроме того, он работал товарищем председателя исторической комиссии учебного отдела Русского технического общества (его Московского отделения)¹⁰¹. Но и при такой загруженности он сумел к 1892 г. напечатать свою магистерскую диссертацию «Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута».

31 мая 1894 г. Любавский получил степень магистра и приступил к преподаванию в Московском университете¹⁰², где проработал до 1930 г.

Первое фундаментальное исследование М. К. Любавского по литовскорусской истории, при подготовке которого большую помощь советами и литературой оказали его учителя Н. А. Попов и В. О. Ключевский¹⁰³, было посвящено памяти Н. А. Попова, «человека, который так много содействовал его появлению». Эта работа представляла собой удачную попытку изображения социально-политических механизмов власти и социальной структуры Великого Княжества Литовского в самостоятельный период его развития (до конца XV в.). Поставленная автором цель уяснение государственного типа «Литовской Руси» была достигнута с помощью детального показа истории происхождения системы местного управления Княжества и выявления ее роли в жизни Литовского государства. Показ системы местного управления в тесной связи с эволюцией внутри самого социального организма государства позволял раскрыть происхождение и состав его «социальных клеток» (историю классов, сословий, категорий населения).

Удачный выбор фактически неисследованной темы, имевшей крайне скудную и отрывочную литературу, и фундаментальная проработка вводимого в научный оборот огромного источникового массива Литовской Метрики (в основном из Отдела записей) позволяли ученому пересмотреть ранее высказанные точки зрения и обосновать их бездоказательность (например, положения В. Б. Антоновича о происхождении крестьян-отчичей, М. Ф. Владимирского-Буданова о громадном влиянии немецкого права в Литве и др.).

Основательность и глубина изучения источников дали возможность ответить на один из главных для ученого вопросов о причинах слабой государственной централизации как наиболее характерной особенности в «конструкции Литовско-Русского государства». Чтобы прийти к доказательным выводам о происхождении и устройстве областного деления, потребовалось специальное исследование неизученной политической географии государства в рассматриваемое время.

Не все задачи удалось решить. В первую очередь это касалось вопроса о закреплении крестьянства. Любавский, несмотря на детальный показ эволюции различных категорий крестьянства Литвы и Беларуси в процессе закрепощения, объяснял право феодала на крестьянский труд действием принципа давности, «старинны», господствовавшего якобы во всех сферах государственных отношений Великого Княжества Литовского. Такой вывод был шагом назад даже по сравнению с современной ему историографической версией, представленной в трудах Ф. И. Леонтовича и М. Ф. Владимирского-Буданова, которые выводили теорию происхождения крепостного права в Литовском государстве из долговой зависимости крестьянства (т. е. из экономических условий)¹⁰⁴.

¹⁰⁰ Вся Москва. М., 1887. С. 572, 578, 565.

¹⁰¹ ОР РГБ. Ф. 364. К. 11. Д. 15. Л. 2.

¹⁰² ОР РГБ. Ф. 239. П. 12. Д. 44; Ф. 131. П. 32. Д. 57.

¹⁰³ Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута. М., 1892. С. III.

¹⁰⁴ Леонтович Ф. И. Крестьяне Юго-Западной Руси по литовскому праву XV и XVI столетий // Киевские университет. Известия. 1863. № 10. С. 4, 18–21; Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Киев, 1880. Вып.

Однако несмотря на некоторые недостатки, эта работа Любавского не только создала прочную основу для исследования истории Великого Княжества Литовского XIII–XV вв., но и явилась фундаментом, необходимым для правильного отображения и оценки последующей эпохи в истории этого государства, ознаменовавшейся тесным сближением его с Польшей. Огромный пласт исторической «целины», поднятый ученым в работе, сделал ее отправной точкой для последующих изысканий в области изучения истории Литвы, Беларуси и Украины. Исследование Любавского получило высокую оценку современников, ему была присуждена премия Г. Ф. Карпова от Общества истории и древностей российских (ОИДР) и премия графа Уварова от Петербургской академии наук.

В 1894 г. М. К. Любавского утвердили в должности приват-доцента по кафедре русской истории, и он начал научную и преподавательскую деятельность в Московском университете¹⁰⁵. В середине 1890-х гг. на историко-филологическом факультете преподавали такие известные филологи, как Ф. Е. Корш, С. И. Соболевский, М. М. Покровский, С. В. Рождественский, слависты Р. Ф. Брандт, М. И. Соколов, историки искусств И. В. Цветаев, В. Г. Аппельрот, Ф. Ф. Фортунатов, историки В. И. Герье, М. С. Корелин, Д. М. Петрушевский, В. О. Ключевский¹⁰⁶. Молодой приват-доцент читал в 1895/96 академическом году курс «История Западной Руси» (с середины XVIII в.)¹⁰⁷. В 1896 г. для желающих вел семинар, где изучались земские привилегии Литовско-Русского государства¹⁰⁸. В 1897–1899 гг. начал преподавать курс «Историческая география России в связи с историей колонизации»; с 1899 г. по поручению факультета курс «История западных славян» для исторического отделения и «Историю Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно» для желающих¹⁰⁹. Эта тематика была углублена и расширена в последующих работах М. К. Любавского.

Таким образом, мы видим, что к 1900 г. определились три основные области дальнейших исторических интересов ученого: история Великого Княжества Литовского, историческая география и история западных славян.

Напряженная преподавательская деятельность в эти годы помогла отработать многие положения нового капитального исследования Любавского по истории Литовско-Русского сейма¹¹⁰. Истории происхождения областных сеймов достаточное место уделялось уже в главе IV первой монографии Любавского.

С сообщением «К истории Литовско-Русского сейма» своего рода проспект-программой будущего исследования М. К. Любавский выступил еще в феврале 1896 г. на заседании ОИДР¹¹¹. После шести лет работы тезисы переросли в фундаментальную монографию, ставившей своей целью изучение того центрального учреждения Литвы, в котором выражен «наиболее общий итог социально-политической истории этого государства за время его самостоятельного существования»¹¹².

В сумме своей магистерское и докторское исследования давали возможность рассмотреть социально-политический аспект внутреннего развития Великого Княжества Литов-

П. Прил. 15. С. 31.

¹⁰⁵ Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1894 г. М., 1895. С. 67.

¹⁰⁶ Обзор преподавания на историко-филологическом факультете императорского Московского университета на 1895–1896 гг. М., 1895. С. 3–32.

¹⁰⁷ Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1896 г. М., 1897. С. 27.

¹⁰⁸ Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете императорского Московского университета за 1897–1898 гг. М., 1897. С. 13.

¹⁰⁹ Там же, за 1898–1899 гг. М., 1898. С. 14; Там же, за 1899–1900 гг. М., 1899. С. 13.

¹¹⁰ Любавский М. К. Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждений в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства. М., 1901.

¹¹¹ Чтения ОИДР. М., 1898. Кн. II. С. 47.

¹¹² Любавский М. К. Литовско-русский сейм. С. 1.

ского в XIV–XVI вв. Успешному выполнению поставленных задач способствовало существование в русской историографии конца XIX в. труда В. О. Ключевского о Боярской думе, основанного на материалах по истории Северо-Восточной Руси.

Разрешение такой сложной и не разработанной в историко-юридической литературе темы, как Литовско-Русский сейм, требовало глубокой самостоятельной проработки большого комплекса источников, начиная с древнейших летописей и кончая огромным актовым материалом, взятым из отечественных и зарубежных (польских, немецких) публикаций второй половины XIX в.

Основной объект изучения требовал в первую очередь анализа законодательных памятников. Здесь ученый с успехом применил историко-сравнительный метод. Сравнение более ранних статутов с более поздними давало возможность проследить их эволюцию, а их проверка и дополнение по другим источникам (преимущественно по актовому материалу, отображавшему повседневную жизнь государства) позволяли решить вопрос о степени реализации законодательства в действительности. Источниковедческая критика проводилась и путем анализа содержания самого источника, и путем использования результатов самостоятельных генеалогических разысканий.

Ценной чертой источниковедческого анализа, проведенного М. К. Любавским, стало умение выделять при изучении документов интересы того или иного социального слоя, которые в свою очередь накладывали отпечаток на характер и содержание источника. Выявляя в документе подобные интересы, историк всегда исходил из вопроса: кому это более всего выгодно? Нередко он признавал при этом преобладание экономических интересов над политическими и правовыми.

Логичная структура работы позволяла не потеряться в море фактов, а целенаправленно двигаться к решению поставленных задач. Конкретные, доказательные ответы на главные вопросы исследования (социально-политическое устройство Литовского государства в XIV–XVI вв., история его сейма и двух его «станов» шляхты и панов-рады, внешнеполитические отношения Литвы с Москвой и Польшей, уния с Польшей, система внутреннего управления Литовского государства и т. д.) стали важным научным достижением отечественной историографии. В ее арсенал вошел и вывод М. К. Любавского о сейме как порождении особенностей внутреннего развития социально-политического строя Литвы. Рассматривая феодализм в качестве формы организации власти и управления, ученый оставался на позициях государственной школы, но понимание сущности социальных процессов было более глубоким. Это сказалось в трактовке привилегированного положения и видной роли правящего шляхетского сословия в делах управления государством как прямого следствия экономического могущества шляхты по сравнению с другими слоями населения. Справедливо отмечалось, что «экономические факторы берут обыкновенно свое вопреки юридическим ограничениям»¹¹³.

Основанное на богатом и в значительной степени новом материале исследование М. К. Любавского «Литовско-русский сейм» было признано «ценным вкладом в историческую науку, восполняющим крупный пробел в русской и польской литературе по историографии Западной Руси»¹¹⁴. После защиты исследования как докторской диссертации 28 мая 1901 г. его автор был единогласно удостоен степени доктора русской истории. Труды М. К. Любавского, по мнению одного из рецензентов, составили «новую эпоху в развитии научного изучения прошлого Литовско-Русского государства»¹¹⁵. Правда, в эти годы некоторые ученые не только пытались оспаривать выводы Любавского об организации центральных учрежде-

¹¹³ Любавский М. К. Литовско-русский сейм. С. 848.

¹¹⁴ Исторический вестник. СПб., 1901. Т. 85. С. 360–361.

¹¹⁵ Отчет о присуждении премии Г. Ф. Карпова имп. ОИДР при Моск. университете. М., 1903. С. 9.

ний Литовского государства (М. В. Довнар-Запольский)¹¹⁶, но и демонстрировали полное непризнание их правоты (Н. А. Максимейко, Ф. И. Леонтович)¹¹⁷. Матвей Кузьмич детально и критически рассмотрел аргументацию рецензентов и отстоял свою позицию¹¹⁸. Советская историография признала верность выводов М. К. Любавского¹¹⁹.

После успешной защиты докторской диссертации М. К. Любавский, утвержденный в 1902 г. в должности экстраординарного профессора, фактически стал преемником В. О. Ключевского на кафедре русской истории. Получение кафедры состоялось при личном содействии В. О. Ключевского¹²⁰.

Новое положение обуславливало и иные масштабы работы. В 1902–1905 гг. Любавский стал читать курс по «Древней русской истории», вел семинары по теме «Главные источники древней русской истории» (летописи, Русская Правда, Судебник 1497 г.), по историографии и др.¹²¹ Он продолжал также вести курсы по исторической географии и истории западных славян, давал уроки в средних учебных заведениях, исполнял обязанности секретаря факультета, преподавал на Высших женских курсах¹²². Как видим, его педагогическая нагрузка в эти годы весьма внушительная.

Кроме того, в активе Любавского как исследователя к 1905 г. числилось около 25 печатных работ по истории Великого Княжества Литовского и западного славянства.

В эпоху революций (1905–1917 гг.). В период революционных потрясений 1905–1907 гг. русская либеральная буржуазия стала ратовать за единение с царизмом, твердой законной властью. Это было характерно и для М. К. Любавского, показавшего себя «академически» мыслящим консерватором¹²³. Под напором революционного движения правительство было вынуждено идти на уступки. Так, подачку в виде «Временных правил» подбросили и либерально настроенной профессуре Московского университета. Здесь вводилась ограниченная автономия. Совет университета избрал первого выборного ректора: 3 сентября им стал князь С. Н. Трубецкой, известный русский философ-идеалист и сторонник конституционной монархии. Для управления хозяйственными и учебными делами университета была создана комиссия в составе Р. Ю. Виппера, В. О. Ключевского, М. К. Любавского, В. И. Вернадского, К. А. Умова, К. А. Тимирязева, П. И. Новгородцева, И. А. Каблукова, В. М. Хвостова, А. Б. Фохта, И. Г. Спижарного и Д. И. Дьяконова¹²⁴.

Отрицательно относясь к революционному движению в эти годы, М. К. Любавский считал, что революционные события станут причиной гибели высшей школы на несколько лет¹²⁵. Революция определила и его отношение к основным политическим партиям России. К кадетам ученый по своим убеждениям примкнуть не мог, так как они «не провели достаточно резкой границы между собой и революционными партиями». Умеренно-прогрессивная партия отталкивала его своей «четырёххвостностью» (всеобщая, прямая, равная и тайная подача голосов). Монархические партии были «уж очень ветхозаветны». «Скорее всего примкну к так называемой партии 17 октября, писал Любавский Герье, хотя по-настоящему

¹¹⁶ Довнар-Запольский М. В. Спорные вопросы в истории Литовско-Русского сейма. СПб., 1904. С. 47.

¹¹⁷ Максимейко Н. А. Литовско-русские сеймы. Харьков, 1902. С. 40.

¹¹⁸ Любавский М. К. Новые труды по истории Литовско-Русского сейма // ЖМНП. 1903. № 2–3. С. 121–167.

¹¹⁹ Пичета В. И. Белоруссия и Литва. С. 186.

¹²⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 158. Л. 329.

¹²¹ Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете императорского Московского университета за 1902–1905 гг. М., 1902–1904. С. 13–16.

¹²² ОР РГБ. Ф. 364. К. 11. Д. 15. Л. 5.

¹²³ ОР РГБ. Ф. 70. Оп. 48. Д. 13 (Письма М. К. Любавского к В. И. Герье от 11 октября 1904 г. и 8 декабря 1904 г.).

¹²⁴ Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1905 г. М., 1906. С. 63.

¹²⁵ ОР РГБ. Ф. 70. П. 48. Д. 14 (письмо М. К. Любавского к В. И. Герье от 27 декабря 1905 г.).

следовало бы организовать свою партию октроированной конституции»¹²⁶. В предчувствии крайностей Матвей Кузьмич начал серьезно подумывать о перемене рода деятельности, поскольку ожидал в исторической науке «либо господства реакционного деспотизма, либо господства якобинского деспотизма». «И то и другое, отмечал он, одинаково для меня ненавистно»¹²⁷.

В 1908 г. М. К. Любавский был избран деканом историко-филологического факультета и снова активно включился в административную работу не без желания способствовать введению студенческой молодежи в русло академической науки¹²⁸.

В небольших статьях, опубликованных в газете «Голос Москвы» (издатель и редактор А. И. Гучков), где Любавский вел отдел университетской жизни, Матвей Кузьмич раскрывал свое политическое кредо, призывал водрузить в университете знамя «академизма», покончить с ним как политическим клубом и «вернуть его к прямому назначению служения науке»¹²⁹. Ученый критиковал представителей «крайних» направлений (монархистов и социал-демократов) за «невнимание к условиям и данным текущей русской жизни, непонимание действительности». (Первых за попытки объяснить революцию как кару за отступление от истинно русского начала и введение конституции, а вторых за их веру, что «все можно перевернуть в России вверх дном» путем революционного изменения общественного строя.) Любавский считал революционные потрясения, переживаемые страной, не случайными событиями, а явлением, которое «долгое время вскармливало и вспаивало отсутствием политической свободы, приказным гнетом и произволом, поверхностным образованием нашего общества, народным невежеством и нищетою. Теперь же оно только вышло наружу во всей своей красе и силе»¹³⁰. Это отнюдь не означало, что он признавал революцию закономерным явлением в жизни общества. «Мы противники революции не только как практической политики, но и как исторической теории», писал Любавский в работе «Конституционное движение в России».

В 1910 г. Россия переживала период нового революционного подъема. Учащаяся молодежь активно включилась в общественное движение, выдвигая политические требования. Правительство обрушило на студентов репрессии. Министр народного просвещения Л. А. Кассо разослал 11 января 1911 г. циркуляр, в котором заявлял о недопустимости «публичных и частных студенческих собраний, за исключением собраний научного характера». Если же вопреки усилиям администрации сходка все-таки собиралась, ректорам предписывалось вызывать полицию. Ряд профессоров Московского университета во главе с ректором А. А. Мануйловым в знак протеста против действий министра подали в отставку. 1 февраля (ст. ст.) Л. А. Кассо удовлетворил их ходатайство. Университет остался без руководства и лучших профессоров. Дело шло к тому, что Россия могла лишиться своего прославленного учебного заведения оно разваливалось на глазах профессоров поддержали приват-доценты, многие младшие служащие также оставили должность в университете.

4 февраля 1911 г. М. К. Любавский, отдававший себе ясный отчет о последствиях такого разрушения, обратился к членам Совета университета со своеобразным посланием:

«Московский университет в настоящее время подожден и объят пламенем извне и внутри. Нам, его преподавателям, надо употребить все усилия, чтобы отстоять во что бы то ни стало нашу альма-матер, спасти все, что только можно. При таких обстоятельствах считаю, что личные чувства преподавателей, как бы благородны сами по себе они ни были,

¹²⁶ ОР РГБ. Ф. 70. П. 48. Д. 15 (письмо М. К. Любавского к В. И. Герье от 2 января 1906 г.).

¹²⁷ Там же. Д. 15 (письма Любавского к Герье от 2 января 1906 г. и от 12 февраля 1905 г.).

¹²⁸ Отчет о состоянии и действиях имп. Московского университета за 1908–1909 гг. М., 1909. С. 14.

¹²⁹ Голос Москвы. 1907. 1 апр., 15 апр.

¹³⁰ Там же. 8 мая.

должны отойти на второй план и уступить требованиям блага университета. С этой точки зрения считаю роковой ошибкой выход преподавателей в отставку и полагаю, что Совет должен исчерпать все средства, чтобы убедить их взять назад свои прошения об отставке...»

С историко-филологического факультета уходил Д. М. Петрушевский. Как декан М. К. Любавский пытался не допустить такого шага. Он обратился к попечителю учебного округа, отметив, что отставка выдающегося специалиста по Средним векам скажется на качестве преподавания. Едва выздоровев от инфлюэнцы, протекавшей в тяжелой форме, М. К. Любавский поехал к Л. А. Кассо хлопотать за 25 студентов, которых полиция переписала на одной из сходов и которые подлежали отчислению из университета. Преподаватели вступились за них и доказали, что полиция ошиблась студенты присутствовали на занятиях. Расправу удалось предотвратить.

Даже из этих поступков видно, насколько несправедливым было обвинение М. К. Любавского в «лакейском прислужничестве власти», которое сделали в свое время авторы «Истории Московского университета» (М., 1955. Т 1. С. 379).

В апреле 1911 г. Совет университета избрал профессора М. К. Любавского ректором. На этой должности он проработал до 1917 г., подвергаясь постоянным атакам то слева, то справа, так как радикалов не устраивало его стремление поставить университет вне политики. Как ни старался заниматься Матвей Кузьмич лишь учебными делами, но приходилось выполнять волю начальства, притом приказывало и начальство московское в лице попечителя, и начальство петербургское в лице министра просвещения. Часто их распоряжения вступали в противоречие друг с другом. Ректор не всегда угождал Совету, а уж сторонники университетской автономии были недовольны М. К. Любавским за одно то, что он согласился стать ректором.

Однако несмотря на все это, Любавский медленно, но неуклонно восстанавливал университет после разгрома 1911 г. При этом прежде всего ученый думал о необходимости этого высшего учебного заведения для России, а не о выполнении предписаний свыше. Не случайно на официальном заседании Совета, посвященном 300-летию Дома Романовых, ректор «говорил больше о патриотизме народа, чем о заслугах и династии», что не ускользнуло от внимания современников.

Успешное «упорядочение» университета и умелое ведение его хозяйственных дел укрепили авторитет М. К. Любавского в глазах профессуры. В марте 1914 г. он был избран ректором на второе трехлетие (67 избирательных шаров и 12 неизбирательных)¹³¹.

На этом посту и застала Матвея Кузьмича Первая мировая война. Патриотические настроения захватили многих русских интеллигентов; призывы правительства к войне против «немецких варваров» увлекли даже таких демократически настроенных людей, как А. Н. Толстой, В. Г. Короленко¹³².

Как и многие другие патриотически настроенные русские интеллигенты, М. К. Любавский был сторонником войны до победного конца. Перед лицом немецкой опасности он призывал сплотиться, прекратить внутренние распри, применить суровые меры к спекулянтам, так как борьба, по его мнению, предстояла «на жизнь и на смерть»¹³³. Как ректор Московского университета Любавский выступил инициатором «Ответов русских ученых на обращение немецких ученых к «культурному миру»¹³⁴, в которых критиковалась ложь по поводу предъявленных Германией обвинений в «вандализме» и нарушении законов международ-

¹³¹ ОР РГБ. Ф. 263. Д. без шифра (А. Н. Савин. Дневник. Университетские дела, 1914, с. 106); РГИА. Ф. 749. Оп. 7. Д. 500. Л. 26–26 об.

¹³² Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972. С. 31–32.

¹³³ Любавский М. К. О значении переживаемого ныне исторического момента. М., 1915. С. 8.

¹³⁴ ЦГА, Москва. Ф. 418. Оп. 92. Д. 747. Л. 5 об., 6.

ного права. Активное участие ректор принимал в работе университета, направленной на оборону страны¹³⁵.

Деятельно помогал М. К. Любавский становлению и работе периодического печатного органа русских историков «Исторические известия» (начал выходить с 1916 г.)¹³⁶. В эти же годы он выступал одним из инициаторов и организаторов намечавшегося на 1919 г. первого съезда историков¹³⁷. Активно сотрудничал в ОИДР, секретарем которого был с 1907 по 1917 г., а председателем с 1917 по 1929 г.

Несмотря на значительно увеличивавшийся объем административной работы, Матвей Кузьмич плодотворно и успешно занимался научной и преподавательской деятельностью. Помимо ставших традиционными для него курсов по истории западных славян, древней русской истории (до конца XVI в.), исторической географии, Любавский стал читать новые по истории Польши, Чехии, русской истории XVII в. и первой четверти XVIII в., XVIII в. Вел семинары источниковедческого характера, где изучались Литовские Статуты, сочинение Г. К. Котошихина, Русская Правда, общеземские и областные привилеи Великого Княжества Литовского, Соборное уложение 1649 г., волочная помера и уставы Сигизмунда Августа¹³⁸.

Знаком признания и высокой оценки творчества Любавского со стороны русской научной общественности стало его избрание действительным членом многих научных обществ и почетным членом ряда ученых губернских архивных комиссий¹³⁹. Группа ведущих представителей русской исторической науки подготовила к 30-летию научной и педагогической деятельности М. К. Любавского сборник статей в его честь¹⁴⁰. Московская университетская историческая наука того периода видела в Любавском крупного русского ученого, создавшего в науке о русской истории совершенно новую область¹⁴¹. По рекомендации М. А. Дьяконова в декабре 1917 г. ученый был избран членом-корреспондентом Российской академии наук¹⁴². Он являлся не только крупным историком-исследователем, но и «выдающимся профессором»¹⁴³, учителем видных советских историков: В. И. Пичеты, Н. Г. Бережкова, В. А. Панова, А. А. Новосельского, В. К. Никольского, руководителем магистерских занятий С. В. Бахрушина¹⁴⁴.

Из научных работ Любавского этого периода особого внимания заслуживал «Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно» (М., 1910). Своеобразный итог обобщение положений магистерской и докторской диссертаций эта работа знакомила с социально-политической эволюцией Великого Княжества Литовского X-XVI вв.

В научной литературе в то время не существовало труда, который давал бы в известной степени общую концепцию «Литовско-Русской истории». Любавский старался, по его словам, держаться «на уровне существующих научных разысканий». Поэтому, как ни важно было освещение экономической эволюции Литовско-Русского государства и истории его

¹³⁵ Отчет о состоянии и действиях имп. Московского университета за 1915 г. М., 1916. С. 221–228, 415; РГА, Москва. Ф. 418. Оп. 93. Д. 763. Л. 11–11 об.

¹³⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 442. Д. 50. Л. 38; Д. 50. Л. 127.

¹³⁷ ОР РГБ. Ф. 364. К. 11. Д. 29 (письмо Д. Н. Егорова к М. К. Любавскому от 19. VI. 1916); Д. 28 (письмо М. К. Любавского к А. Н. Игнатьеву от 28. VI. 1916).

¹³⁸ Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Московского университета за 1906–1915 акад. гг. М., 1906–1916. С. 7–14.

¹³⁹ ОР РГБ. Ф. 364. К. 11. Д. 15. Л. 9.

¹⁴⁰ Архив ЛОИИ. Ф. 29. Д. 1. Л. 2 (Сб. статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917).

¹⁴¹ ОПИ ГИМ. Ф. 442. Д. 42. Л. 5.

¹⁴² РО РНБ. Ф. 270. Д. 11. Л. 1–4; Архив РАН (СПб.). Ф. 1. Оп. 1 а. № 164. С. 291.

¹⁴³ Черепнин Л. В. И. А. Голубцов ученый и человек // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. С. 185.

¹⁴⁴ ЦГА, Москва. Ф. 418. Оп. 476. Д. 35. Л. 26.

духовной культуры, автор вынужден был отказаться от всяких значительных попыток в этом направлении «ввиду отсутствия серьезных, достаточно широких и глубоких исследований по этой части»¹⁴⁵. Сами экономические мероприятия, проводившиеся в этом государстве, интересовали историка, но не с точки зрения экономического содержания, а их публично-правовой аспект. В «Очерке...» формулировался вывод о том, что в «Литовско-Русском государстве господствовал такой же феодализм, как и на Западе в средние века»¹⁴⁶. Заслуживает внимания попытка Любавского раскрыть историю социально-политического организма Великого Княжества Литовского в сравнении с Русским государством XIV–XVI вв. Это давало возможность проследить, как различные условия повлияли на развитие в разных направлениях двух государств, близких первоначально (XII–XIII вв.) по структуре их социально-политических институтов. Изучение внутренней истории ВКЛ, сохранившего больше традиций и архаических черт, чем Северо-Восточная Русь, позволяло уяснить особенности древнейшего и средневекового периода русской истории, помогало лучше представить своеобразие исторического процесса в Русском государстве XV–XVI вв.

Работа была признана «превосходной»¹⁴⁷, «очень ценным пособием»¹⁴⁸, удачной попыткой построения общего курса «Литовско-Русской» истории на научных основаниях, крупным вкладом в науку, от которого, как от отправной точки, предстоит идти дальнейшим исследованиям¹⁴⁹. Многие выводы и наблюдения, сделанные Любавским в этой работе, вошли в основной фонд отечественной литуанистики и не потеряли своего значения и в наше время¹⁵⁰.

Большая часть научных достижений ученого относится к 1906–1911 гг. (литографированные курсы по исторической географии России, истории западных славян, «Очерк...», ряд статей по истории России XIX в.). В течение 1912–1917 гг. вышли лишь «Лекции по древней русской истории до конца XVI в.» (М., 1915). Постоянная занятость Любавского служебными делами естественным образом оставляла меньше времени для исследовательской работы.

Из его трудов второго десятилетия XX в. событием в российском славяноведении стал выход в свет «Истории западных славян». Славянская тематика в творчестве М. К. Любавского появилась не случайно. Для него это не «проходная» тема. Уже в годы учебы в Московском университете будущий ученый внимательно изучал литературу по истории западных славян. Этот интерес был обусловлен как влиянием одного из его учителей профессора Н. А. Попова, так и необходимостью сбора данных по истории Польши, после того как наметилась «ведущая» тема ранних исследований Любавского история Великого Княжества Литовского. Изучение истории, местного и центрального управления Литовско-Русского государства было немыслимо без знания социально-политической структуры и правовых институтов древнего Польского государства, сначала соседа, а затем союзника Великого Княжества Литовского, образовавшего с ним в XVI в. единое государство Речь Посполитую.

Уже в процессе работы над магистерской диссертацией Любавский, помимо самостоятельного глубокого изучения Литовской Метрики, исследовал и польские картографические источники XV–XVII вв., а также польские законодательные памятники XIV–XVII вв. С 1899 г. «славянская» тематика прочно и надолго вошла в круг научных и преподавательских интересов ученого. По поручению историко-филологического факультета он начал препода-

¹⁴⁵ Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910. С. 1.

¹⁴⁶ Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С. 132–133.

¹⁴⁷ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. Пг., 1916. С. 129.

¹⁴⁸ Кизеветтер А. А. М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. // Русская мысль. 1910. № 5. С. 196.

¹⁴⁹ Малиновский И. Новые труды по истории Литовско-Русского государства // ЖМНП. 1910. № 11. С. 154, 159.

¹⁵⁰ Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. С. 187–191.

давать «Историю западных славян» для студентов своего исторического отделения¹⁵¹. Курс этот, который Любавский читал в течение четверти века, был впервые издан в 1917 г. и приобрел большую популярность у слушателей тех лет.

Издание его именно в 1917 г. было далеко не случайным. Сам автор недвусмысленно указывал на это во введении ко второму изданию курса, так как считал, что изучение истории западных славян «прежде всего должно раскрыть и объяснить факт тех народных потерь, которые понесло славянство по соседству с германским миром»¹⁵².

«Автора глубоко волновали вопросы, идущие от современности: как смогли западные славяне в большинстве удержать свою народность под напором чуждых стихий, при помощи каких средств и при содействии каких обстоятельств? Уяснение всего этого для русских, считает Любавский, имеет не только «теоретическое», но и жизненное значение, ибо дает возможность оценить должным образом позицию, занятую западными славянами в семье европейских народностей и взвесить до известной степени их шансы в будущем»¹⁵³.

Нацеленность работы на современность, продиктованная Первой мировой войной, сказалась даже на расположении материалов внутри курса. Стремление связать настоящее западного славянства с его прошлым заставило М. К. Любавского больше места уделить рассмотрению вопросов новой и новейшей истории Польши и Чехии.

Потребность слушателей русских университетов в учебном пособии такого рода продиктовала необходимость широкого хронологического охвата разрабатываемой проблематики (с VII в. до 1910 г.), привлечения широкого круга источников и литературы. В курсе М. К. Любавского использованы работы более 100 авторов. Включены в него и собственные наблюдения автора, содержащиеся в его статьях по истории Польши¹⁵⁴. Отличное знание источников позволяло использовать труды предшественников и современников критически, самостоятельно и четко решать серьезные, конкретные проблемы истории западных славян.

Определенный вклад в науку внесли ценные наблюдения и замечания автора курса по ряду важных вопросов социально-политической истории Польского и Чешского государств. В первых восьми главах курса Любавский рассматривает историю западного славянства VI–IX вв. как историю единого этнического целого, уделяя особое внимание вопросам расселения славян в бассейне Вислы, Одера, Эльбы и Дуная, экономического и социального устройства, борьбы с соседями, создания и форм первоначальных государственных образований. Ученый отмечал огромное влияние торговли на процесс образования в них «общественных классов». Признание этого факта вылилось в четкую, недвусмысленную формулу: «имущественное неравенство повело к изменению социальной структуры западно-славянских обществ» (факторами, способствовавшими этому, были развитие торговли и земледелия, а также обогащение более зажиточной племенной верхушки панов и князей)¹⁵⁵.

Новым обстоятельством, определявшим социальную эволюцию западнославянского общества с X в., признавалась его напряженная борьба за существование с германской экс-

¹⁵¹ Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете имп. Московского университета за 1899–1900 акад. гг. М., 1899. С. 13.

¹⁵² Любавский М. К. История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков). 2-е изд. М., 1918. С. 1.

¹⁵³ Там же. С. 3–4.

¹⁵⁴ Любавский М. К. Начальная история малорусского казачества // ЖМНП. 1895. № 7. С. 217–244; *Его же*. Немецкая колонизация и новое сельское и городское устройство в Польше // Книга для чтения по истории средних веков / под ред. проф. П. Г. Виноградова. М., 1899. Вып. III. С. 427–447; *Его же*. Польский король Казимир Великий // Там же. С. 442–470; *Его же*. Нешавские статуты Казимира Ягелловича и значение их в истории государственного развития Польши // Там же. С. 471–493; *Его же*. Отзыв о сочинении А. В. Стороженко «Стефан Баторий и Днепровские казаки», «Отчет о 48 присуждении наград гр. Уварова». СПб., 1908. С. 1–41; *Его же*. Александр I и Польша // Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 7. С. 88–104; *Его же*. Царство Польское и его конституция // Книга для чтения по истории нового времени. М., 1912. Т. III. С. 687–710.

¹⁵⁵ Любавский М. К. История западных славян. С. 23.

пансией на Восток. Это содействовало созданию среди западославянских союзов крупных государственных образований¹⁵⁶, которые ученый охарактеризовал как «патриархальные монархии, опиравшиеся на военнотрудовой класс». Опираясь на его силу, княжеская власть овладела народными массами¹⁵⁷. Введение христианства привело к еще большему усилению роли княжеской власти в политической жизни западославянских княжеств-государств. В социальной жизни этот момент способствовал выделению нового привилегированного класса духовенства, получившего от княжеской власти материальные и правовые льготы. Рост прав и материальной мощи церкви способствовал ее превращению «в крупную общественную и политическую силу»¹⁵⁸

В очерке по истории Чехии IX–XIX вв., огромное влияние на которую, по мнению ученого, оказало экономическое, социально-политическое и культурное воздействие Германии¹⁵⁹, наиболее интересными и верными с позиций современного славяноведения выглядят характеристики чешского реформационного движения в XV–XVI вв. В этом сложном явлении, в котором тесно сплелись религиозные, национальные, социальные и политические интересы чешского общества, исследователь справедливо выделял его экономическую основу (недовольство чехов непрерывным ростом церковного землевладения)¹⁶⁰. Под религиозной оболочкой движения ученый видел его социальное содержание: «...народ стекался в Табор в чаянии улучшения не только церкви, но и своего материального положения и с решимостью содействовать этому. Движение охватило и панских крестьян, которые бросали свои хозяйства и шли в Табор, не обращая внимания на угрозы своих панов. И они также увидели в своих оброках и повинностях нарушение Божьего закона»¹⁶¹. В социальном антагонизме политических группировок внутри гуситского движения, а не в разногласиях в догматах и обрядах крылась, по мнению М. К. Любавского, главная причина междоусобной борьбы между этими группировками¹⁶².

Доказательными и достаточно полно раскрытыми выглядят выводы исследователя о том, что политика Габсбургов в Чехии в XVI–XVII вв. была направлена на уничтожение народных вольностей, всех особенностей чешского быта, унаследованных от эпохи самостоятельного существования¹⁶³, а также утверждение о росте экономического потенциала страны в XIX в. как основе чешского национального возрождения¹⁶⁴. Свежим и необычным для того времени воспринималось включение в контекст очерка по истории Чехии главы, показывавшей картину социально-политической жизни страны в новейший период ее истории (конец XIX начало XX в.), оценки которому даются с либеральных, панславистских позиций¹⁶⁵.

Социально-политическую историю Польши (X–XIX вв.) ученый рассматривал в тесной связи с историей Русского государства. Сравнение политических и правовых институтов феодальной Руси и Польши нередко давало возможность Любавскому делать оригинальные, интересные наблюдения и выводы. Один из них о наличии феодальных отношений в Польше новый для того времени, поскольку польская историография длительное время отрицала их наличие в древнем Польском государстве. (Вопрос о феодализме в Польше был постав-

¹⁵⁶ Там же. С. 24–25.

¹⁵⁷ Там же. С. 41, 44–47.

¹⁵⁸ Там же. С. 67.

¹⁵⁹ Там же. С. 92, 94, 106.

¹⁶⁰ Там же. С. 123.

¹⁶¹ Любавский М. К. История западных славян. С. 138.

¹⁶² Там же. С. 142.

¹⁶³ Там же. С. 149.

¹⁶⁴ Там же. С. 208.

¹⁶⁵ Там же. С. 228–240.

лен только в 1930-е гг.¹⁶⁶) Следует отметить, что в своем понимании феодализма Любавский стоял на позициях юридической школы, хотя и неоднократно указывал на экономическую основу политического могущества польских феодалов-«можновладельцев» крупные земельные владения¹⁶⁷.

Внимательное, мастерское «прочтение» источника позволило М. К. Любавскому указать на главную причину экономического и политического застоя Польши в XVIII в. и потери своей независимости. Это, по мнению ученого, – шляхетская «золотая вольность», тесно связанная с «железным порабощением народной массы»¹⁶⁸. Эти причины, усугубленные религиозной нетерпимостью, сопровождавшей наступление католической реакции в государстве, а также моральным упадком шляхты, развившимся «на почве полного безделья и барства», привели к тому, что у Польши в XVIII в. осталось «очень мало шансов на сохранение своего существования»¹⁶⁹.

Ученый дал трезвую оценку пребыванию Польши в XIX начале XX в. под «скипетрами» трех монархий: Пруссии, Австрии и России. Позиция либерального и панславистски настроенного историка диктовала необходимость критики в первую очередь попыток Австрии и Пруссии «онемечить» Польшу. Но далеко не в радужном свете характеризовались и русификаторские потуги царского правительства после 1818 г., когда «реакционный дух, охвативший императора Александра в эту эпоху, проявился и в других сторонах его политики в Польше»¹⁷⁰, превратившейся после поражения восстания 1830 г. в «оккупированный край, имевший особое управление с участием туземцев»¹⁷¹. В неприглядном для царского правительства свете исследователь показал реакционные усилия самодержавия по русификации Польши в 60-80-е годы XIX в.

«История западных славян» стала для исторической науки того времени не только ценным учебным пособием, но и во многих его разделах оригинальным научным исследованием (вопросы о классообразовании и создании государств у западных славян, о взаимоотношениях германцев и славян, о польском феодализме и характере реформационного движения в Чехии). Превосходное знание источников и литературы позволило ученому нарисовать яркую, четкую картину истории правовых и политических институтов Чехии и Польши. Многие конкретные наблюдения и выводы Любавского по вопросам истории западного славянства неоднократно использовались в работах советских славяноведов.

Выдающиеся заслуги ученого в области отечественного славяноведения, в то время когда история западных славян оставалась еще, по выражению Г. А. Ильинского, «золушкой исторического исследования», дают возможность оспорить историографический «канон», который трактует М. К. Любавского как историка «одной темы» (история Великого Княжества Литовского)¹⁷². Нельзя не учитывать то огромное научное значение, которое имел курс в контексте своей эпохи, не принимать во внимание тот факт, что «История западных славян» стала учебником для нескольких поколений русских и советских славяноведов (в их числе ученик М. К. Любавского выдающийся советский славяновед академик В. И. Пичета).

Лекционные курсы М. К. Любавского по истории феодальной России¹⁷³ с очевидностью обнаруживают, что в условиях кризиса российской исторической науки развитие ее в

¹⁶⁶ Пичета В. И., Шустер В. А. Славяноведение в СССР за 25 лет // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.; Л., 1942. С. 226.

¹⁶⁷ Любавский М. К. История западных славян. С. 247, 250, 268, 251, 270.

¹⁶⁸ Там же. С. 310.

¹⁶⁹ Любавский М. К. История западных славян. С. 316.

¹⁷⁰ Там же. С. 385.

¹⁷¹ Там же. С. 397.

¹⁷² Историография истории СССР. 2-е изд. М., 1971. С. 310.

¹⁷³ Любавский М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. М., 1915 (2-е и 3-е изд. этого курса вышли

начале XX в. не прекращалось, а в рамках разработанных концепций исторического развития отдельные его стороны находили верное освещение¹⁷⁴.

Между тем положение в стране в эти годы было весьма сложным и трудным. Коррупция, спекуляция, развал власти, близорукость царя, происки германофилов с царицей во главе все это привело к тому, что М. К. Любавский, «умеренный из умеренных», в своей речи на Совете университета 26 ноября 1916 г. подверг критике существующее положение вещей, а затем решился на «чтение телеграммы Родзянко с пожеланиями Государственной Думе одержать верх в борьбе с темными силами в защиту национального достоинства России»¹⁷⁵. Февральскую революцию Любавский принял как должное и закономерное явление¹⁷⁶. Скептически наблюдая за попытками Временного правительства обуздать ход событий, ведущих к новой революции, он считал, что Временному правительству судорожные усилия спасти буржуазную республику помогут как «мертвому припарки»¹⁷⁷. Любавский оценивал грядущие события пессимистично и глубоко переживал их как ведущие, по его мнению, государство к гибели¹⁷⁸.

Еще в марте 1917 г. М. К. Любавский решил устраниваться от административной деятельности. 29 апреля 1917 г. ректором Московского университета был избран М. А. Мензбир (Любавский свою кандидатуру не выдвигал)¹⁷⁹. С этого времени он целиком посвятил себя преподавательской деятельности.

Советский период жизни и творчества (1917–1936 гг.). М. К. Любавский, как и большинство либеральной профессуры, воспринял враждебно Октябрьскую революцию, круто изменившую не только жизнь страны, но и личную судьбу¹⁸⁰. Пятидесятилетнему маститому историку, добившемуся благодаря незаурядным способностям и огромной работоспособности высокого положения в ученой среде, тяжело было переживать крушение мира своих социальных и политических ценностей. Тем не менее он не бросал работу в университете и призывал русскую интеллигенцию «не уходить в сторону в тяжелый для Родины час»¹⁸¹.

Основной работой ученого после революции стала деятельность в архивах республики. Университету он теперь уделял значительно меньше времени. В июле 1918 г. М. К. Любавский принимал участие в совещании Наркомпроса по реформе высшего образования¹⁸².

В конце марта 1919 г. Матвей Кузьмич был избран на конкурсной основе профессором факультета общественных наук (ФОН) МГУ (43 голоса за, 1 против)¹⁸³, а фактически начал работать с сентября 1919 г.¹⁸⁴, когда было решено «просить профессора Любавского читать курс по истории Киевской Руси, ввиду того, что профессор Любавский является крупнейшим специалистом в данной области и подходит к ее изучению с новой и ориги-

в 1916 и 1918 гг.); *Его же*. Русская история XVII и первой четверти XVIII вв. Курс, читанный в весеннем семестре 1911 г. М., 1911; *Его же*. Русская история XVIII века (По запискам слушателей). М., 1913.

¹⁷⁴ Любавский М. К. Лекции... С. 65, 70, 73, 74, 81, 85, 88, 90–95, 101–103, 111–123, 146, 151–152, 164–171, 182–183, 217–220, 237, 255, 260–278.

¹⁷⁵ ОР РГБ. Ф. 263. Д. без шифра (Савин А. И. Университетские дела. 1916). С. 255.

¹⁷⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 442. Д. 4. Л. 225 об.

¹⁷⁷ Там же. С. 337.

¹⁷⁸ Там же. С. 252, 325.

¹⁷⁹ ЦГА, Москва. Ф. 418. Оп. 95. Д. 926. Л. 1 об., 13.

¹⁸⁰ ОР РГБ. Ф. 585. Оп. 2, а 1196. Л. 30.

¹⁸¹ Любавский М. К. Основные моменты истории Белоруссии (доклад, читанный на I заседании Белорусского научно-культурного общества). М., 1918. С. 23.

¹⁸² ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 18. Ед. хр. 28.

¹⁸³ Архив МГУ Ф. 18. Оп. 1. Д. 14. Л. 11; Д. 10. Л. 33.

¹⁸⁴ Там же. Д. 12. Л. 85–85 об.

нальной точки зрения»¹⁸⁵. В 1919–1920 гг. Любавский планировал начать чтение лекций по истории русской колонизации, истории Литовско-Русского государства и западных славян¹⁸⁶. Насколько эту программу удалось осуществить, сведений не имеется, поскольку в те годы в 1-м МГУ часто меняли не только руководящий, но и преподавательский состав.

Политика Наркомпроса, указывал В. П. Волгин, «по отношению к ФОНу исполнена противоречий и колебаний: ответственные лица Наркомпроса то заявляли о государственной важности факультета, то о возможности его закрытия»¹⁸⁷. Эта тенденция особенно усилилась с сентября 1920 г., когда во главе МГУ был поставлен «левый коммунист» Д. П. Боголепов, часто увольнявший университетских профессоров лишь за то, что они «старые»¹⁸⁸. Только в мае 1921 г., когда новым ректором стал пользовавшийся авторитетом среди университетских преподавателей историк-коммунист В. П. Волгин, учебная и научная работа в вузе нормализовалась.

В 1920-е гг. М. К. Любавский читал в университете лекции по истории Великого Княжества Литовского, истории России XVIII в. и исторической географии. К 1927 г. он подготовил исследование «Образование государственной территории великорусского племени. Заселение и объединение центра», к 1929 г. – «Историю архивного дела в дореволюционной России в связи с историей учреждений»¹⁸⁹ (вторая работа, к сожалению, не опубликована). Настроения новой преподавательской среды повлияли на политические взгляды Любавского и его лояльное отношение к советской власти. В это время у Любавского завязались плодотворные деловые и личные отношения с В. И. Невским и А. В. Адоратским, с которыми Матвей Кузьмич был тесно связан и по работе в Центрархиве. Сохранился проспект намечаемой работы тех лет «Русский кризис, его генезис и перспективы». Это своего рода исследование-раздумье ученого о причинах революции в России, в котором он попытался показать социальные и культурно-бытовые противоречия в дореволюционной России, противоречия, которые «были более резкими, чем в какой-либо другой европейской стране»¹⁹⁰.

Ученый стремился понять и решить мучивший его вопрос как и почему произошли события, перевернувшие жизнь огромной страны.

Будучи великолепным знатоком исторической картографии, М. К. Любавский принимал участие в качестве эксперта-консультанта в работе по заключению мирного Рижского договора РСФСР с Польшей¹⁹¹. В тяжелые и голодные для страны годы Матвей Кузьмич не покинул Россию, несмотря на то что получал неоднократные предложения выехать в Польшу и Германию, а также в Литовскую Республику, где труды историка ценились очень высоко¹⁹².

Помимо преподавательской работы в 1-м МГУ, Любавский продолжал свою деятельность в качестве председателя ОИДР вплоть до его закрытия в 1929 г.¹⁹³ В 1925 г. Общество пополнилось новыми работниками еще сравнительно молодыми, начинающими свой творческий путь учеными И. И. Полосиным, Н. М. Дружининым, Б. Е. Сыроечковским, Г. А. Новицким, К. В. Базилевичем, К. В. Сивковым, С. Н. Черновым, С. Д. Сказкиным, М. Н. Тихомировым и Л. В. Черепниным¹⁹⁴. Но несмотря на это, ОИДР вести работу в прежних

¹⁸⁵ Там же. Д. 7

¹⁸⁶ Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 8. Л. 6.

¹⁸⁷ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 15. Л. 4–5.

¹⁸⁸ Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. С. 325–326.

¹⁸⁹ ОР РГБ. Ф. 364. Оп. 1. Д. 13. Л. 2, 3.

¹⁹⁰ Там же. Д. 39. Л. 11.

¹⁹¹ ОР РГБ. Ф. 364. Оп. 1. Д. 13. Л. 30.

¹⁹² Там же. Ф. 203. Оп. 43. Л. 222, 224–225 об., 229 об.

¹⁹³ Отчет о состоянии и действиях 1-го Московского гос. университета за 1925–1926 гг. М., 1927. С. 343.

¹⁹⁴ ОР РГБ. Ф. 203. П. 48. Л. 52, 226 об., 362.

масштабах не смогло. В Обществе Матвей Кузьмич не раз выступал с научными рефератами («К истории колонизации Малорусской Украины» «Возвышение и присоединение Великого княжества Владимирского», «Кто был Михайло Литвин, написавший в половине XVI века трактат “О нравах татар, литовцев и московитов”» и «Славяне и Литва в XI–XII вв.»)¹⁹⁵.

Интенсивную научно-исследовательскую и педагогическую деятельность в эти годы ученый сочетал с огромным подвижническим трудом в архивном деле. В этой области после победы Октября были созданы широкие возможности для осуществления полной его централизации. До 1920 г. М. К. Любавский являлся постоянным членом коллегии и заместителем заведующего Главного управления архивными делами (ГУАД) Д. Б. Рязанова¹⁹⁶. Активную деятельность на архивном поприще Матвей Кузьмич начал с весны 1918 г., когда он возглавил Московское отделение ГУАД (Московское областное управление архивным делом). При его создании были использованы основные положения доклада «Об организации московских архивов», прочитанного М. К. Любавским на коллегии ГУАД¹⁹⁷. Особое внимание в это время он уделял задаче спасения материалов московских учреждений XIX начала XX в.¹⁹⁸ Матвей Кузьмич редактировал проект «Декрета о хранении и уничтожении архивных документов», в декабре 1918 г. его замечания были заслушаны коллегией ГУАД. Ученый предложил распространить законодательство по обсуждаемым вопросам на местные архивы, наметил общую схему проведения архивной реформы на местах (создание губернских управлений архивными делами). Эти предложения были поддержаны и приняты коллегией ГУАД¹⁹⁹. В 1918–1919 гг. работа ученого в области архивного строительства была связана также с деятельностью научно-издательской комиссии ГУАД, созданной с целью централизации издания архивных публикаций и руководства в методическом плане публикаторскими учреждениями РСФСР²⁰⁰. Он неоднократно высказывался за необходимость издания в первую очередь документов и актов Нового времени, имеющих первостепенное научное и политическое значение (докладов шефов жандармов, министров юстиции и внутренних дел царю, материалов о восстаниях Степана Разина, Емельяна Пугачева, о декабристах и др.)²⁰¹.

Практика советского архивного строительства требовала теоретического обобщения накопленного опыта. Эту работу М. К. Любавский вместе с В. М. Фриче, А. А. Сергеевым проводил в научно-теоретической коллегии (НТК) Главархива²⁰² (руководитель В. В. Адоратский). Ученый занимался распределением архивных собраний и фондов дореволюционных учреждений по секциям и внутри них²⁰³, вопросами концентрации документов монастырских и усадебных архивов²⁰⁴. Включение этих материалов в состав государственных архивов имело большое значение в деле создания первоклассной источниковой базы научных исследований по истории хозяйства феодальной России.

Будучи заместителем председателя поверочной (председатель В. И. Невский) и научно-технической (председатель В. В. Адоратский) комиссий, М. К. Любавский принимал дея-

¹⁹⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 442. Д. 37. Л. 37.

¹⁹⁶ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 39. Л. 6–6 об.

¹⁹⁷ Там же. Оп. 4. Д. 3. Л. 3–6.

¹⁹⁸ ОР РГБ. Ф. 364. К. 11. Д. 22; О деятельности М. К. Любавского в архивных органах РСФСР см.: *Карев Д. В.* Участие акад. М. К. Любавского в советском архивном строительстве // Сов. архивы. 1978. № 2. С. 31–34.

¹⁹⁹ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 4. Д. 112. Л. 8–14.

²⁰⁰ Там же. Оп. 5. Д. 100. Л. 2–2 об.

²⁰¹ Там же. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 37. Л. 9, 12–13.

²⁰² Архивное дело. М.; Л., 1925. Вып. 2. С. 129–130.

²⁰³ ГАРФ. Ф. 4360. Оп. 1. Д. 4. Л. 17–25.

²⁰⁴ Там же. Ф. 5325. Оп. 2. Д. 42. Л. 1–1 об.; Д. 170. Л. 1, 2, 13–15, 28, 29, 123 об. 124.

тельное участие в разработке проблем экспертизы ценности, учета, описания и хранения документов²⁰⁵.

Под руководством М. К. Любавского в 1920-е гг. проводится большая работа по приведению в порядок и описанию документальных сокровищ в Древлехранилище, директором которого он был с 1920 по 1930 г. (упорядочение 700 грамот Коллегии экономии, составление топографического указателя книг и связок Разрядного, Патриаршего, Дворцового приказов и Сената, выявление для публикации документов по истории стрелецких восстаний XVII в. и восстания под руководством С. Разина)²⁰⁶.

Любавский неоднократно применял свои обширные и глубокие познания в области архивоведения, источниковедения и исторической географии как эксперт ряда правительственных комиссий. В 1922 г. в комиссии по реализации условий Рижского мирного договора, в 1925 г. в комиссии по передаче союзным республикам (УССР и БССР) материалов, хранящихся в РСФСР, и др.²⁰⁷

Огромный вклад внес ученый в подготовку специалистов архивного дела. Еще в августе 1918 г. на заседании ОИДР он сделал сообщение об организации архивных курсов²⁰⁸, а с ноября 1918 до 1930 г. руководил их работой, читал лекции по исторической географии и истории архивного дела в России²⁰⁹.

Достигнутые успехи позволили уже в 1921 г. поставить вопрос об организации специального архивного вуза. На 1-й конференции архивных деятелей РСФСР М. К. Любавский выдвинул разработанный им проект организации в Москве и Петрограде двух архивно-археологических институтов. Проект получил положительную оценку участников конференции, и последующая разработка этих вопросов была поручена специальной комиссии²¹⁰.

Созданный в 1929 г. при этнологическом факультете 1-го МГУ архивный цикл выступил своего рода промежуточной ступенью между архивными курсами и будущим институтом. М. К. Любавский читал его студентам лекции по истории архивного дела в России, вел семинарские занятия. Для слушателей курсов и студентов архивного цикла он написал учебное пособие «История архивного дела в России»²¹¹, в котором рассматривалась история происхождения и функционирования архивов центральных и местных государственных учреждений страны с X по XX в.²¹² Появление в 1920 г. «Исторического очерка архивного дела в России» И. Л. Маяковского, а в 1929 г. курса М. К. Любавского было делом, тесно связанным с практикой архивного строительства. Чтобы привести все многообразие документов в систему, соответствующую их исторической природе и в то же время отвечающую требованиям их использования, нужны были знания о составе и организации архивных богатств страны.

Научная общественность высоко оценила заслуги ученого как в деле разработки крупных проблемных вопросов отечественной истории, так и громадную работу на архивном

²⁰⁵ ⁷ *Максаков В. В.* Архивное дело в первые годы Советской власти. М., 1959. С. 62.

²⁰⁶ Архивное дело. Вып. 2. С. 130; Бюллетень Централархива РСФСР, 1925–1927. М., 1927. С. 130.

²⁰⁷ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 5. Д. 14. Л. 66; Оп. 7. Д. 174.

²⁰⁸ *Карев Д. В.* Участие акад. М. К. Любавского в советском архивном строительстве // Сов. архивы. 1978. № 2. С. 31–34.

²⁰⁹ РГАДА. Ф. 184. Оп. 2. Д. 109. Л. 2.

²¹⁰ Сборник декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу. М., 1921. Вып. 2. С. 6, 36; ОРГБ. Ф. 364. К. 11. Д. 9. Л. 1–6.

²¹¹ Архивное дело. М., 1923. Вып. 1. С. 120–130.

²¹² ОР РГБ. Ф. 364. К. 11. Д. 11, 12; Архив МГУ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 98. Л. 53; Архивное дело. М., 1927. Вып. X. С. 28; Специально о нем см.: *Карев Д. В.* История отечественного архивоведения в творческом наследии академика М. К. Любавского // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. М., 1980. С. 89–90.

поприще. В 1929 г. М. К. Любавский был избран действительным членом АН СССР по отделению общественных наук²¹³.

В августе 1930 г. ученый подвергся необоснованным репрессиям и был лишен звания академика²¹⁴. Матвей Кузьмич был арестован по делу «О контрреволюционных замыслах» академиков и профессоров истории. После года предварительного заключения, десятков дневных и ночных допросов ему объявили постановление коллегии ОГПУ, по которому он признавался виновным сразу по нескольким пунктам 58-й статьи Уголовного кодекса и приговорен к ссылке на 5 лет с зачетом предварительного заключения.

Раскрученный с осени 1929 г. репрессивный маховик так называемого «дела академика С. Ф. Платонова» затянул в свой трагический водоворот к лету 1930 г. цвет российской исторической науки: в Петербурге С. Ф. Платонова, Н. П. Лихачева, Е. В. Тарле, Б. А. Романова, П. Т. Васенко, С. В. Рождественского; в Москве М. К. Любавского, Ю. В. Готье, Д. Н. Егорова, А. И. Яковлева, В. И. Пичету, С. В. Бахрушина. Дело об «академических вредителях», практически не сходящее со страниц печати, ясно показывало, что ни о каком объективном следствии «по делу Платонова» не могло быть и речи. В атмосфере вражды и подозрительности к «старой» интеллигенции, открыто обвиняемой во «вредительстве», следователи ОГПУ усмотрели в группе ученых крупную контрреволюционную организацию, которая ставила своей целью ни много ни мало «свержение Советской власти и установление конституционно-монархического строя в стране»²¹⁵.

В январе-феврале 1929 г. вместе с М. К. Любавским действительными членами АН СССР были избраны 38 человек. Многие из них стали гордостью отечественной науки: биохимик А. Н. Бах, биолог Н. И. Вавилов, геолог И. М. Губкин, химик Н. Д. Зелинский, энергетик Г. М. Кржижановский, геолог и географ В. А. Обручев, агрохимик Д. Н. Прянишников, оптик Д. С. Рождественский, химик-органик А. Е. Фаворский...

Судьбы избранников этого академического призыва сложились по-разному. Одних ждали признание и почет, премии и награды, долгая прижизненная и посмертная слава. Но среди этой славной когорты есть и другой список. В 1940 г. были репрессированы и погибли историк Н. М. Лукин, микробиолог Г. А. Надсон, тюрколог А. Н. Самойлович, а еще через три года в сталинском лагере оборвалась жизнь гениального Н. И. Вавилова.

Открыл этот трагический ряд своей ссылкой в 1930 г. старый профессор-историк, бывший ректор Московского университета М. К. Любавский. После застенков ОГПУ уфимская ссылка с ее возможностями пусть ненадежного, но спасительного ухода от кошмара действительности в работу могла показаться чудом. Последний период жизни М. К. Любавского был связан с Уфой. В Институте национальной культуры Любавский проработал научным сотрудником с 1932 по 1935 г.²¹⁶

В уфимский период ученый занимался новыми для него проблемами – историей аграрных отношений и социальных движений в дореволюционной России. Были написаны интересные монографии о вотчинниках Башкирии, «Очерки по истории башкирских восстаний XVII–XVIII вв.», где исследовались многие из ключевых проблем истории феодальной Башкирии.

Поднятый и введенный в научный оборот в этих монографиях пласт местной источниковой «целины» чрезвычайно повышает их ценность. Плохое состояние местной источниковой базы по истории феодальной Башкирии сделало особенно актуальной необходимость

²¹³ Архив РАН, Санкт-Петербург. Ф. 2. Оп. 17. Л. 1–2, 166.

²¹⁴ Там же. Л. 41, 43.

²¹⁵ См.: *Брачев В. С.* «Дело» академика С. Ф. Платонова // ВИ. 1989. № 5. С. 117–129.

²¹⁶ Научный архив БФ РАН. Ф. 3. Оп. 5. Д. 1. Л. 12; Д. 2. Л. 16 об.; ЦГА Республики Башкортостан. Ф. р. 798. Оп. 1. Д. 2626; ОР РГБ. Ф. 364. К. 8. Д. 2; Семейный архив В. М. и Г. В. Ливановых // Там же.

публикации капитального исследования ученого по истории землевладения и землепользования в крае и двух подготовленных им к печати сборников документов по социально-экономической истории Башкирии XVII–XIX вв.

М. К. Любавскому принадлежит приоритет в постановке ряда крупных проблем, изучение которых продолжается исследователями и в наши дни. Ученый задумал цикл исторических очерков по дореволюционной истории Башкирии. Много было сделано, но многое осталось в набросках и планах. 22 ноября 1936 г. М. К. Любавский скончался в Уфе, где и был похоронен.

В августе 1967 г. дело по обвинению М. К. Любавского об участии в «контрреволюционном заговоре» было пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР. Ученый был реабилитирован посмертно. В сентябре этого же года ввиду того, что действительный член Академии наук Матвей Кузьмич Любавский был реабилитирован, Президиум АН СССР принял постановление: «Восстановить Любавского М. К. в списках действительных членов АН СССР». М. В. Келдыш в личном письме поздравил В. М. Ливанову с реабилитацией ее отца²¹⁷.

²¹⁷ Семейный архив В. М. и Г. В. Ливановых.

История дореволюционной России в историко-географических трудах М. К. Любавского и его лекционных курсах начала XX в

Проблемы исторической географии России и расселения в трудах 1900-х гг.

Методологической базой историко-географических исследований в русской историографии конца XIX начала XX в. являлись позитивистские теории, которые получили обоснование прежде всего в широко распространенных среди историков России конца XIX начала XX в. (П. Н. Милюков, М. М. Ковалевский и др.)²¹⁸ идеях немецкой антропогеографии. Эти идеи в значительной степени обусловили повышенный интерес к исторической географии научной дисциплине, для которой вопросы взаимодействия природы и общества в прошедшие эпохи являются центральными.

Русских историков-«государственников» эта наука привлекала потому, что историко-географический аспект изучения прошлого давал возможность, по их мнению, добывать точные знания о прошлом, поскольку историческая деятельность находит объективное отражение в источниках по исторической географии (акты, географическая номенклатура, данные археологии, исторического языкознания и т. д.). Разрабатывая проблемы исторической географии, «государственники» второго поколения искали дополнительные аргументы в защиту основных положений «государственной» теории. Из двух частей «формулы государства» у позитивистов «власть плюс территория» в историко-географических исследованиях конца XIX начала XX в. на первый план выходит именно вторая. Эти работы ставили своей целью исследовать «материальный фундамент» государственной власти для обоснования закономерности появления такого института, как государство.

Возросший интерес к исторической географии, совершенствование приемов историко-географического изучения объясняются рядом причин не только социально-политического, гносеологического характера. Влияли и внутренние законы развития самой исторической науки. Историко-географическое изучение страны было связано с общей тенденцией специализации исторических исследований во второй половине XIX в. В 1870-е гг. стремление к изучению «областной», местной истории в историко-географическом разрезе определяло пристальный интерес к вопросам формирования территории, внутренней колонизации, поскольку, по мысли С. М. Середонина, одного из видных представителей этого течения, «история окраин есть в то же время история колонизации»²¹⁹.

Исходным положением при построении курса исторической географии, доведенного Любавским до конца XIX в., было признание выдающейся роли колонизации в формировании государственной территории России. Основная задача автора — доказать на конкретно-историческом материале тезис о том, что русская история есть история непрерывно колонизирующейся страны.

Главные концептуальные положения В. О. Ключевского о ходе, особенностях русской колонизации и ее влиянии на экономический и общественный быт русского народа были той основой, на которой выросли конкретно-исторические наблюдения М. К. Любавского. Значительное влияние на теоретическую основу курса оказали также идеи о характере русского исторического процесса в XIII–XVI вв., которые он развивал в это время параллельно с П.

²¹⁸ Середонин С. М. Историческая география. Лекции, читанные в СПб. Археологическом институте и стенографически записанные. СПб., 1906–1909. С. 5.

²¹⁹ Мацков Л. Н. Заметки по географии Древней Руси. М., 1974. С. 17–18.

Н. Милюковым²²⁰. Наиболее полно они изложены во введении к курсу²²¹. «В истории колонизации, считал Любавский, надо искать объяснение политическим делениям Руси в разное время... и объяснение разнообразию экономической деятельности русского народа в течение его истории, ибо многое тут зависело от занятий новых стран с новыми видами естественных богатств. Наконец, и племенное разнообразие уясняется из истории расселения русского народа»²²². Таковы «внешние», по выражению Любавского, соображения, которые заставляют его связывать историю России с историей колонизации. Но еще важнее соображения «внутреннего» свойства, вытекающие из понятия об основной научной задаче исторической географии «выяснение влияния внешней природы на человека», изучение борьбы человека с ней, ее результатов.

Для историка главный вопрос истории колонизации страны это вопрос о том, как и почему русский народ «разбросался» на территории, далеко не соответствующей его численности. По его мнению, этот фактор для России стал сильным тормозом в ее культурном развитии, в экономическом, умственном и гражданском преуспевании²²³.

Трактовка причин контраста между Россией и Западом, между «верхами» и «низями» русского общества, объяснение характера и формы политического устройства страны свидетельствуют о приверженности М. К. Любавского положениям «государственной» школы. Он считает закономерной для России XIV–XVIII вв. такую политическую форму государства, как самодержавие. В объяснении причин «непомерного развития» государственной власти Любавский исходит из развивавшихся им одновременно и параллельно с П. Н. Милюковым положений (абсолютизм следствие необходимости того, чтобы государственная власть взяла на себя заботу об общих интересах «разряженной, а потому податливой массы» народа в период чрезвычайно напряженной военной деятельности)²²⁴.

При создании работы привлекался самый разнообразный и широкий круг научных исследований: по истории колонизации отдельных земель, по исторической географии Древней Руси, литература справочного характера. В тексте курса использованы наблюдения и выводы, почерпнутые из исследований видных отечественных антропологов и этнографов (Д. Н. Анучин, Г. Н. Потанин и др.), археологов (А. С. Уваров, А. А. Спицин и др.), лингвистов (А. А. Шахматов, В. Ф. Миллер, К. Р. Брандт), географов (П. П. Семенов Тян-Шанский, А. А. Воейков, Л. И. Мечников, Л. Н. Майков), почвоведов (В. В. Докучаев, Ф. И. Рупрехт), экономистов (А. А. Риттих, А. А. Кауфман).

Привлекался огромный массив источников из всех основных отечественных и зарубежных (немецких, польских, венгерских) изданий XIX в. Широко использовались картографические источники XV–XIX вв., данные топонимики. Исследователю удалось реконструировать исторические факты, картины колонизационных процессов с помощью умелого использования, детального сравнения данных разнотипных источников об одном и том же событии, исторической ретроспекции.

В историко-географическом обозрении России, которое дал М. К. Любавский, охвачены огромные территории: Вологодский и Архангельский край, Дон, Кубань, Терек и Левобережная Украина, Поволжье, Сибирь, Урал, Казахстан и Дальний Восток. Историю колонизации этих районов он рассматривал не столько в хронологическом порядке, сколько по направлениям «колонизационных потоков».

²²⁰ Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909. С. 12.

²²¹ Там же. С. 78.

²²² Там же.

²²³ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. 4-е изд. СПб., 1905. С. 148, 139; Любавский М. К. Историческая география России... С. 11–12.

²²⁴ Любавский М. К. Историческая география России... С. 68, 177–178, 205, 235, 275, 289, 295.

В 24 главах исследования содержится богатейшая россыпь конкретноисторических наблюдений: о причинах, источниках, формах, путях, особенностях, темпах русского колониального процесса на различных этапах исторического пути России. Вопросы эти М. К. Любавский решал очень гибко, убедительно показывал и доказывал, что в зависимости от конкретно-исторических условий, в которых находилась страна, от целей и задач, стоявших перед народом и государством в освоении определенного географического района, преобладала та или другая форма («вольнонародная», «правительственная», «монастырская») ²²⁵.

Материал работы можно сгруппировать в 6 основных разделов по двум основаниям:

1) характер колониального движения («внешняя» или «внутренняя» колонизация), который прослеживался в тесной связи с социально-экономическим и политическим контекстом рассматриваемого исторического периода;

2) его форма, зависимость которой от породившей ее исторической действительности отмечается историком на протяжении всего курса ²²⁶.

Первая из тем, которую можно назвать условно «Историческая география Древней Руси» (IX первая треть XIII в.), освещается в 10 главах работы. Для этого периода характерна «внешняя» (экстенсивная) колонизация восточнославянскими племенами, а затем населением древнерусских княжеств северозападных и северо-восточных районов Восточной Европы.

Причины, породившие интенсивное освоение Северо-Восточной Руси, по мнению ученого, носили комплексный характер. Первая из них более высокий естественный прирост населения «на спокойном севере», где оно не встречало таких препятствий, как «на опасном юге». Вторая «прилив» населения с юга, обусловленный натиском кочевников (печенегов, половцев) и частыми разорительными усобицами князей. Третья влияние характера хозяйственной деятельности древнерусского населения (экстенсивное земледелие, рыбная ловля, охота, бортничество), которая заставляла его «раскидываться мелкими поселками на большом пространстве». И, наконец, четвертая «благоприятная этнографическая обстановка» на севере ²²⁷. Продвижение это происходило не без борьбы колонистов с аборигенами, но «нередко устанавливалось и мирное сожительство славян с финнами, которое, весьма вероятно, уже в древнейшие времена вело к их смешению» ²²⁸. Этими факторами можно объяснить, считал Любавский, резкое усиление в конце XII начале XIII в. Галицко-Волынского и Владимиро-Суздальского княжеств.

Изучение вопросов политической географии и географии населения Древней Руси IX–XIII вв. ученый увязывал не только с социально-экономическим и политическим фоном изучаемой эпохи, но и ее физико-географической основой. В главе IV курса («Степь и лес в начальные времена русской колонизации») Любавский на основе почвенных карт Европейской России и географической номенклатуры реконструировал ландшафт Восточной Европы XI–XIII вв. «Русская оседлость, писал историк, кончалась там, где кончались более или менее значительные леса и начиналось царство степи. Распределение же растительности в связи с соотношением речных систем определило и внутреннее размещение русского населения в древнейший период нашей истории». Этот вывод выглядит как-будто традиционно, в русле взглядов Соловьева и Ключевского. Но Любавский пошел дальше:

«Это размещение не было равномерным: русские селения были раскиданы известными группами, как бы островами среди степей, лесов, болот» ²²⁹. Подобная мысль, раскрытая уче-

²²⁵ Там же. С. 131.

²²⁶ Любавский М. К. Историческая география России... С. 38, 39, 91, 120, 124.

²²⁷ Там же. С. 125.

²²⁸ Там же. С. 74.

²²⁹ Там же. С. 85.

ным на конкретно-историческом материале, привела его к интересному выводу, своеобразно объяснившему политическую «рознь в Древней Руси, отсутствие политического единства, деления по землям и княжениям», которые «вытекали из одного и того же факта физического пространственного разобщения различных групп русского населения»²³⁰.

При изображении природы страны Соловьев и Ключевский, как известно, считали, что равнинный характер России, отсутствие внутри нее естественных преград и близость расположения крупных речных бассейнов способствовали государственному объединению²³¹. Любавский же показывает, что внутри страны имелись мощные естественные преграды (дремучие леса, обширные болотные трясины), которые серьезно затрудняли общение проживавшего в Руси населения. Отсюда следовал принципиальный вывод о том, что природа страны с самого начала нашей истории «вовсе не содействовала образованию на Руси единого и тесно сплоченного государства, а, наоборот, обрекла русское население на более или менее продолжительное время сгруппироваться в мелких союзах, тяготеть к местным средоточиям, проникаться местными привязанностями и интересами»²³². Вывод подтверждался и аргументами из области «экономического быта» русского населения того времени: тесная связь земельного владения с охотничьим, рыболовным и бортническим промыслами приводила к тому, что расселение русского народа не «могло быть поступательным движением густой массы народа, но совершалось вразброд, мелкими группами на более или менее далекое расстояние»²³³.

Любавский считал, что в теории «городовых волостей» Ключевского недостаточно подчеркнут географический фактор, действовавший при образовании земель, так как историк не указывал, что земли эти обособлялись в отдельные группы естественно «лесными пущами и болотными трясинами». Границы земель, по мнению Любавского, были намечены до известной степени самой природой, а не явились результатом случайных политических успехов главных городов земель или их князей. Этот вывод объективно наносил удар по схеме Ключевского в вопросе о «Киевском периоде» русской истории.

Критика эта²³⁴ была попыткой обновить и подкрепить «государственную» схему русского исторического процесса новыми положениями. Они появились в ходе конкретно-исторической разработки тех вопросов, которыми первое поколение «государственников» занималось в общем плане, подходя к их изучению с позиций формально-юридического метода.

Татарские погромы XIII–XIV вв. и их влияние на размещение русского населения (глава XI) сюжет второй большой темы. В это время «началась новая эпоха в истории русской колонизации, подготовленная задержкой населения в лесной области и сосредоточением народных сил, эпоха обратного наступления русского населения в степь, начавшаяся с образования государств Литовско-Русского и Московского»²³⁵.

На основании данных летописей, исторической диалектологии и географической номенклатуры исследователь нарисовал картину размещения восточнославянского населения к середине XIV в. и пришел к новым интересным выводам. Первый из них отмечал принципиальную неверность утверждений о совершенном отсутствии русского населения в Диком поле. Любавский аргументированно утверждал, что «южные пределы русской оседлости претерпели мало изменений по сравнению с тем, как они наметились еще при полов-

²³⁰ Ключевский В. О. Соч. М., 1956. Т. 1. С. 62.

²³¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1959. Т. 1. С. 61; Ключевский В. О. Соч. Т. 1. С. 62.

²³² Любавский М. К. Историческая география России... С. 86.

²³³ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII стст. СПб., 1901. С. 155, 156–157, 215, 219, 293, 294; Его же. Лекции по русской истории. Т. 1: Киевская Русь. М., 1938. С. 9, 137.

²³⁴ Любавский М. К. Историческая география России. С. 131.

²³⁵ Любавский М. К. Историческая география России... С. 141, 143, 144.

цах... а часть населения, которая купила себе пощаду покорностью, была даже вытянута из своих пределов в более южные районы»²³⁶.

Влияние татарских набегов серьезнейшим образом сказалось в другом – в размещении населения в Галицкой Руси, в ее усилении (именно здесь с XIV в. появляется термин «Малая Русь»); в том, что в Ростово-Суздальской земле сбитое на север и запад татарской волной многолюдное население сделало Московское княжество самой крупной политической силой Северо-Восточной Руси²³⁷.

В XIV начале XV в. этот же прибой татарских волн, задержав распространение русского населения Ростово-Суздальской земли в юго-восточном направлении, заставил определенную его часть искать новые места для земледелия и промыслов на северо-востоке (Белоозеро, Молога, Шексна), что привело, по мнению ученого, к «столкновениям в этом районе со встречной волной новгородской колонизации»²³⁸, а впоследствии (в XV в.) к ожесточенной борьбе между Москвой и Новгородом за эти территории. Так Любавским была дана новая и очень основательная историко-демографическая трактовка давно обсуждавшегося в русской дореволюционной историографии вопроса о причинах «возвышения» Москвы. Она получила высокую оценку в историографии 1910-1920-х гг.²³⁹

В тесной связи с «татарской эпохой» возникает, согласно Любавскому, новая по форме «ветвь» колонизации монастырская колонизация Русского Севера и Северо-Востока. Третий очерк историка (главы XII–XIV) содержит наблюдения об условиях, причинах, характере и последствиях для государства этой формы колонизационного движения в России XIV–XVIII вв. В трактовке причины ее появления ученый стоял на позициях идеализации, считая, что она была обусловлена фактором «чисто духовного свойства стремлением к пустынножительству». Реальная же картина изученного им явления, отдельные оговорки самого ученого противоречат этой установке. Так, он писал, что вслед «за вождами отшельничества многие удалялись в пустыню и по соображениям и потребностям чисто материального свойства» бежали в спокойные места от татарских погромов. Любавский отмечал, что монастырская колонизация обходила районы колонизации княжеской; что монастыри и «тянувшее» к ним крестьянство пользовались экономическими выгодами и льготами²⁴⁰. Все это свидетельствовало о социально-экономических причинах этого движения, а отнюдь не о «духовном факторе», будто бы лежавшем в его основе.

Монастыри XV–XVII вв., как можно убедиться из авторского изложения, выступали как мощная экономическая и социальная сила, «формой общественной организации, близкой к казачеству»²⁴¹. Причем ученый отмечал, что монахи разрабатывали свои земли в основном трудом крестьян²⁴². Он сделал важные выводы о роли и значении монастырей в заселении России: монастыри не только равномерно «разредили» по Руси ее жителей в XV–XVI вв., но и задержали их в центре страны в период колонизации юга и востока в XVII–XVIII вв.; они же содействовали ассимиляции «инородцев»²⁴³. Подобные наблюдения до сих пор представляют большой интерес и заслуживают пристального внимания историков и дальнейшей разработки.

²³⁶ Там же. С. 145, 151, 153–155.

²³⁷ Там же. С. 157, 162.

²³⁸ Любавский М. К. Историческая география России. С. 163, 165, 166, 184.

²³⁹ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. Пг., 1915. С. 143; РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 34. Л. 34.

²⁴⁰ Любавский М. К. Историческая география России... С. 177–178.

²⁴¹ Там же. С. 184.

²⁴² Там же. С. 178, 179, 187, 190.

²⁴³ Там же. С. 209, 210, 237.

Социальная подоплека колониационного движения хорошо прослежена в 4-м очерке, посвященном заселению и освоению русским населением юговосточных и южных степных пространств Восточной Европы (Поволжье, Степная Украина, Дон, Урал, Предкавказье). Покорение Казани и Астрахани было «исторической необходимостью» (обеспечение безопасности русских северо-восточных земель от набегов) и «сулило огромные экономические блага», так как Казань и Астрахань играли роль центров восточной торговли²⁴⁴. Быстрое освоение завоеванного Казанского царства было бы невозможным, по мнению историка, если бы главная роль в заселении его земель не «принадлежала все-таки крестьянину-земледельцу и мелкому служилому человеку. Они, можно сказать, шли рука об руку, взаимно поддерживая друг друга, мало даже отличаясь друг от друга по роду своей деятельности...»²⁴⁵ Историк отмечал, что причинами ухода русских людей на окраины выступало не только наличие там плодородных неистощенных земель, «но чаще всего нужда, невозможность выполнить государственные и частные обязательства, угнетение со стороны властей и землевладельцев...»²⁴⁶

Такой же характер (сочетание государственной, военнотрудовой и крестьянской форм колонизации) имела, как считал Любавский, и колонизация степной Украины, где «оседлый человек при каждом своем шаге вперед создавал себе опору, твердыню, загораживавший все новыми и новыми перегородками степные шляхи, в конце отеснил татарина к самому морю»²⁴⁷. Освоение этих земель, обильно политых потом и кровью русского крестьянства и военнотрудовых людей, оборона их от крымцев вместе с потомками ханов и мурзами, по наблюдению Любавского, стоили Русскому государству столько же, если не больше, сколько тот выход, который некогда платила Русь в Орду²⁴⁸. Колонизация Предкавказья, как считал ученый, была простым продолжением заселения степной Украины, последним ее моментом, и поэтому носила все тот же характер²⁴⁹.

Область Дона, в отличие от предыдущих районов, была освоена в XVI–XVIII вв. «вольной народной колонизацией», поэтому правительству осталось только позаботиться о включении в состав государства территории, уже приобретенной инициативой и средствами народа. Успехи колонизации в этих районах историк объяснял особой общественной организацией, приспособленной к условиям жизни в донских краях и особым подбором социальных сил, очень активно устремившихся на Дон с XVII в., когда «государственное бремя тяжелее давило народную массу, чем прежде»²⁵⁰. Но и здесь переход казачества в начале XVIII в. к земледелию, а в конце XVIII в. успехи «государственной» колонизации в крае сгладили бытовые особенности Дона, обусловленные историей его заселения, превратили укрепленные поселки казаков («городки») в типичные села, удержавшие только старинные названия станиц²⁵¹.

Пристальное внимание историка привлекала проблема колонизации Сибири в XVI–XIX вв. (главы XV, XX–XXIV), что было не только отражением глубокого интереса к этому краю в русском обществе в начале XX в. Сибирь поражала богатством разнообразных форм

²⁴⁴ Там же. С. 234.

²⁴⁵ Там же. С. 217.

²⁴⁶ Там же. С. 255.

²⁴⁷ Там же. С. 264.

²⁴⁸ Любавский М. К. Историческая география России... С. 288.

²⁴⁹ Там же. С. 279–280.

²⁵⁰ Там же. С. 282.

²⁵¹ Багалея Д. И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887. С. 131.

ее освоения, позволяла ретроспективно выработать модель колониционных процессов восточного славянства в Восточной Европе VII–IX вв.²⁵²

Для создания своего «сибирского очерка» ученый использовал сравнительно небольшой круг литературы, но отличающейся концептуальной емкостью. Критическое использование разнообразного историографического наследия и тщательная проработка источников по истории колонизации Сибири (записки иностранцев XVI первой половины XIX в.; материалы ревизий и законодательство XVIII–XIX вв.) позволили историку создать цельное полотно истории такого сложного явления, как колонизация Сибири, интересно решить вопросы соотношения форм колонизации, их значения в процессе освоения территорий.

Любавский рассматривал ход колонизации Сибири, предварительно разбив его на ряд этапов (отличающихся по целям и методам освоения края), так как это был сложный и длительный процесс.

Уже на первом этапе колонизации Сибири (XVI–XVII вв.) историк выделил две ее «струи»: «правительственную» и «вольнонародную», отдавая предпочтение последней. Для Любавского не подлежало сомнению, что народ-герой колонизации Сибири, которая была освоена не столько благодаря блестящим подвигам, сколько путем поселения служилых людей и крестьян, постройки городов и острожков. При этом подчеркивалась огромная роль частной инициативы торгово-промышленных кругов Русского Севера (городов Поморья и Приуралья), в известной степени стихийный характер освоения Сибири в конце XVI–XVII в.²⁵³ Желание правительства (главной целью которого в этот период было «подчинение инородцев и сбор ясака») удержать за собой занятую богатую территорию совпадало, по мнению Любавского, с интересами народных масс, искавших «лучших условий для своего труда, чем на родине».

Описывая вольнонародную, крестьянскую колонизацию и государственное заселение Сибири «по указу» и «прибору», исследователь определил продвижение русского народа в этом районе как преимущественно мирное. Ценны и интересные замечания Любавского о том, как и какими людьми по социальному и имущественному положению осваивались Сибирь и Дальний Восток, каким был тип расселения и чем он определялся²⁵⁴.

XVIII первая половина XIX в. в истории Сибири были, по мнению историка, эпохой «невольной» колонизации, носившей принудительный со стороны правительства характер (в основном в форме ссылки). Колониционное значение ссылки для освоения Сибири Любавский считал ничтожным. Уголовная ссылка поставляла нетрудовой контингент, не обеспечивала материального существования ссыльных, обрекая на смерть или бегство из каторжной неволи. Невысоко оценивал ученый и крайне робкую, противоречивую переселенческую политику царского правительства, предпринятую с начала XIX в. как средство перевода избыточного населения из Европейского Центра на восток.

При изучении проблемы нельзя было обойти острый вопрос об этнических последствиях колонизации для аборигенов. К чести ученого, он сумел взглянуть на них трезво, оценив методы эксплуатации края как «грабеж» и причину «вымирания инородцев»²⁵⁵. Этот взгляд на национальный вопрос в либеральной историографии России был показателем той эволюции научных ориентиров, когда «великорусские» позиции (учителей С. М. Соловьева, В. О. Ключевского) начинают заменять «российскими»²⁵⁶.

²⁵² Любавский М. К. Историческая география России. С. 321, 341.

²⁵³ Любавский М. К. Историческая география России... С. 296, 148–203, 301, 324.

²⁵⁴ Там же. С. 325–331, 338.

²⁵⁵ Там же. С. 342–361.

²⁵⁶ Там же. С. 303, 316, 342.

Характеризуя колонизацию Сибири и Дальнего Востока во второй половине XIX начале XX в., Любавский отмечал «господство экономического фактора» (недостаточный размер наделных земель у крестьянства Европейской России результат крепостного права и последствий Крестьянской реформы 1861 г., «искусственно задержавших земледельческое население в отдельных местностях») ²⁵⁷ как главную причину переселения. Господствующей формой колонизации Сибири в это время стала, по его мнению, народная колонизация. Исключением были Амурский и Уссурийский края, заселение которых обуславливалось военно-стратегическими и политическими соображениями.

Научные наблюдения и выводы по вопросам колонизации края внесли долю новизны в историческую науку того времени (вопросы о соотношении форм колонизации, составе переселенцев, характере расселения, темпах колонизационных процессов, рассмотрение истории колонизации Сибири в связи с историей заселения других районов страны и др.).

В целом обобщающее исследование М. К. Любавского следует оценить как значительное научное явление, а самого ученого как виднейшего знатока исторической географии начала XX в. В своем труде историк впервые попытался создать сводный очерк исторической географии страны с точки зрения колонизации, реализовать и существенно уточнить схему В. О. Ключевского, одного из своих учителей, на конкретно-историческом материале.

Рожденная на пересечении научных интересов Любавского с возможностями и запросами времени конца XIX начала XX в., эта работа несет на себе отпечаток как личности самого создателя, «государственника»-позитивиста либерального направления, так и эпохи. Основные установки «государственной» школы находят у него отражение в трактовке государственной власти феодальной России как силы, действующей в интересах всего общества; подчеркивании активной роли государства при колонизации некоторых районов страны (степная Украина XVI–XVII вв., Сибирь XIX в.); идеализации монастырской колонизации Русского Севера; недооценке сословных противоречий, которые часто заставляли народные массы осваивать окраинные территории «скорее вопреки крепостничеству, чем в русле его» ²⁵⁸.

По широте охвата затронутых проблем и поднятого источникового материала, по хронологической глубине их рассмотрения (с IX по начало XX в.) исследование Любавского выгодно отличается от историко-географических работ его предшественников и современников. В исследовании ученого ясно намечаются три сферы исторической географии: политическая историческая география, география населения и отдельные аспекты исторической географии хозяйства. Само понимание ученым колонизации как освоения новых территорий прежде всего в хозяйственном отношении заставляло его включать в круг задач исторической географии и историческую географию народного хозяйства.

«Географическая» постановка вопросов применительно к рассмотрению социально-экономических и политических явлений русской истории IX–XX вв. привела историка к новой трактовке ряда ее ключевых проблем. Отличный знаток источников и тонкий их истолкователь, Любавский сделал ряд интересных и важных для анализа политической истории Руси XI–XV вв. наблюдений. Роль географического фактора в политической раздробленности XI–XIII вв., «демографическая» трактовка причины возвышения Москвы как одного из важнейших вопросов образования Московского государства, татарское нашествие и география населения Руси в XIII–XVI вв. таковы лишь некоторые новые аспекты, рассмотренные М. К. Любавским при решении проблемы особенностей политической структуры Киевской Руси и образования Российского государства.

²⁵⁷ Любавский М. К. Историческая география России... С. 364–365, 377–379.

²⁵⁸ Преображенский П. А. Итоги и задачи изучения Сибири досоветского периода // Вопросы истории. 1972. № 9. С. 170–173; Колесников А. Д. С. В. Бахрушин о формах колонизации // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973. С. 177–178.

Курс М. К. Любавского до Октябрьской революции 1917 г. был единственной специальной историко-географической работой, где предпринималась попытка изучения исторической географии России позднефеодального периода (XVIII–XIX вв.), в том числе вопросов колонизации Сибири и Дальнего Востока в контексте колонизации всей страны.

Наблюдения и выводы историка по частным, «специальным» историко-географическим вопросам: соотношение форм колонизации, состав колонистов, характер расселения и типы поселений, темпы колонизационных процессов и др. вносили не только значительную долю новизны в историографию того времени, но и не утратили своей научной ценности для современных исследователей социально-политической истории феодальной России, специалистов в области исторической географии.

Вопросы истории феодальной России в курсах лекций по истории страны (VIII–XVIII вв.). Лекционные курсы М. К. Любавского по истории феодальной России относятся к той части его творческого наследия, которая не становилась еще предметом специального рассмотрения в советской историографии. Из них в первую очередь заслуживает внимания курс лекций по «Древней русской истории» (до конца XVI в.)²⁵⁹. Именно в нем с достаточной полнотой раскрывается общественно-политическое, методологическое и профессиональное кредо ученого.

Первые документальные свидетельства, позволяющие говорить о начале создания курса, датируются 1902 г., когда сравнительно еще молодой историк, утвержденный после защиты докторской диссертации заведующим кафедрой русской истории в Московском университете, начинает читать студентам общие исторические курсы и вести общеобязательные семинары источниковедческого и общеисторического характера.

Из материалов, связанных с этой областью творчества М. К. Любавского, до нас дошли: вступительная лекция к практическим занятиям по русской истории (общее вступление, Начальная летопись, судопроизводство по Русской Правде); семинар 1902/03 учебного года; вступительные лекции семинара по русской истории (1904/05 учебный год), где разбирались источники XV–XVI вв. (Судебники 1497, 1550 и 1598 гг., акты и приказное делопроизводство); рукописи просеминария по русской истории XVII в., где основным разбираемым источником было сочинение Г. Котошихина (1909/10 учебный год); тексты вступительных лекций к семинарию по разбору основных памятников русской историографической мысли (1903/04 учебный год)²⁶⁰. Цель этих практических занятий научить начинающих историков умению получать историческую информацию из источников²⁶¹.

Эти материалы позволяют судить о приемах работы ученого с источниками. Прекрасное владение методикой «внешней» и «внутренней» критики при разборе Начальной летописи и других источников, интересное решение вопросов о степени распространенности норм Судебников на территории России, об их соотношении с реальной русской действительностью, ретроспективные экскурсии из века Котошихина в XVI, XV, а то и в XIV век²⁶². Все это свидетельство высокого уровня исследовательского и педагогического мастерства историка, находившегося к 1910 г. в расцвете творческих сил. Конечно, решению поставленных задач во многом способствовало привлечение огромного массива источников. Использовались русские летописи XVI–XVII вв., актовый материал из основных русских публикаций конца XVIII–XIX в., Судебники XV–XVI вв., «дворцовые разряды», боярские книги,

²⁵⁹ Любавский М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI в. М., 1915. Второе и третье издания этого курса вышли в 1916 и 1918 гг.

²⁶⁰ ОР РГБ. Ф. 364. К. 16. Д. 1, 2; К. 1. Д. 1 а, 1 б, 3 а, 3 б, 4; К. 10. Д. 3.

²⁶¹ Там же. К. 10. Д. 1. Л. 3–3 об.

²⁶² Карев Д. В. Неопубликованное творческое наследие академика М. К. Любавского // Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975. С. 304–307.

Уложение 1649 г., записки иностранцев (С. Герберштейн, А. Поссевино, Дж. Флетчер, К. Буссов, А. Олеарий и др.).

Материалы этих семинаров, представлявших собой как бы сплав источниковедения и историографии, легли в основу курса по «Древней русской истории», читавшегося М. К. Любавским в эти годы и впервые увидевшего свет в литографированном издании 1911 г.²⁶³ Широкие хронологические рамки курса и прямо заявленные во введении позитивистские позиции (объективность в интерпретации исторических явлений) обязывали М. К. Любавского использовать гораздо более разнообразный корпус источников, чем в материалах семинарских занятий. Он привлекает дополнительно в курсе работы греческих, римских, византийских и арабских авторов, церковные уставы XI в., хронографы, жития святых, богословские трактаты и полемическую литературу XV–XVI вв., писцовые книги. Широко используется географическая номенклатура. Интересными выглядят попытки использования в источниковедческом и общеисторическом анализе данных из археологических и этнографических источников.

Видовое разнообразие источников заставляло историка брать на вооружение методы смежных наук (исторической диалектологии, археологии, этнографии). В источниковедческой критике М. К. Любавский нередко дает толкование исторических фактов с помощью анализа эволюции терминологии, отражающей изменение правовых и политических институтов Русского государства. Применяется им и дипломатический анализ актового материала. Данные письменных источников проверяются и дополняются наблюдениями по географической номенклатуре. Ученый применяет сравнительно-исторический и ретроспективный методы (сопоставляет, например, институты Древней Руси, античного Рима и германского общества II–IV вв.; по источникам Западной Руси XV–XVI вв., отразившим массу архаичных черт права и быта Киевской Руси, реконструирует облик Древней Руси).

Но все же в центре внимания у историка были законодательные и актовые памятники. Основным становится доказательство «от факта», добытого из источников, несущих якобы объективную информацию (акты, географическая номенклатура). Именно поэтому «древняя русская история» под пером М. К. Любавского предстает как история ее государственных учреждений, политических и правовых институтов. Неумение или нежелание видеть сословную борьбу в русской истории X–XVI вв. еще одна характерная черта исторической концепции ученого, которая отразилась в оценках используемых им исторических источников (летописей, хронографов, сказаний). По многим из них он приводит интересные наблюдения конкретно-исторического характера. В частности, жития святых, по мнению Любавского, хотя и содержали много спорного, легендарного, но все-таки имели характер безыскусственного рассказа, довольно верно воспроизводившего различные обстоятельства времени жизни святого, местные условия, черты быта, природы и т. п. Они являются «драгоценными историческими источниками»²⁶⁴.

Русскую Правду, по мнению М. К. Любавского, никак нельзя признать официальным кодексом. Неясности, противоречия в тексте, «описательная» форма ее статей от третьего лица приводили к мысли, что в Русской Правде представлены не законы в их обычной формулировке, а изложение законов и передача юридических обычаев, действовавших в XI–XII вв., с историческими комментариями о времени и поводах составления той или иной статьи. Отсутствие статей о церковном суде и наличие многих статей о княжеском суде дают основание Любавскому отвергнуть предположение В. О. Ключевского о том, что Русская Правда была составлена для практических целей церковного суда и управления (хотя состав-

²⁶³ Любавский М. К. Древняя русская история. Курс 1910 г. (По запискам студента Я. С. Ильина. Без редакции лектора). М., 1911.

²⁶⁴ Любавский М. К. Древняя русская история... С. 278.

ляли ее, по мнению Любавского, духовные лица). М. К. Любавский пишет об отсутствии прямых практических целей как причины составления этого источника и приходит к выводу о том, что Правда это не кодекс законов, а запись обычного права, описание юридических норм, вызванное стремлением русских книжников собрать в одно целое и придать известную законность действующему русскому праву²⁶⁵.

Изучение курса М. К. Любавского в источниковедческом плане позволяет говорить о тесной связи используемых им приемов исторического исследования, источниковедческого анализа с методологическими основами позитивизма²⁶⁶, абсолютизацией факта-источника, отождествлением описываемого им события с механическим, зеркальным отражением. В то же время вовлечение им в научный оборот огромного массива исторических источников, наблюдения в области конкретного источниковедения и применение ретроспективного и сравнительно-исторического методов создавали предпосылки для появления в курсе ценных выводов конкретно-исторического характера.

Приверженность позитивистским методологическим установкам прослеживается во всех текстах курсов, как литографированного 1911 г., так и опубликованных в 1915, 1916, 1918 гг. (тексты трех последних фактически тождественны). Текстологическая сверка показывает, что курс 1918 г. можно назвать стилистически-композиционной редакцией курса 1911 г., концептуальных изменений в тексте не наблюдается. Проведена лишь работа по устранению некоторых обобщающих, итоговых формулировок, методологических положений, более резко сформулированных в курсе 1911 г. К ним можно прежде всего отнести декларируемую претензию на объективность в интерпретации исторических явлений: «Мой курс будет чужд всяким притязаниям на построение древней русской истории в духе исторического монизма, как идеалистического, так и материалистического (т. е. марксизма. Д. К.)»²⁶⁷. Любавский пишет, что чужд тенденции свести историю «на раскрытие действия одной основной причины, на внутреннюю эволюцию основной причины»²⁶⁸. Преклонение перед теорией равнодействующих факторов, заявка на объективность сопровождаются выпячиванием роли политического фактора, поскольку главной задачей является, по его словам, «выяснение генезиса и первоначальной формировки того древнерусского государства, которое послужило ядром теперешней России»²⁶⁹. В связи с этим ученый считает важным выяснить эволюцию «внутренних форм на Руси, различных ее политических организаций, которые, в конце концов, привели к монархически-абсолютистской организации Московского государства...»²⁷⁰

Эта трактовка роли и места политического фактора в истории, понимание государства как «союза людей под одной верховной властью на определенной территории»²⁷¹ типичны для «государственников». Вследствие этого «древняя русская история» под пером М. К. Любавского часто выглядит как история ее государственных учреждений, политических и правовых институтов.

Лекции, изданные в 1915 г., главным образом в учебных целях, М. К. Любавский связывал с «Очерком истории Литовско-Русского государства», с представлениями их автора о ходе истории Киевской Руси, по отношению к которой Русь Литовская была как бы прямым продолжением, непосредственной преемницей, и о ходе истории Суздальско-Московской

²⁶⁵ Там же. С. 177–180.

²⁶⁶ Гутнова Е. В. Место и значение буржуазной позитивистской историографии второй половины XIX в. в развитии исторической науки (по материалам медиевистики) М., 1964. Т. 25.

²⁶⁷ Любавский М. К. Древняя русская история... С. 6.

²⁶⁸ Там же. С. 5.

²⁶⁹ Там же. С. 3.

²⁷⁰ Там же. С. 4.

²⁷¹ Там же. С. 88.

Руси как противоположном течении, «хотя и вышедшем из одного Литовско-Русского исторического русла»²⁷². В целом «Очерк...» и «Лекции...» должны были дать «общее построение русской истории во всех главных ее течениях» до конца XVI в.

Концептуальную основу лекций составляли положения «Курса русской истории» В. О. Ключевского²⁷³. Курс М. К. Любавского, по его собственному признанию, был в некотором роде расширением и дополнением лекций учителя и, наоборот, кратко затрагивал то, что у Ключевского излагалось с особой полнотой и обстоятельностью. Кроме того, у учителя и ученика имелись разные точки зрения по некоторым проблемам отечественной истории. Коррективы, внесенные Любавским, стали результатом его собственных изысканий, использования новых наблюдений в трудах Н. П. Павлова-Сильванского, Н. А. Рожкова, М. А. Дьяконова, А. Е. Преснякова, М. С. Грушевского.

Представления исследователя о русском историческом процессе отразились в данной им периодизации «древней русской истории». В основу выделения узловых ее этапов положены два наиболее значительных, с точки зрения М. К. Любавского, фактора: влияние социально-политических институтов и колонизация²⁷⁴. Разумеется, после работ В. О. Ключевского, М. А. Дьяконова, Н. П. Павлова-Сильванского уже нельзя было игнорировать роль экономического и социального факторов. И историк в своем курсе довольно отчетливо выделил вопросы экономической и социальной истории Древней Руси, которым посвящены специальные главы, попытался включить в исходную «государственную» схему результаты новейших специальных исследований А. Е. Преснякова (княжое право), М. А. Дьяконова (старожильство), Н. П. Павлова-Сильванского (закладничество-патронат)²⁷⁵. Но в работе они оказались фактически подчиненными фактору политическому, что и предопределяло ее тесную зависимость от исторической концепции В. О. Ключевского.

История Древней Руси, в понимании Любавского, оказалась разбитой на пять основных периодов: I «догосударственный» (до IX в. (гл. I–VI)²⁷⁶); II – время образования и утверждения Великого княжества Русского (IX начало XI в. (гл. VI–VIII)²⁷⁷); III эпоха «областного строя» (XI начало XIII в. (гл. IX–XII)²⁷⁸); IV Русь удельная (середина XIII конец XV в. (гл. XIII–XVIII)²⁷⁹); V-Русь Московская, единодержавная, абсолютная монархия (конец XV–XVI в., (гл. XVIII–XXIV)²⁸⁰). Как видим, в периодизации весьма последовательно брался курс на разрешение главной проблемы работы, намеченный во введении: «выяснение генезиса и первоначальной формировки» Древнерусского государства.

Сопоставление периодизации истории Древней Руси М. К. Любавским с периодизацией В. О. Ключевского позволяет сделать вывод о том, что ученик был гораздо более последовательным «государственником», чем учитель, а понимание Любавским движущих сил русской истории являлось гораздо более узким в сравнении с учителем. Ставка в политике на сохранение в России конституционной монархии, страх перед развалом этого института, потрясенного Революцией 1905–1907 гг., и желание подвести под рушившиеся представления о его незыблемости новые идеологические подпорки все это объясняет важнейшую особенность курса М. К. Любавского, в котором история Древнерусского государства ста-

²⁷² Любавский М. К. Лекции... С. 1–70.

²⁷³ Там же. С. 11.

²⁷⁴ Любавский М. К. Древняя русская история... С. 42.

²⁷⁵ Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. СПб., 1909; Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1912; Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм древней Руси. СПб., 1907.

²⁷⁶ Любавский М. К. Лекции. С. 221–306.

²⁷⁷ Там же. С. 71–100.

²⁷⁸ Там же. С. 100–144.

²⁷⁹ Там же. С. 145–220.

²⁸⁰ Любавский М. К. Лекции... С. 221–306.

новится доминантой всей русской истории. Политика вторгалась в историю, направляя перо ученого в сторону той тенденциозности, против которой он выступал на словах.

Однако у Любавского имелся ряд моментов, которые достойны положительной оценки. Это прежде всего понимание ученым истоков древнерусской истории не как начала самого государства. Исходной точкой исторических построений курса стал рассказ об эпохе палеолита на территории Восточной Европы. Наличие у него специальных знаний в области археологии, этнографии и языкознания обусловило более широкое и верное понимание исторических истоков Древней Руси, чем это было свойственно русской историографии начала XX в. Именно поэтому, прежде чем перейти к проблеме образования Древнерусского государства, ученый включает в свой курс ряд лекций, посвященных скифо-сарматскому периоду в истории Восточной Европы, эпохе Великого переселения народов. Они подводили к теме «Общественная организация восточных славян накануне образования Древнерусского государства».

При ее рассмотрении М. К. Любавский вводит еще одну новацию, нетипичную для общеисторических курсов тех лет, историографический экскурс по теме. Рассматривая социальную структуру восточных славян в VIII в., он подвергает, в частности, специальному разбору существующие по этой проблеме исторические концепции родового быта: Эверса общинного быта славянофилов; «земскую» В. И. Сергеевича; задружно-общинную В. Н. Лешкова; торгового происхождения городских областей В. О. Ключевского и др.²⁸¹ Проверка версий предшественников привела Любавского к выводу о том, что в каждой из них есть доля истины, каждая из них уловила действительные черты времени, а споры идут лишь из-за того, что дискутирующие стороны совершили методологическую ошибку, стремясь представить свою точку зрения как единственно возможную. Отсюда упрощение социального быта восточных славян, представление о его однородности, в то время как в действительности он был сложным²⁸². Вывод ученого о наслоении в социальной организации восточного славянства к VIII в. особенностей, следов разных эпох, стадий общественного развития²⁸³ согласуется с представлениями, имеющими место в современной советской историографии о многоукладности восточнославянской жизни VIII в. Но вывод Любавского остался незавершенным, он уклонился от ответа на вопрос, какой из укладов был ведущим и представлял тенденцию будущего социально-экономического развития Руси.

Очень осторожный, когда дело доходило до синтеза, Любавский в большей степени умел реализовать себя как исследователя (прекрасное знание источников, высокая источниковедческая культура) в области исторической критики и анализа. Благодаря им историку удалось аргументированно подвергнуть сомнению правомерность тезиса В. О. Ключевского о том, что расселение восточных славян сопровождалось юридическим разрушением родовых союзов²⁸⁴. Критика велась прежде всего с источниковедческих позиций. Первой ошибкой учителя Любавский считает неверную, чрезвычайно широкую трактовку источников (договор Руси с греками), на основе которых Ключевский судит о социальных отношениях у восточных славян к началу IX в. Любавский верно отмечает, что эти источники отражают социальные процессы не всей народной массы, а «торговых классов», и поэтому, призна-

²⁸¹ Эверс Г. Предварительные критические исследования Г Эверса для российской истории / пер. с нем. М., 1825–1826. Кн. 1–2.; Соловьев С. М. Исторические отношения между князьями Рюрика Дом. М., 1847; Аксаков К. С. О древнем быте славян вообще и у русских в особенности. М., 1861. Т. 1-М; Беляев И. Д. Русская земля перед прибытием Рюрика // Временник МОИДР. Кн. 8; Лешков В. Н. Общинный быт древней России // ЗМНП. 1981. Т. 12; Ключевский В. О. Боярская Дума Древней Руси. 4-е изд. М., 1909.

²⁸² Любавский М. К. Лекции... С. 65.

²⁸³ Там же. С. 70.

²⁸⁴ Черепнин Л. В., Паушто В. Т., Назаров В. Д. Основные проблемы изучения СССР периода феодализма // Изучение отечественной истории в СССР между XXIV–XXV съездами. Вып. 2: Досоветский период. М., 1985.

вая, что при расселении славян родовой быт должен был разрушаться, считает ошибочной попытку обобщать это явление и распространять его на восточнославянское общество. По мнению историка, разрушение родового быта коснулось только известных (верхушки) слоев общества, но не было общерусским явлением накануне призвания князей²⁸⁵.

Знание археологической литературы и источников приводило к убеждению, что многочисленные городки восточных славян скорее всего были именно родовыми поселками²⁸⁶, а специальные историко-географические исследования ученого позволяли утверждать, что в процессе колонизации рушились племенные связи, но не родовые. Причина живучести этого социального организма, по мысли Любавского, заключалась в самом характере колонизации, в ходе которой славяне «по инстинкту» должны были селиться вместе для защиты, так как не было государственной организации, способной их защитить. Наконец, и «экономические побуждения» должны были заставить наших предков селиться вместе («комплексный» характер хозяйства земледелия, рыбной ловли, охоты, бортничества требовал усилий сравнительно большого коллектива людей)²⁸⁷. Этот сильный критический заряд выбивал историковедческую основу из-под теории «городовых волостей» Ключевского. Само их наличие в Древней Руси в постановке вопроса, предложенной Любавским, превращалось из господствующего в одно из социально-экономических явлений, характерных для той эпохи.

В лекции о социальном быте восточного славянства в конце VIII начале IX в. содержалась посылка, помогающая прояснить отношение историка к «норманнской теории». Признанием того, что уже в VI в. на Руси наряду с родовыми союзами и племенами существовали и политические объединения, по существу отрицался основной тезис норманистов о превосходстве скандинавов над славянами, о насаждении первыми государственности и культуры на Руси. И хотя норманны признаются на словах силой, объединившей Русь в конце IX начале X в., признание это сводится на нет рядом оговорок. Первая имела, так сказать, теоретический характер, была связана с общими представлениями Любавского о причинах и характере возникновения государства как явления внутреннего свойства, здесь, по его словам, «действуют не личные усилия отдельных лиц, **а известные потребности, коренящиеся в самом обществе, могучие, внешние и внутренние причины, создающие известные течения жизни, по которым обыкновенно и плывут уже отдельные лица** (выделено нами. Д. К.)»²⁸⁸. Одной из наиболее важных причин, усиливших у восточных славян потребность к единению, исследователь вслед за Ключевским признает внешнюю торговлю. Вследствие того, что военная ее защита, которую восточные славяне имели в свое время от хазар, исчезла, **«им самим пришлось создать себе высшую власть, которая защищала и охраняла»**²⁸⁹. И хотя в такой трактовке причин возникновения Древнерусского государства отчетливо сказалась односторонность представления о нем как институте надклассовом, а сама роль экономического фактора в истории была сведена к сфере обмена, все же и она позволяла оценить «норманнское призвание» как явление, не имеющее кардинального значения в становлении русской государственности. Варяжским конунгам пришлось лишь «увенчать крышу политического здания, соорудившегося местной жизнью»⁴. Подобное толкование «норманнского вопроса» отнюдь не является норманизмом. Современная советская историография также считает, что различные варианты летописного рассказа о так называемом «призвании варягов» отражают исторические события, имевшие место на

²⁸⁵ Ключевский В. О. Соч. М., 1956. Т. 1. С. 117–118.

²⁸⁶ Любавский М. К. Лекции. С. 66–67.

²⁸⁷ Любавский М. К. Лекции... С. 68.

²⁸⁸ Там же. С. 67.

²⁸⁹ Там же. С. 2.

северо-западе Руси, и что славяно-скандинавский «социальный синтез» имел весомое значение для славянских земель, достигших к X в. высокого уровня политического развития.²⁹⁰

Хорошее знание источников и внимание к проблемам социально-политического развития позволили М. К. Любавскому высказать интересные соображения. Иначе, чем В. О. Ключевский, оценивал он роль первых русских князей, которые были не только «военными сторожами», но и «устроителями внутреннего порядка»²⁹¹. И хотя создавшееся политическое единство не было крепким, а родившееся государство не являлось еще сплоченным телом, сам факт его существования в X в. не вызвал у историка никаких сомнений. Характеристика политической формы этого государства как «федерации под главенством великого князя»²⁹² находит поддержку в отечественной историографии²⁹³. Правда, понимание его социально-экономической основы в XI–XII вв. у Ключевского и следующего за ним Любавского принципиально отличается от концепции, принятой большинством советских историков: у первых это рабовладение²⁹⁴, у вторых феодализм²⁹⁵.

Из наблюдений над социальной структурой Древнерусского государства X–XI вв. Любавский сделал выводы о существенном ее изменении после «норманнского призвания», начале сословной дифференциации (появление наряду с классами «свободных и рабов» «военно-торгового класса»)²⁹⁶, образования «княжеского общества». В «княжье общество» входили, по мнению историка, и смерды, эти, по его словам, «князьи мужики» разряд сельских жителей, «обложенный данью» и «несущий военную службу во время войны»²⁹⁷. Введение христианства и организация церкви способствовали дальнейшему социальному расслоению древнерусского общества: «появилось духовенство, занявшее привилегированное положение». Оно сильно продвинуло вперед эволюцию княжеской власти, способствовало ее превращению в государственную²⁹⁸. Хотя, как считал историк, княжеская дружина в X начале XI в. еще не сделалась «земледельческим классом», но эта будущая ее социальная позиция уже наметилась. Князь с X в. начал распоряжаться землей, в XI в. княжеское сельское хозяйство было налажено²⁹⁹.

Делая интересные и верные наблюдения на основе анализа древнерусского права (в частности, Русской Правды), Любавский видит причину социальной дифференциации общества в «усложнившихся задачах по управлению и обороне страны», но не видит экономические социальные ее корни³⁰⁰. Он верно фиксирует влияние церкви на ход государственного развития, но не отмечает социальные причины ее привилегированного положения и быстрого укоренения на русской, государственной почве.

²⁹⁰ Там же. С. 73–74, 81.

²⁹¹ Любавский М. К. Лекции... С. 81.

²⁹² Там же. С. 85.

²⁹³ Пауто В. Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // Скандинавский сборник XV. Таллин, 1970. С. 53–55.

²⁹⁴ Любавский М. К. Лекции. С. 85 и др.

²⁹⁵ Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X–XIII вв. // Исторические записки. М., 1972. Т. 89. С. 358–359.

²⁹⁶ Ключевский В. О. Соч. Т. 1. С. 274; Любавский М. К. Лекции. С. 118.

²⁹⁷ Новосельцев А. П., Пауто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972. С. 146, 250; Черепнин Л. В., Пауто В. Т., Назаров В. Д. Основные проблемы изучения СССР периода феодализма. С. 7 и др. Излагаются и иные модели древнерусского общества X–XIII вв.: «рабовладельческая» представлена в исследовании В. И. Горемыкиной (К проблеме истории докапиталистических обществ. Минск, 1970), «общинная» в работе И. Я. Фроянова (Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974).

²⁹⁸ Любавский М. К. Лекции. С. 88.

²⁹⁹ Там же. С. 90.

³⁰⁰ Любавский М. К. Лекции... С. 94–95.

Схема третьего периода истории Древней Руси у Любавского сложилась под сильным воздействием взглядов Ключевского (теория «родового владения» князьями Русской землей). Оценивая систему международных отношений, историк в основу своей позиции кладет представления о так называемом очередном порядке княжеского владения³⁰¹, разработанную еще Соловьевым и модифицированную Ключевским³⁰². Однако, рассматривая процесс политической раздробленности на Руси в XII–XIII вв., он считает, что «было бы ошибкой видеть в эволюции княжеских отношений главную и единственную причину этого факта»³⁰³. Раздробленность, местный партикуляризм стоит, по его мнению, в тесной связи с новым размещением русского населения к концу XII в., которое явилось следствием княжеских усобиц и набегов кочевников³⁰⁴. Эти наблюдения при всем преувеличении роли географического фактора вносили значительную долю новизны в решение традиционного для русской историографии вопроса.

«Порядок», установившийся на Руси в XII начале XIII в., ученый называет областным («областная политическая организация по отдельным землям вокруг нескольких авантюристов»³⁰⁵). Поскольку, на его взгляд, в областях XII – начала XIII в. существовало то же самое политическое единство федеративного типа, которое имелось в Русской земле и в XI начале XII в., складывалось впечатление, что русская государственность к концу XII в. не претерпела никаких серьезных изменений по сравнению с X в. В русской историографии в начале XX в. часто встречалось утверждение подобного типа. Любавский же полагал, что «новый порядок» не был простым возвращением к старине. Он отмечает такой важный новый момент, как такую политическую группировку земель, при которой уже в XIII в. обозначалось ядро двух будущих государств: Московского (великорусская группа) и Великого Княжества Литовского (белорусская и украинская группа)³⁰⁶. Новое проявилось в укреплении вече, второй политической силы, управлявшей обществом наравне с князьями³⁰⁷. Наконец, серьезные перемены произошли и в характере социально-экономических отношений на Руси: во-первых, имеет место упадок внешней торговли и развитие княжеского, боярского и церковного землевладения, зарождение частной собственности на землю и рабовладельческого хозяйства³⁰⁸; во-вторых, развиваются институт рабства и «особый класс зависимых людей» (закупы, изгой) «эмбрионов последующих холопства и крестьянства»³⁰⁹; в третьих, бояре стали «земским классом» и начали руководить обществом «без князей и нередко против князей»³¹⁰. При этом совершенно справедливо Любавский отмечал, что «областной политический строй», который установился на Руси в середине XII первой четверти XIII в., в «значительной степени опирался на общественную эволюцию и на то значение, которое приобрели в областях бояре»³¹¹.

Особенности развития феодальной Руси XII XIII вв., процесс феодальной раздробленности у Любавского имеют в своей основе ряд причин и факторов: географическую среду, социальную эволюцию русского общества, новые явления в экономике (развитие княже-

³⁰¹ Там же. С. 89–90.

³⁰² Ключевский В. О. Соч. Т. 1. С. 180.

³⁰³ Любавский М. К. Лекции. С. 91–92.

³⁰⁴ Там же. С. 101–103.

³⁰⁵ Там же. С. 106.

³⁰⁶ Там же.

³⁰⁷ Там же. С. 111.

³⁰⁸ Любавский М. К. Лекции... С. 113.

³⁰⁹ Там же. С. 123–125. Вопрос о вече в Киевской Руси историк решал в целом в русле концепции исследования В. И. Сергеевича (Вече и князь. СПб., 1867).

³¹⁰ Там же. С. 114, 117.

³¹¹ Там же. С. 118, 119.

ско-боярского землевладения и рабовладения). Разумеется, Любавский и здесь выдвигает на первый план политический фактор.

Более последовательный «государственник», чем Ключевский, Любавский по существу оставил без специального рассмотрения проблемы социально-экономического развития древнерусских городов как центров ремесла и торговли. Это объясняется его пониманием «городовой волости» как лишь одного из ряда «слагаемых» древнерусского социального организма VIII–XI вв. Социально-экономический фактор в его представлении отнюдь не был главным, решающим. Не желая вступать в открытую полемику со своим учителем и отнюдь не отрицая значительной роли внешней торговли в экономике Древней Руси, он основное свое внимание концентрирует на сельском хозяйстве и землевладении, считает их значительными явлениями древнерусской жизни XII начала XIII в. Тем самым молчаливо отрицается тезис учителя о неземледельческом характере Древней Руси³¹².

«Русь Днепровская, городова, торговая» Ключевского в понимании его ученика, после внесенных им коррективов, хотя и выглядит еще «Днепровской» (до XII в.), но далеко не везде «городовой». В плане экономического развития она, по Любавскому, до середины XII в. является торгово-земледельческой, а с середины XII в. больше земледельческой, чем торговой.

По мнению Любавского, корни удельного периода лежат в Киевской Руси. Между ними «нет глубокой пропасти», а существовало лишь одно «резкое различие» князь в Киевской Руси не сделался владельцем территории княжества и его полным хозяином; наряду с ним «огромным политическим значением пользовалось вече»³¹³. Эта традиция удержалась в Западной Руси XIII–XV вв., где вече переросли в сеймы. В Суздальской Руси конца XIII–XIV в. политическая жизнь, по мнению историка, устроилась на других основаниях – вече исчезло. Причины этого исследователь видел в воздействии внешнего фактора татаро-монгольском нашествии.

Эта «большая беда»³¹⁴ была, с точки зрения Любавского, той внешней могучей причиной, которая сыграла огромную роль в дальнейшей социально-экономической и политической эволюции феодальной Руси. Последствия татаро-монгольского нашествия сказались: 1) в усилении географической разобщенности сельского населения, начатой в XII в. (произошло окончательное географическое и политическое разделение северо-восточной и юго-западной Руси; 2) в обострении тенденции князей к оседлости, «превратившей их из правителей общества до известной степени в его созидателей и организаторов народного труда»³¹⁵. Вывод историка о том, что «татары ускорили создание удельного порядка на Руси»³¹⁶, шел вразрез со взглядами Соловьева и Ключевского, в своем изложении как бы «забывавших» о татарском нашествии, считая его малозначным явлением в становлении «удельного порядка»³¹⁷.

Прежде всего, по его мнению, пострадала сфера экономики, где произошло «страшное потрясение», а хозяйство само регрессировало от денежного к натуральному³¹⁸ (хотя торговля совсем не исчезала). Он делает правильный вывод: «Татарские погромы искусственно

³¹² Там же. С. 120.

³¹³ Там же. С. 121. Трактовку эпохи политической раздробленности и роли в ней боярства в советской историографии см. в кн.: История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1956. Т. 1. С. 575–577 (раздел написан акад. Б. А. Рыбаковым).

³¹⁴ Любавский М. К. Лекции... С. 121–122.

³¹⁵ Там же. С. 122.

³¹⁶ Там же. С. 146.

³¹⁷ Там же. С. 151–152.

³¹⁸ Там же. С. 153.

задержали экономическое развитие»³¹⁹. Татарское иго ускорило, обострило, сделало более болезненным процессы образования категории зависимого крестьянства («подворники», «подсуседки» и др.), разоряемого нашествиями и набегами в XIII–XIV вв.³²⁰ Именно они и сделались арендодателями-съемщиками, чей труд давал возможность князьям и другим зажиточным землевладельцам все больше и больше расширять эксплуатацию своих земель и угодий³²¹. Как и в Киевской Руси, в эти столетия происходило одновременно обезземеливание мелких собственников и расширение крупного княжеского и боярского землевладения. В удельную эпоху эти процессы только «поддерживались той тягостью ордынской дани, которая легла на народные массы». Развитие княжеского, боярского и монастырского землевладения было проявлением социального порядка, созданного на почве, которую «обрабатывали еще первые князья-колонисты северо-восточной Руси и удобрили татары»³²². Таким образом, хотя в трактовке социально-экономической основы удельного периода у Любавского видна явная зависимость от формулы «удельного» периода Ключевского (население княжества временные съемщики земли у собственников хозяев-князей)³²³, в толковании причин, породивших изучаемую ситуацию, его подход был более «сбалансированным», широким (учет роли внешнего фактора и отсутствия исторического разрыва с социально-экономическим строем Киевской Руси).

Основное изменение в политической структуре удельной Руси историк видит в резком усилении политического веса князей, которые еще в дотатарский период в силу слабости северо-восточных городов преобладали над вече. Разгром городов в Северо-Восточной Руси и привел к тому, что здесь из двух сил, «руководивших русским обществом в Киевскую эпоху, осталась одна князь»³²⁴.

Описывая в дальнейшем явления, характерные для феодальных отношений (превращение князя в крупного вотчинника, а крупной боярской и монастырской вотчины в небольшое «государство в государстве», складывание иерархической системы, закладничество и т. д.), исследователь задает себе вопрос: что же за политический строй был в удельной Руси XIII–XV вв.? И в отличие от Ключевского приходит к выводу, что эта эпоха, характеризующаяся «раздроблением власти и ее соединением с землевладением» есть время «смешения частных и государственных понятий», являет собой «порядок, близкий к западноевропейскому феодализму»³²⁵. Одна из основных причин его появления господство натурального сельского хозяйства. Этот «недоразвитый феодализм»³²⁶ Северо-Восточной Руси выходит из «общего состояния культуры эпохи, не только экономической, материальной, но и политической, юридической, духовной»³²⁷. Разумеется, признание существования феодализма в удельной Руси сопровождается различного рода оговорками о специфике ее феодальных институтов по сравнению с западноевропейскими, но разница эта, по мнению Любавского, «не столько качественная, сколько количественная»³²⁸.

Сводя феодализм к правовым отношениям, отождествляя его с политической раздробленностью (понимание, типичное для большинства историков второй половины XIX начала XX в.), ученый, естественно, не увидел его в Новгороде и Пскове. Происходящая от одного

³¹⁹ Там же.

³²⁰ Там же. С. 156.

³²¹ Там же.

³²² Там же. С. 157.

³²³ Любавский М. К. Лекции... С. 158.

³²⁴ Там же.

³²⁵ Там же. С. 158.

³²⁶ Там же. С. 171.

³²⁷ Там же. С. 164.

³²⁸ Там же. С. 174–179.

корня Киевской Руси, Северо-Западная Русь пришла, по его словам, не к господству князя-вотчинника, а к «народовластию в виде господства веча главного города»³²⁹. Историк называет три основные причины, которые позволяли Новгороду Великому прямо продолжить социально-экономические традиции Киевской Руси: 1) всенародный характер колонизации края и ничтожная роль в ней князей; 2) природные условия, не способствовавшие тому, чтобы промысловые и торговые люди занимались земледелием; 3) Новгород и его вечевой строй не затронуло разрушительное татарское нашествие³³⁰. Сопоставление облика городского республиканского строя с социально-политической жизнью Генуи, Флоренции и Венеции приводило к заключению, что со средневековой жизнью Западной Европы Новгород и Псков «не вносят никакого диссонанса»³³¹. Социальные отношения в городах Русского Северо-Запада изображаются им в весьма реалистичных тонах. Находясь под впечатлением работ А. И. Никитского³³², где наблюдалось влияние идей экономического материализма, М. К. Любавский указывает «на глубокий социальный антагонизм» (борьба «меньших» с «большими»), который лежал в основе ожесточенной борьбы партий в Новгороде и вместе с «земской рознью» стал причиной гибели Новгородского государства³³³.

Как видим, при всей явной зависимости схемы «удельного» периода Любавского от понимания ее «государственниками» (Чичерин, Соловьев, Ключевский) как времени перехода от родового быта к государственному историк в вопросе о феодализме на Руси стоял на стороне Н. П. Павлова-Сильванского. Работы последнего³³⁴ учитываются им при истолковании природы рассматриваемых социально-политических институтов Руси XIII–XV вв. Между ними можно заметить сходство в решении принципиального вопроса о единстве исторических процессов в русском и западноевропейском обществах X–XV вв. Этот вывод Любавский сделал в результате широкого использования историко-сравнительного метода. Сравнение строя Англии после норманнского завоевания (1066 г.) и Франкского королевства VIII–IX вв. с Киевской Русью X начала XII в. позволяет ему сделать вывод, что «Древнерусское государство выступает с теми же чертами строя и быта, с которыми являются и государства Западной Европы»³³⁵. Отсутствует и «разрыв» между эпохой «областного строя» и «удельной эпохой» (корни последней он видит в XII первой половине XIII в.). Строй «удельной эпохи» характеризуется как «недоразвитый феодализм» недоразвитый в силу «зыбкой» общественной почвы», на которой он создавался, подвижности населения в непрерывно колонизирующейся стране и внешнего фактора, «будившего инстинкты народного самосохранения и вызывавшего к жизни и творчеству государственное начало»³³⁶. Поддержку Любавским выводов Павлова-Сильванского, построенных в плане борьбы с представлениями о самобытности исторического развития России, можно расценивать как, несомненно, положительное явление в российской либеральной историографии начала XX в.

В духе «государственной» школы Любавский идеализирует деятельность князей «строителей наряда» в Киевской Руси и «организаторов» народного труда Руси «удельной», не замечает факты сословной борьбы горожан и крестьян XI–XV вв. против феодального гнета³³⁷. Социальные категории крестьянства интересуют историка только в правовом

³²⁹ Там же. С. 179.

³³⁰ Любавский М. К. Лекции... С. 175.

³³¹ Там же. С. 179.

³³² Там же. С. 181.

³³³ Там же. С. 182–183.

³³⁴ Там же. С. 195.

³³⁵ Никитский А. И. История экономического быта Новгорода. СПб., 1893; *Его же*. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873.

³³⁶ Любавский М. К. Лекции. С. 196–197.

³³⁷ Павлов-Сильванский Н. П. Иммуниет в древней Руси // ЖМНП. 1901; *Его же*. Иммуниет в удельной Руси. СПб.,

аспекте. Все это следствие методологической позиции исследователя-позитивиста, представлений о государстве как демиурге истории, показатель теоретической основы, его общественно-политических взглядов.

Отразились подобные взгляды и в лекциях Любавского по истории Московской Руси последнего периода «древней» русской истории³³⁸. Прежде всего это проявилось в понимании существа рассматриваемого исторического процесса, для которого характерна эволюция удельного княжения в самодержавное абсолютистское (неограниченное) государство³³⁹. Такое понимание было господствующим не только среди историков либерального направления, но и официального, охранительного³⁴⁰. Государство, по его мнению, сыграло решающую роль в формировании сословий и социальных групп. В отличие от предыдущих лекций роль экономического и географического факторов здесь выделена более выпукло, а характеристики князей-собирателей под влиянием Ключевского лишены идеализации. Несомненное влияние на интерпретацию роли социально-экономических явлений оказало использование в курсе результатов авторитетных специальных исследований историков России конца XIX начала XX в. (В. О. Ключевский, М. А. Дьяконов, С. В. Рождественский, Н. П. Павлов-Сильванский, А. С. Лаппо-Данилевский, А. С. Авалиани и М. Н. Покровский)³⁴¹.

Переломный момент в процессе перехода от удельных порядков к самодержавной России (сходный с установлением централизации во Франции), по Любавскому, княжение Ивана III; исходная его точка это XVI в.³⁴², а конечная первая четверть XVIII в. Основная причина, способствовавшая «собираению», объединению Северо-Восточной Руси, это «скопление материальных сил в руках московских князей» вследствие «прилива» населения, обусловленного выгодным географическим положением Москвы вдали от татарских погромов. К этой основной причине присоединилась и «второстепенная», «производная» «симпатия» ханов к Москве, которая в силу своего богатства и многолюдства исправнее всех платила дань³⁴³. Вторая главная причина успехов собирательской деятельности князя «типичного кулака» лежала, по мнению историка, в той политической среде, в которой она проходила. Крайняя степень политической раздробленности Северо-Восточной Руси в XIV–XV вв. не могла способствовать дружному отпору и сопротивлению со стороны других князей, да и сам размер мелких княжеств облегчал, как считал Любавский, собирательную деятельность Москвы³⁴⁴. К объединению подталкивала и внешнеполитическая переориентация московских князей (на востоке от союза с Ордой до открытого стремления сбросить иго татар; на западе борьба за «киевское наследство»), вызвавшая появление новых сильных врагов (Великое Княжество Литовское). Усложнение внутривнутриполитических и внешнеполитических

1901; *Его же*. Феодальные отношения удельной Руси. СПб., 1901.

³³⁸ Любавский М. К. Лекции... С. 90.

³³⁹ Там же. С. 181.

³⁴⁰ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси в XI–XII вв. М., 1955.

³⁴¹ Любавский М. К. Лекции. С. 237. Современная советская историография при всем разногласии трактовок объединена представлением о XVI в. в России как времени формирования сословно-представительной монархии (*Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 325–326; *Его же*. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 397 и др.; *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966. С. 127, 317; *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1965. С. 12; *Шмидт С. О.* Становление российского самодержавия. М., 1973. С. 191; *Черепнин Л. В.* К вопросу о складывании сословно-представительной монархии в России (XVI век) // История СССР. 1974. № 5. С. 251–270; *Его же*. Земские соборы русского государства. М., 1978.

³⁴² Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. 9-е изд., испр. СПб., 1915.

³⁴³ Дьяконов М. А. Власть московских государей. СПб., 1889; Рождественский С. В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897; Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. 2-е изд. СПб., 1909; Лаппо-Данилевский А. С. Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России // Крепостной строй. СПб., 1906. Т. 1; Ключевский В. О. Боярская Дума древней Руси. 4-е изд. М., 1909; Авалиани А. С. Земские соборы. Одесса, 1910; Покровский М. Н. Местное самоуправление древней России // Мелкая земская единица. СПб., 1905.

³⁴⁴ Любавский М. К. Лекции... С. 210.

задач заставило Ивана III прийти к мысли о невозможности их разрешения при существующем удельном порядке³⁴⁵.

В такой трактовке проблемы централизации русских земель ученый, верно отмечая «материальные факторы» как основные причины успехов централизованных усилий Москвы, неправомерно сводит их по существу к одному географическому, добавив также связанную с ним демографическую концепцию в объяснении причин «возвышения» Москвы. Производительные силы Северо-Восточной Руси, их рост в XIV–XV вв. остаются в тени. Разумеется, игнорируется и сословная борьба крестьян с феодалами, заставившая последних искать союза с великокняжеской властью.

Объяснение политических потрясений XVI в. решалось историком по Ключевскому и Платонову. Боярство, которое смогло бы потенциально составить аристократическую оппозицию абсолютизму, ослабляется еще до опричницы, которая в своих конечных результатах привела к торжеству «монархического абсолютизма, к падению его (боярства. *Д. К*) общественного и политического значения»³⁴⁶. Удар был нанесен главным образом той части боярства, которую составляли князья (потомки удельных князей «княжата» Ростовские, Белозерские, Оболенские и др.), с целью покончить с опасными для царского абсолютизма «пережитками удельной эпохи»³⁴⁷. Но общественно-политическое значение высшего московского боярства было подорвано еще раньше. Причины его экономического ослабления заключаются в установлении обязательной службы с княжеских и боярских вотчин, чрезвычайно тяжелой и разорительной, миграции крестьян XVI в. из центральных районов страны в пограничные районы Дикого поля³⁴⁸, которая подорвала основы вотчинного землевладения.

Одновременно с возвышением дворянства как правящего сословия (с последней четверти XV в.) укрепляется поместье главное средство для его содержания. В силу наследственной обязанности военной службы поместье по существу становится уже в XVI в. наследственным владением³⁴⁹. Развитие поместного землевладения, по верному наблюдению историка, имело огромные последствия для крестьянина.

Оно приводило к обезземеливанию крестьянской массы и подчинению ее землевладельцам; косвенным образом отразилось на положении самостоятельного крестьянства (крестьянский двор стал «редеть», терять переманиваемую помещиками рабочую силу), парализовало развитие городского посада, лишало городскую промышленность главных потребителей и покупателей-служилых людей, тормозило торгово-промышленное развитие страны³⁵⁰.

Эти довольно проницательные наблюдения о роли «материальных» факторов и социальной истории России в XVI в. историк, к сожалению, не развил и при объяснении причин закрепощения крестьянства придерживался обычных представлений либеральной историографии конца XIX в. В «формуле» крепостного права он пытался сочетать две точки зрения: прикрепление крестьянства к тяглу государством или рост задолженности крестьян помещикам. «Так законодательным путем и часто экономическими и чисто политическими мерами крестьянская масса все более и более прилеплялась к своему крестьянскому состоянию, к тяглу, в известной мере к владельцу. Хотя общих мер прикрепления не издавалось, но рост

³⁴⁵ Там же. С. 218.

³⁴⁶ Там же. С. 220.

³⁴⁷ Там же. С. 223–224.

³⁴⁸ Любавский М. К. Лекции... С. 254.

³⁴⁹ Там же. С. 255. В советской историографии высказывалось мнение о том, что опричная политика не была чем-то единым на протяжении 7 лет ее существования. Как мера антикняжеская она просуществовала не более года (*Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины. Л., 1975. С. 7).

³⁵⁰ Там же. С. 256–257.

такого закрепления, несомненно, шел вперед заметными шагами»³⁵¹. Известное преодоление взглядов, концепций «государственной школы» намечалось там, где в основу наблюдений брались исследования историков, стоявших на позициях экономического материализма. Так, на характеристику в курсе «земельной реформы» середины XVI в. явно повлияли выводы труда М. Н. Покровского. Любавский считает, что осуществление этой реформы, несомненно, стояло в связи с некоторыми успехами народного хозяйства в первой половине XVI в. «с накоплением у населения денежных капиталов», его причины: 1) общая «прилив» драгоценных металлов из Латинской Америки и 2) частная, русская, свержение татаро-монгольского ига и прекращение оттока денег из страны³⁵². Но в целом выводы по периоду давались по Ключевскому: русская история XVI в. характеризовалась как эпоха начала закрепощения крестьянства, возвышения и господства дворянства и создания национального государства³⁵³.

С таким капиталом, как отмечает Любавский, страна вступила в XVII–XVIII вв. новый период своего развития. Характеристику его историк попытался дать в лекционных курсах по истории России XVII первой четверти XVIII в. и XVIII в., которые читались им в 1911–1915 гг. слушательницам Высших женских курсов и студентам Московского университета. До нас дошли тексты литографированных изданий курсов, прочитанных в 1911 и 1913 гг. Отсутствие специальных научных интересов и изысканий в этой области у историка, ориентация на чисто учебные цели предопределяли их компилятивность. Основательную зависимость от специальных исследований, созданных представителями отечественной буржуазно-дворянской историографии, заметить несложно. Например, от исследований С. Ф. Платонова в оценке Смутного времени, от социологической схемы русской истории XVII–XVIII вв. В. О. Ключевского, от трактовки крестьянского вопроса в XVIII в. у В. И. Семевского, от выводов М. М. Богословского относительно реформ Петра I³⁵⁴. Отсутствие самостоятельных версий в объяснении русского исторического процесса этих столетий привело к тому, что в отборе источников и в характере их использования историк руководствовался прежде всего задачами учебного процесса. Вне всякого сомнения, на широту и глубину исторического видения ученого в этих курсах повлияла его стойкая приверженность основным установкам «государственной» школы: идее «надклассовости» государства как института в целом и русского самодержавного государства в частности³⁵⁵. Как и в курсе «Древней русской истории», они направляли внимание М. К. Любавского в основном на правовые государственные институты России XVII–XVIII вв., ее внутреннюю политику. Одни важные проблемы истории феодальной России выпали из его поля зрения (экономика, внешняя политика), другие оказались неправомерно суженными (вопросы культуры), третьи (проблемы социальной истории) интересуют его главным образом своей правовой стороной и нередко рассматриваются как производные «от политики»³⁵⁶. В целом эти курсы создают впечатление компилятивного повествования об истории русских госучреждений, построенного на основе пересказа законодательства XVII–XVIII вв. и опубликованных мемуаров (дневников и «записок» Котошихина, А. Олеария, Я. Рейтенфельса, Невиля, Ф. Прокоповича, де-Лириа, В. Н. Татищева, И. Посошкова, Ю. Крижанича, А. Болотова, Екатерины II и др.). Манеру работы с источниками в этих курсах нельзя охарактеризовать иначе, как иллюстративно-описательную. Она особенно бросается в глаза в лекционном курсе по исто-

³⁵¹ Там же... С. 260–265.

³⁵² Там же. С. 269–270.

³⁵³ Любавский М. К. Лекции... С. 278.

³⁵⁴ Там же. С. 287.

³⁵⁵ Там же. С. 279, 290.

³⁵⁶ Любавский М. К. Русская история XVII первой четверти XVIII вв. Курс, прочитанный в весеннем семестре 1911 г. М., 1911; *Его же*. Русская история XVIII века (по запискам слушателей). М., 1913.

рии России XVIII в. В нем в большинстве случаев преобладает пересказ законодательства, систематизированного (из исследований) материала по рассматриваемому вопросу. Степень «реализации» законодательства в жизни, как правило, уходит на второй, а то и на третий план. Преобладают историко-учрежденческий и историко-правовой аспекты рассмотрения проблемы.

Главным критерием для выделения нового периода русской истории является изменение форм политического управления. На смену старому, московскому («вотчинному») государству с «отпечатком удельной эпохи» пришло после «смуты» новое «земское», где государь из хозяина-вотчинника «стал первым слугой отечества»³⁵⁷. Характерно и его понимание главных «фактов» в истории страны XVII первой четверти XVIII в. На первом месте стоит изменение понятий о государстве (оно мыслится теперь «уже как общественное здание, а не государева община», много нового было внесено и в сферу государственного механизма земские соборы стали его «маховым колесом», резко усилена власть воевод на местах)³⁵⁸. На втором крупные социальные изменения (возвышение рядового дворянства и начало «Дворянской России», закрепощение податных классов крестьянства и посадских людей, их прикрепление к тяглу вследствие тех же «государственных» потребностей в деньгах и т. д.)³⁵⁹. Третье перелом в народной психологии (протест против тяжелого положения, от которого «страдали молча» до конца XVI в., в целом ряде «мятежей в царствование «тишайшего» Алексея Михайловича)³⁶⁰ по причине обострения процесса «сословной дифференциации» на почве экономических интересов и «государственного тягла»³⁶¹. Рассматривая основные направления внутренней политики России в 20-80-е годы XVII в., Любавский приходит к выводу, что новшества Петра I не были совершенно не знакомы русскому обществу: «Петр вступил в уже господствовавшее течение русской жизни»³⁶². Таким образом, в своем выводе историк проводит линию Соловьева об ограниченности петровских преобразований, их естественной преемственности с предшествующей эпохой. Само включение эпохи петровских реформ в курс по истории XVII первой четверти XVIII в. уже заранее готовило читателя к принятию этой позиции автора.

В противовес концепции П. Н. Милюкова³⁶³ Любавский показывает естественный характер петровских реформ, подготовленность и успешность основных направлений экономической политики Петра I³⁶⁴. Вслед за Ключевским он верно отметил, что стоимость этих преобразований оплачена народной массой, которая «изнемогала под бременем налоговых тягостей и натуральных повинностей»³⁶⁵. Но как у учителя, так и у ученика при обрисовке личности Петра I (типичного представителя «просвещённого деспотизма»³⁶⁶) и его политики отсутствует понимание классово-экономической сути самодержавия. По Любавскому, Петр прибежал «к обирательству только под давлением неизбежных государственных нужд»³⁶⁷. Созда-

³⁵⁷ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. 3-е изд. СПб., 1910; Ключевский В. О. Соч. М., 1957–1958. Т. 3–4; Семевский В. И. Крестьяне в царствование Екатерины II. СПб., 1901–1903. Т. 1–2; Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. Провинция. 1719–1727. М., 1908.

³⁵⁸ Любавский М. К. Русская история XVII первой четверти XVIII вв. ... С. 92, 103.

³⁵⁹ Там же. С. 64, 198, 281.

³⁶⁰ Там же. С. 51–53.

³⁶¹ Там же. С. 60, 61, 66.

³⁶² Там же. С. 72, 75.

³⁶³ Там же. С. 77.

³⁶⁴ Любавский М. К. Русская история XVII первой четверти XVIII вв. ... С. 100.

³⁶⁵ Там же. С. 198.

³⁶⁶ Там же. С. 237, 247, 259, 263, 269, 290, 305, 341.

³⁶⁷ Там же. С. 235.

ние «регулярного европейского полицейского» государства итог его деятельности³⁶⁸. Время Петра это та грань, с которой начинается второй этап «новой русской истории».

Главной его чертой, особенностью, как утверждает Любавский в предисловии к спецкурсу «История царствования Екатерины II», прочитанному весной 1911 г. студентам университета, есть кульминационное развитие двух основных течений, начавшихся еще в XVII в.: «превращение старого военслужилого класса в земледельческий», господствующий политически и социально над остальным народом, постепенное порабощение земледельческого класса, полное развитие и господство крепостного права³⁶⁹. Тесное сочетание этих двух течений и определило характер XVIII в., с ними были связаны все черты быта. Хотя этой формулировки и нет в курсе по истории XVIII в., но полное текстуальное сходство второй его части с текстом спецкурса позволяет говорить о сохранении прозвучавшего в 1911 г. тезиса. Рассказ ученого о XVIII в. и строится на раскрытии этого положения на конкретно-историческом материале. Рассмотрение основных аспектов социально-политической и социально-экономической жизни России XVIII в. на основе законодательства Любавский приводит к заключению о дворянских тенденциях в мероприятиях правительства и в это время («расширялись права и привилегии дворянства и суживались права других классов общества, особенно крестьян»³⁷⁰). Результат этих мер развитие «социальной пропасти между землевладельцами и земледельцами»³⁷¹, которая все более и более увеличивалась и вследствие тех культурных перемен, которые произошли в быту высших классов русского общества³⁷².

Оценки Любавским крепостного права как тормоза для развития русской экономики, обрекавшего ее «на рутину и застой»³⁷³, резко отрицательное отношение к нему как системе «рабовладения», взгляд на помещиков второй половины XVIII в. как на паразитическое сословие («состоятельный материально, но бедный духовно класс дворян»³⁷⁴) все это характеризует с достаточной полнотой его взгляды по крестьянскому вопросу. Но в понимании причин проволочки с отменой этих античеловеческих порядков он опять показывает себя «государственником». Препятствием к раскрепощению крестьян явилась якобы незначительность населения на весьма значительной территории, вследствие чего «правительству поневоле приходилось приписывать крестьян, а помещикам укреплять за собой рабочие руки»³⁷⁵. Характеристика второй половины XVIII в. наполнена кричащими противоречиями между приводимыми ученым фактами, вскрывающими социальную подоплеку политики правительства и тяжелую участь народа с явной идеализацией личности Екатерины II как проводницы излюбленной «государственником» Любавским идеи «общего блага». Социальный смысл проводимых ею мероприятий затушевывается историком в угоду предвзятой идее³⁷⁶. Но попытка изобразить Екатерину II как либеральную государыню с «ясным сознанием народных интересов и патриотическими чувствами сроднившейся со своей страной»³⁷⁷ не удалась Любавскому. Под впечатлением данных известного исследователя В. И. Семевского он вынужден был признать, что Екатерина в «крестьянском вопросе начала за здра-

³⁶⁸ Там же. С. 269.

³⁶⁹ Там же.

³⁷⁰ Там же. С. 259.

³⁷¹ Там же. С. 305, 343.

³⁷² Любавский М. К. История царствования Екатерины II. Курс, читанный в имп. Московском университете весной 1911 г. С. 3.

³⁷³ Любавский М. К. Русская история XVII первой четверти XVIII вв. ... С. 49, 85–86.

³⁷⁴ Любавский М. К. Русская история XVII первой четверти XVIII вв. ... С. 98.

³⁷⁵ Там же.

³⁷⁶ Там же. С. 222–226.

³⁷⁷ Там же. С. 239–240.

вие, а кончила за упокой»³⁷⁸. К аналогичному выводу пришел он и при попытке представить царицу как покровительницу народного просвещения³⁷⁹. Причины противоречий в курсе следствие полной несовместимости исходных ложных посылок и реальных исторических фактов. Думается, что многое проясняет и знание биографии историка. Тесная связь сына сельского дьячка с крестьянским миром делает понятным его симпатии к крестьянству и антипатию к дворянину, «барину». Однако положение ректора обязывало быть осторожным при оценке «августейших особ».

Время создания и чтения курсов эпоха, хранившая памятные отголоски революционной бури 1905–1907 гг., не могла не обратить внимание историка на такую проблему, как народные движения в феодальной России XVII–XVIII вв. (восстания и крестьянские войны). Давая им характеристику, Любавский отмечает объективную основу, причины этих социальных взрывов.

Ограничение свобод и прав «крестьянской массы» и стремление уничтожить донское казачество «ненавистным правительством» Годунова привело к грозным событиям начала XVII в. Движение Болотникова в этих событиях явилось, по мнению историка, «войной низших классов общества против высших»³⁸⁰. Смута вполне определенно «приняла характер гражданской войны, междоусобия различных общественных классов»³⁸¹. При этом историк верно указывает на причину непрочности «войска Болотникова»: в нем произошло соединение на время «социальных врагов, которые расходились в самых существенных интересах». Повсюду в это время шла «война имущих против состоятельных»³⁸².

Движением, направленным против «правлящих классов», был мятеж 1648 г. в Москве³⁸³. Ясно выраженный «противогосударственный характер» носило движение («бунт») Стеньки Разина «естественное последствие страшного давления государства на народную массу»³⁸⁴.

Таким образом, «непомерное обременение народной массы» вследствие огромных затрат государства на войны, внешнюю политику, преобразования признаются основной причиной ее тяжелого положения и недовольства в XVIII в. Оно же в совокупности с утверждением крепостного права явилось причиной «крестьянских мятежей» XVIII в., в том числе и носившего антигосударственный характер «движения» Е. Пугачева, которое «грозило всему установившемуся общественному порядку»³⁸⁵. В лексиконе историка появилось даже слово «революция»³⁸⁶, правда, понимаемое им всегда лишь как быстрый, насильственный переворот. Но значит ли это, что Любавский расценивал народные движения как явления положительные и прогрессивные? Отнюдь нет. Об этом свидетельствует как терминология, применяемая для характеристики восстаний и восставших («бунт», «мятеж», «чернь», «воры»), так и отрицательное отношение к этим вспышкам народного гнева как явлениям прежде всего антигосударственным. Страх перед революцией, боязнь развала государства этой «надклассовой» организации, признанной по своей природе реализовать идею «общего блага», осуществлять социальное равновесие в обществе, как видим, явственно отразились и в исторических представлениях ученого.

³⁷⁸ Там же. С. 66.

³⁷⁹ Там же. С. 83, 89, 135, 138.

³⁸⁰ Там же С. 193.

³⁸¹ Там же. С. 213.

³⁸² Любавский М. К. Русская история XVII первой четверти XVIII вв. ... С. 284.

³⁸³ Там же. С. 90, 185.

³⁸⁴ Там же. С. 21.

³⁸⁵ Там же. С. 28.

³⁸⁶ Там же. С. 38.

Лекционные курсы М. К. Любавского по истории феодальной России, созданные в тот период жизни, когда в области политики и идеологии ясно обозначался поворот от революции к реакции, являются наглядным свидетельством методологического кризиса, в котором оказалась русская либеральная историография накануне Октябрьской революции. В курсах Любавского он проявился прежде всего в подчеркнутом эмпиризме, предопределившем эклектизм ряда его концептуальных решений. Слабое внимание к изучению экономики, недооценка роли народа как субъекта истории, выдвигание на первый план государства все эти характерные черты «государственной» школы предопределяли неспособность историка найти исторические предпосылки тех событий, которые составляли содержание современной ему эпохи.

В курсах отразились и общественно-политические взгляды ученого, представителя того либерально-монархического, оппозиционного центра, который после Революции 1905–1907 гг. пошел на сближение с официально-охранительным направлением в русской историографии. Искаженное позитивизмом восприятие русской истории оказало ему плохую услугу в оценке русской действительности 1905–1907 гг. Совершившаяся в октябре 1917 г. социалистическая революция ознаменовала окончательный крах прогностических попыток позитивистской историографии. А между тем позитивистские оценки истории, как был убежден Любавский, должны были быть главными основаниями «практической политики»³⁸⁷.

Однако в курсе лекций М. К. Любавского по «Древней русской истории» видно и другое в условиях кризиса буржуазной исторической науки ее развитие не прекращалось, а в рамках разработанных ею концепций исторического развития отдельные его стороны могли находить более или менее верное освещение. Это особенно ощутимо в тех местах курса, где историк акцентирует свое внимание на «материальных» факторах истории географическом и экономическом. Продуктивную постановку и решение ряда крупных вопросов истории феодальной России во многом определяло широкое использование ученым данных большого комплекса источников, результатов специальных историко-географических исследований, сравнительно-исторического метода. Любавский сумел сказать новое слово, продвинуть вперед исследование ряда проблем отечественной истории. К числу его творческих достижений можно отнести, например, понимание им истоков древнерусской истории отнюдь не как начала Древнерусского государства; наличие историографических экскурсов по рассматриваемым вопросам, наблюдения и выводы о многоукладности восточнославянского быта в начале IX в. В исследование Киевской Руси историк внес ряд интересных наблюдений: 1) о несовместности разрушения родовых союзов у восточных славян в эпоху активных миграций (VII–IX вв.); 2) о федеративном устройстве Киевской Руси IX–XI вв.; 3) о роли географического фактора в эпоху феодальной раздробленности; 4) о преобладании земледелия над торговлей со второй половины XII в. Не приняв версию Ключевского, он пришел к выводу об отсутствии глубокой пропасти между Киевской и «удельной» Русью, иначе, более верно, чем Соловьев и Ключевский, решая вопрос о влиянии татаро-монгольского нашествия на Русь. В вопросе о наличии феодализма на Руси М. К. Любавский, вопреки господствующим в историографии взглядам, поддержал выводы Н. П. Павлова-Сильванского. В трактовке проблемы централизации Русского государства обосновывал «демографическую» концепцию «возвышения» Москвы. Все вышесказанное не позволяет оценить курс по «Древней русской истории» как компиляцию, хотя эклектизм его методологических установок и зависимость от «схемы» русской истории В. О. Ключевского очевидны.

³⁸⁷ Любавский М. К. Русская история XVII первой четверти XVIII вв. ... С. 90.

Компилятивность в гораздо большей степени характерна для лекционных курсов по истории России XII–XVIII вв. В историографическом плане они представляют интерес в основном как источники, отражающие общественнополитические и исторические взгляды М. К. Любавского в эпоху русских революций начала XX в.

Исследование проблем исторической географии и демографии России в трудах 1920-х гг

Изучение послеоктябрьского периода творчества М. К. Любавского дает все основания утверждать, что в центре его научных интересов в 1920-е гг. по-прежнему остались проблемы исторической географии России. В это время ученым были созданы новые историко-географические труды, но большая их часть до сих пор не опубликована. В процессе работы над монументальными историко-географическими трудами историк опирался на материалы своих ранних произведений (курс 1909 г.) и доклады 1920-х гг. по истории колонизации отдельных районов страны: Северо-Восточной Руси в XIII–XIV вв., Великорусского центра XIV–XV вв.³⁸⁸, Украины, Великого княжества Владимирского³⁸⁹, Великого Княжества Литовского³⁹⁰ и др. Последние он включал в текст монографий порой даже без существенных изменений. Все историко-географические «этюды» ученого с 1917 г. и до начала 1930-х гг. содержат историю колонизации России. Новые наблюдения и выводы Любавский включал в лекции по исторической географии, которые читал слушателям архивных курсов при Центральном архиве³⁹¹ и студентам МГУ³⁹² вплоть до 1930 г.

При изучении истории территориального образования России, по мнению ученого, «на переднем плане должен стоять народ-строитель, колонизатор, а не народ-завоеватель, не громкие победы и трактаты, а заимка земель и заселение их, возникновение сел и городов»³⁹³. Это продолжало интересовать историка в 1920-е гг. в еще большей степени, чем до Октябрьской революции.

Данный аспект творчества Любавского заслуживает особого внимания. С 1918 г. работа над очерком по истории колонизации и создание историко-географического атласа феодальной России стали для ученого «жизненной задачей»³⁹⁴. В 1918 г. в письме к Матвею Кузьмичу известный книгоиздатель М. В. Сабашников предложил ему подготовить к печати книгу по истории колонизации русского народа³⁹⁵. К 1922 г. был создан первый вариант книги под названием «Историческая география России в связи с историей расселения русского племени». Во всяком случае, в списке книг, подготовленных издательством Сабашникова к изданию, она значится³⁹⁶. Но по неизвестным причинам в свет она так и не вышла. В архиве редакции издательства Сабашникова сохранилось 8 первых глав сверстанного текста этого исследования³⁹⁷. Дошла до нас и часть подготовительных материалов (выписки, оглавления, проспекты), которые позволяют судить о планах намечавшейся работы и о характере их изменений.

Неудача с публикацией задуманной книги и новые задачи, вставшие перед Любавским в связи с началом работы в Институте истории РАНИОН, привели к определенной корректировке первоначальных планов создания обобщающего очерка истории русской колонизации.

³⁸⁸ Отчет о состоянии и действиях 1-го Московского государственного университета за 1925–1926 гг. М., 1927. С. 343; ОР ГБЛ. Ф. 203. П. 48. Л. 226–229, 281–282.

³⁸⁹ Труды Института истории РАНИОН. М., 1926, 1929, 1928. Т. 1, 3, 7.

³⁹⁰ Сб. декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу. М., 1921. Вып. 2. С. 6.

³⁹¹ ОР РГБ. Ф. 364. К. 11, 9. Л. 1–6.

³⁹² Архив МГУ. Ф. 16. Оп. 111. Д. 121. Л. 2; Ф. 18. Оп. 1. Д. 97. Л. 1 об.

³⁹³ Любавский М. К. Наступление на степь. М., 1918. С. 3–4.

³⁹⁴ РО РНБ. Ф. 585. Оп. 2. Д. 96 (письмо С. Ф. Платонову от 23 июля 1918 г.).

³⁹⁵ ОР РГБ. Ф. 261. К. 1. Д. 22. Л. 2 об.

³⁹⁶ Там же. Д. 16. Л. 1–96.

³⁹⁷ ОР РГБ. Ф. 364. К. 2. Л. 1, 2а–6а, 7а, 8–10.

С конца 1923 г. по заданию Института истории он приступил к подготовке историко-географического труда по истории формирования территории и заселения Великолукского центра (бассейны Верхней Волги, Оки и верховьев Днепра, озер Ильмень, Чудское, Ладожское, Онежское и др., до Белого моря включительно)³⁹⁸. По замыслу автора, работа должна была состоять из двух частей. В первой предполагалось рассмотреть вопросы образования территории Русского государства к 30-м годам XVI в. В центре внимания второй стояли вопросы формирования территории Новгородской и Псковской земель³⁹⁹.

В 1924–1926 гг. по исследуемым сюжетам Любавский сделал в институте несколько докладов: 24 марта 1924 г. «Расселение русского народа к моменту окончательного образования Московского и Литовско-Русского государств»⁴⁰⁰; 23 февраля 1925 г. «К вопросу о заселении Верхне-Волжского и Окского района»⁴⁰¹; 8 марта 1926 г. «Примысли великих князей Василия I и Василия Темного»⁴⁰². К 1927 г. ученый подготовил первую часть работы⁴⁰³, а к 1928 г. – вторую⁴⁰⁴. Опубликовать удалось только первую часть.

По сути, эта работа была попыткой построить, опираясь на историко-географический материал, общеисторическое исследование, посвященное проблеме образования Русского государства в контексте его связи с колониационным процессом, т. е. процессом расселения великорусского этноса. Автор видел свою задачу в выяснении двух позиций: 1) создания территории великорусской народности «как территории этнографической, т. е. заселения ее славянскими племенами, из которых в смешении с местными «иногородцами» образовалась великорусская народность»; 2) государственного объединения этой «этнографической территории».

До выхода в свет работы историка оба эти процесса не получили специального освещения в исследованиях по русской истории. Предшествующая научная литература была богата, с одной стороны, всевозможными общими соображениями (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Д. И. Иловайский и др.), не основанными на подробном анализе источников, с другой – частными наблюдениями, не связанными друг с другом (К. А. Неволин, И. Д. Беляев и др.). Попытки же свести воедино данные источников, относящиеся к истории заселения «коренной Великолуксии до XVI в.», не предпринимались.

В дореволюционной русской историографии объединение великорусской территории вокруг Москвы большинство историков изображали в русле идей В. О. Ключевского, как дело разбогатевших и усилившихся московских князей, стремившихся к властвованию над соседями и получению больших доходов. В своем «собирании» они находили поддержку со стороны бояр и духовенства, заинтересованных в успехе этого процесса и материально, и морально, по побуждениям национального чувства и сознания. Но при этом не был до конца выяснен вопрос: откуда взялась сила Москвы? Недостаточно учитывались народнохозяйственные и военно-политические факторы совершавшегося объединения, а само оно не было представлено в виде органичного процесса.

До появления работы Любавского последнюю попытку пересмотреть вопрос о формировании Русского централизованного государства предпринял в докторской диссертации А. Е. Пресняков⁴⁰⁵. Свое внимание он сосредоточил на внутренней эволюции великокняже-

³⁹⁸ Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929. Ч. 1; Труды Института истории. М., 1926. С. 537.

³⁹⁹ Ученые записки Института истории РАНИОН. М., 1927. Т. 3. С. 391.

⁴⁰⁰ Там же. М., 1929. Т. 4. С. 221.

⁴⁰¹ Архив МГУ Ф. 18. Оп. 1. Д. 96. Л. 47.

⁴⁰² Ученые записки Института истории РАНИОН. М., 1928. Т. 7. С. 162.

⁴⁰³ Любавский М. К. Образование... С. 2.

⁴⁰⁴ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. 4. С. 314.

⁴⁰⁵ Пресняков А. Е. Образование Великолукского государства. Пг., 1918. С. 458.

ской власти и междукняжеских отношениях. Пресняков подверг резкой критике взгляды В. О. Ключевского и В. И. Сергеевича по вопросу о характере междукняжеских отношений, однако сам представил схему развития надклассовой княжеской власти, оторванную от процесса общественной эволюции⁴⁰⁶. При этом он не уделил должного внимания тому экономическому фундаменту, на котором возникло Русское централизованное государство. Его подход, по словам Любавского, заключался в своеобразной, но неверной формуле: «Объединение Великороссии под государством московских великих князей совершено путем собирания не земли, а власти в развитие и осуществление стародавней традиции о патриархальном целом княжении в отца место»⁴⁰⁷.

М. К. Любавский, критикуя взгляды Преснякова, подходил к проблеме образования Русского централизованного государства с учетом экономического фактора (характеристика территории, населения)⁴⁰⁸. Историк считал, что Пресняков, выдвигая свою схему, упустил из виду два важных обстоятельства. Во-первых, Великое княжество Владимирское с ослаблением ханской власти над Русью к концу XIV в., т. е. к моменту «слияния своего с московскою вотчиною, уже утратило свое прежнее властно-объединяющее значение, что наряду с ним образовался в бывшей Ростово-Суздальской земле целый ряд новых великих княжений Московское, Тверское, Нижегородско-Суздальское, Ярославское с теми же функциями в отношении удельных княжеств, которые прежде принадлежали ему одному, и что, следовательно, из его стародавней традиции нельзя выводить объединение Великороссии в XV нач. XVI в.»⁴⁰⁹. Во-вторых, преувеличив силу и значение указанной традиции, Пресняков, по мнению Любавского, недооценивал значение Великого княжества Владимирского «как комплекса крупных и ценных территорий, источника больших военных и финансовых средств». Именно благодаря последнему обстоятельству, а не стародавней традиции власти слияние Великого княжества Владимирского с московской вотчиною действительно стало решающим фактором в деле государственного объединения Великороссии вокруг Москвы⁴¹⁰. Понимание ведущей роли экономического фактора в этом процессе позволило Любавскому найти более верный подход к изучению этой проблемы, чем у его предшественников, что явилось новым аспектом ее исследовательского решения.

Работа Любавского была результатом детального анализа огромного фактического материала русских летописных сводов и богатейшего комплекса актов XIV–XVI вв., как опубликованных (СГТид, АИ, ДАИ, ААЭ, АЮ, АЮБ; сборники: Муханова, князя Оболенского, И. Д. Беляева; акты Ярославского Спасского монастыря; писцовые книги XVI в.), так и неопубликованных (грамоты Коллегии экономии). Также анализировались источники из документальных приложений к работам Ю. В. Готье, М. М. Богословского, Н. П. Барсова, В. В. Зверинского, В. Н. Дебольского, К. А. Неволлина; С. Б. Веселовский предоставил Матвею Кузьмичу свои копии грамот XIV–XVI вв. Отличный знаток и истолкователь источников, М. К. Любавский, используя такую особенность географической номенклатуры, как ее относительная устойчивость, в широких масштабах применил ретроспективный метод исследования. По актам XV–XVI вв. он реконструировал территориальные и демографические изменения более ранних периодов (XII–XIV вв.)⁴¹¹.

Первая часть работы посвящена изучению расширения первоначально сложившейся государственной территории Московского княжества в результате колонизационных про-

⁴⁰⁶ Там же.

⁴⁰⁷ Там же. С. 2.

⁴⁰⁸ Там же.

⁴⁰⁹ Любавский М. К. Образование... С. 5, 13, 16.

⁴¹⁰ Там же. С. 5.

⁴¹¹ Там же. С. 8.

цессов в Северо-Восточной Руси и заселения основных ее областей. Любавский проследил ход заселения междуречья Оки и Волги, Заволжья, Суздальской земли, земель Московского, Тверского, Переяславского и других княжеств, территории которых являлись основными районами формирования великорусской народности. Ученый детально изучил вопросы политической географии Руси XIII–XIV вв. (постоянно изменявшаяся система удельных княжеств XII–XIV вв. с их территориями и границами, процесс роста территории Московского княжества в XIV в.) и процесс объединения русских земель под властью московских князей в XV–XVI вв.

В исследовании встречаются очень интересные соображения о характере и особенностях политической централизации на Руси. Так, в 1-й главе «Заселение славянами Верхне-Волжского и Окского бассейнов» Любавский на основании изученной географической номенклатуры высказал мнение, что наибольшее участие в образовании великорусской народности принадлежит словенам, что быстрый рост княжеств Северо-Восточной Руси в XIII–XIV вв. был связан не только с численным увеличением княжеского рода, но и умножением самих объектов дележа в процессе расширения колонизации⁴¹² и, наконец, что заселение этих территорий (в XI–XIII вв.) происходило путем внедрения в зону финноугорского мира «поселков-городков» славян в ходе их стихийного движения на северо-восток⁴¹³. Любавский утверждал, что русские поселения XIV–XV вв. обязаны своим происхождением «организующей и устрояющей деятельности князей, бояр, духовенства»⁴¹⁴. Причина активности княжеской «землеустроительной» деятельности разорение крестьянства в результате татарского «пополоха», которому поневоле пришлось подсаживаться к тем, у кого были средства для «организации хозяйства». Поэтому «народные колонизационные потоки растекались по тем руслуам, которые уже открывали эти земельные владельцы»⁴¹⁵. В этой трактовке ученого ясно прослеживается юридическая фигура удельного порядка, предложенная в свое время В. О. Ключевским, согласно которой все население княжеств северо-востока было «временным съемщиком земли, находившейся в собственности князей»⁴¹⁶. В этой формуле ощущается сильное влияние идей Чичерина и Соловьева.

М. К. Любавский сделал ряд интересных выводов и наблюдений, не утративших своей научной ценности и в наши дни. К их числу можно отнести попытку ученого объяснить причины «собираательной» политики Москвы исходя из ее экономико-географического положения (во второй главе две работы «Возвышение Московского княжества и первые примыслы московских князей»). Отправным моментом здесь служил тезис курса 1909 г. о демографических преимуществах Московского княжества как самого заселенного по сравнению с другими (вследствие наибольшей безопасности этого края в составе Ростово-Суздальской земли)⁴¹⁷. Но при этом, по мнению ученого, княжество располагало сравнительно скудными природными ресурсами и не имело значения крупного центра транзитной торговли, так как исходные и конечные пункты водных торговых путей находились не у Москвы⁴¹⁸. Отсюда «агрессивность» московских князей, их стремление к выходу за узкие рамки своей государственной территории, к расширению арены властвования, политического воздействия и «экономической эксплуатации». Делая это интересное и идущее вразрез с традиционными трактовками Забелина и Ключевского наблюдение, историк пришел, однако, к выводу в духе

⁴¹² Любавский М. К. Образование... С. 12.

⁴¹³ Там же. С. 13, 16, 17, 30.

⁴¹⁴ Там же. С. 13.

⁴¹⁵ Ключевский В. О. Соч. Т. 1. С. 338, 374.

⁴¹⁶ Нечкина М. В. В. О. Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С. 482, 483.

⁴¹⁷ Любавский М. К. Образование... С. 38.

⁴¹⁸ Любавский М. К. Образование... С. 39, 49, 53.

«государственной» школы с ее представлениями о государстве как силе, действующей в интересах всего общества.

М. К. Любавский справедливо утверждал, что с обладанием Великим княжеством Владимирским был связан не только политический, но и «крупный экономический интерес»; борьба Москвы и Твери тоже была сопряжена с «крупными экономическими и финансовыми интересами»⁴¹⁹. Рассуждая о проблеме изменения междукняжеских отношений в Северо-Восточной Руси во второй половине XIV в., ученый объяснял ее новым взглядом ханов Золотой Орды на роль Москвы в этой системе отношений⁴²⁰. Начало открытых конфликтов Москвы и Золотой Орды ученый трактовал как процесс, начавшийся «стихийно, помимо инициативы московских князей». Последние вынуждены были защищаться, чтобы не платить второй и третий «выход», размер которого часто менялся в период распада Золотой Орды⁴²¹. Далее идут интересные наблюдения о чрезвычайной стратегической важности для Москвы подчинения ей территорий по Оке⁴²², об отрицательном значении для дела централизации Руси феодальной войны 1430-1450-х гг., которая «на четверть века приостановила процесс объединения великорусских земель»⁴²³.

Конкретные наблюдения и выводы ученого по отдельным аспектам проблемы образования Русского централизованного государства представляли и представляют поныне значительный интерес для российской историографии⁴²⁴. Ценное исследование М. К. Любавского по исторической географии Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв., по мнению А. А. Юшко, отличается широким историзмом⁴²⁵. Разработка данной тематики с позиций изучения «материального фундамента» централизации имела особую значимость для отечественной историографии довоенного периода, поскольку до конца 30-х годов проблема образования централизованного государства в марксистской историографии по существу отсутствовала⁴²⁶. Это исследование историка давало не только ценный конкретно-исторический материал, но и положило начало новому историко-географическому ракурсу ее изучения.

Вторая (неопубликованная) часть работы «Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение с центром территории Новгорода и Пскова. Историко-географический этюд»⁴²⁷ была попыткой исследования формирования территории Новгородской и Псковской республик в связи с их заселением. До появления труда Любавского имелась лишь работа А. И. Никитского по экономической истории Новгородской земли, в которой уделялось некоторое внимание и историко-географическим аспектам темы⁴²⁸.

Главными источниками для исследования послужили летописи и писцовые книги Новгородской и Псковской земель. Особенно высоко оценивал Любавский писцовые книги, так как они давали возможность узнать, как происходило заселение Новгородской и Псковской земель славянскими колонистами, к чему в конце концов оно привело и какая судьба постигла прежних «насельников»⁴²⁹. В процессе работы Матвей Кузьмич широко исполь-

⁴¹⁹ Там же. С. 80.

⁴²⁰ Там же. С. 83.

⁴²¹ Там же. С. 88.

⁴²² Там же. С. 104.

⁴²³ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства. Очерки по социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 107.

⁴²⁴ Там же. С. 106.

⁴²⁵ Юшко А. А. Историческая география Московской земли. XII–XIV вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. С. 8.

⁴²⁶ ОРРГБ. Ф. 364. К. 1. Д. 4. Л. 1-153.

⁴²⁷ ОР РГБ. Ф. 364. К. 4. Д. 4. Л. 2 об.

⁴²⁸ Никитский А. М. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1883. С. 2, 3, 13.

⁴²⁹ ОР РГБ. Ф. 364. К. 4. Д. 4. Л. 2.

зовал актовый материал почти из всех крупных серийных дореволюционных публикаций. Литературу же привлекал в меньших масштабах. Так, кроме монографии Никитского, чаще всего в подстрочнике работы встречаются ссылки на исследования по истории церкви в России: Амвросия, Досифея, В. В. Зверинского; специальные историко-географические исследования П. И. Кеппена, К. А. Неволина, Е. К. Огородникова, А. А. Спицина, А. С. Уварова, Н. П. Тихомирова, а также работы общеисторического характера А. В. Экземплярского, А. Д. Никитского, А. М. Гневушева, А. А. Шахматова, М. М. Богословского, А. А. Савича⁴³⁰. Сравнение актовых источников с повествовательными и с литературными данными позволяло историку в широких масштабах применять один из своих излюбленных приемов историческую ретроспективу. В этих целях Любавский обращался даже к такому несколько неожиданному здесь источнику, как перепись 1920 г. (по Карельской АССР). Данные письменных источников часто дополнялись и проверялись показаниями географической номенклатуры и ономастики.

Матвей Кузьмич считал вторую часть своей работы естественным и необходимым продолжением первого очерка, поскольку в освоении территории Новгородской и Псковской земель принимали участие главным образом те же восточнославянские племена кривичей и словен, которые составили основу великорусской народности⁴³¹. Любавский ставил перед собой и другую задачу: пересмотреть все данные источников об отношениях Новгорода и Пскова к Москве с целью выяснения тех причин, которые привели к «поглощению» этих республик могучим восточным соседом⁴³². Этот вопрос поднимался в работах предшественников, но трактовался в слишком общей форме, без достаточного учета всех слагаемых данного процесса.

Исследование включает 5 глав (текст 1-3-й глав машинописный с авторской правкой, 4-5-я главы авторизованная рукопись). Истории колонизации Новгородской земли до XIII в. посвящена 1-я глава «Борьба новгородских славян с финскими племенами и занятие их земель»⁴³³. Историк показывает, что исходное ядро Новгородской земли создали словене; местными старожилами здесь была чудь. В процессе освоения земель имела место борьба словен с коренными финскими и пришлыми германскими племенами⁴³⁴. Причем в этом процессе, судя по данным топонимики и археологии, известную роль сыграли скандинавы. По мнению Любавского, легенда о призвании князей, как ни относиться к ее деталям, отразила в себе историческую действительность утверждение в Новгороде варяжских князей. «Весьма вероятно, писал ученый, что этот факт был результатом древнего общения словен со скандинавами, давнего их международного сотрудничества, в том числе и продвижения их на северо-восток и восток». Скандинавы сыграли важную роль в «политическом конструировании восточнославянских племен»⁴³⁵.

Что же заставляло словенские племена вести борьбу с местным населением и пробираться в лесные и болотистые дебри Севера? Историк не без основания главным двигателем славянской колонизации считал особенности «экономического быта» новгородских словен (соединение экстенсивного земледелия и скотоводства с охотой, рыбной ловлей и бортниче-

⁴³⁰ *Амвросий (Орнатский)*. История российской иерархии. М., 1807–1815. С. 1–6; *Зверинский В. В.* Монастыри, закрытые до царствования Екатерины II. СПб., 1897; *Кеппен П. И.* Об этнографической карте Европейской России Петра Кеппена. 2-е изд. СПб., 1859; *Неволин К. А.* О пятинах Новгородской земли // *Неволин К. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1859. Т. 6.; *Спицин А. А.* Историко-археологические разыскания. Б. м., б. г.; *Уваров А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1815; *Тихомиров Н. П.* Галицкая митрополия. СПб., 1896.

⁴³¹ ОР РГБ. Ф. 364. К. 4. Д. 4. Л. За.

⁴³² Там же. Л. 1-31.

⁴³³ Там же. Л. 1–5, 8, 29.

⁴³⁴ Там же. Л. 5–6.

⁴³⁵ Там же. Л. 30–31.

ством). Эти особенности и заставляли и новгородцев расширять арену своей сельскохозяйственной и промысловой деятельности: «Увеличение населения, с одной стороны, известное оскудение почвы и естественных богатств, с другой стороны, должны были вызвать тягу на новые земли, на новые угодья, главным образом на север и северо-восток» (к богатейшим пушным промыслам этих районов).

Вторая, центральная и самая большая, глава работы «Ход новгородской колонизации и ее результаты к концу XV века» решала задачу реконструкции истории ранней колонизации, опираясь на более поздние факты (конца XV–XVI в.) и географическую номенклатуру. Были поставлены и в значительной мере решены три основных вопроса истории колонизации Новгородской земли XIII–XV вв.: 1) о форме и типе поселений; 2) об участии различных социальных слоев и групп населения в ее освоении; 3) о роли «Заволочья в Новгородской земле».

Детально исследуя процесс складывания административно-территориальной системы Новгорода, историк объясняет причины «скопления» сел и «пустот» в различных областях этой земли⁴³⁶. Особого внимания заслуживает обращение Любавского к социальному контексту колонизации Новгородской земли. Под влиянием работ А. И. Никитского и А. М. Гневушева автор приходит к выводу, что огромную роль в процессе освоения ее территории играла деятельность «лепших», «вятших» людей. Эти подлинные хозяева Новгородской земли не «только закабалили в рабство измученных голодом людей, но, несомненно, скупали земли и угодья разорившихся землевладельцев и промышленников, захватывали покинутые земли и угодья и вновь заселяли их земледельцами и промышленниками, но уже на правах арендаторов, давая ссуду (серебро) на хозяйственное обзаведение»⁴³⁷. К моменту падения Новгорода большая часть его земель была уже в их руках⁴³⁸ и эксплуатировалась даже «без предварительного формального пожалования господина Государя Великого Новгорода»⁴³⁹.

Определяя (по типу поселения) социальный облик колонистов (частные лица «капиталисты», крестьяне, государство, церковь, князь) и устанавливая зависимость типа поселения от географического фактора (например, села чаще всего встречались в местностях с наиболее плодородными почвами), историк связывал с этими моментами и распространение «боярщины» именно в определенных районах внутри Новгородской земли (в Заволочье)⁴⁴⁰. Бежецкий край стал центром боярского землевладения, поскольку всегда высокие цены на хлеб в Новгороде обуславливали такую экономическую конъюнктуру, что даже при неблагоприятных условиях «земледелие при всем риске в общем было выгодным промыслом, и в этот промысел все новгородские состоятельные люди охотно вкладывали свой капитал»⁴⁴¹.

Уже в XIV–XV вв. земли Заволочья благодаря развитому земледелию и богатым промыслам (солеварение, салотопенный промысел) стали, по мнению историка, тем «базисом государственного благосостояния, каким они выступают позднее, в XVI и XVII вв.»⁴⁴². Роль этих районов в экономической жизни Новгорода была настолько велика, что вопрос о нем в споре Новгорода и Москвы стал «жизненным вопросом, решившим судьбу новгородской государственности»⁴⁴³. Наблюдения Любавского о роли Заволочья в московско-новгородских отношениях XIV–XV вв. стали новым ценным вкладом в историческую литературу

⁴³⁶ ОР РГБ. Ф. 364. К. 4. Д. 4. Л. 30–31.

⁴³⁷ Там же. Л. 41.

⁴³⁸ Там же.

⁴³⁹ Там же. Л. 43–44.

⁴⁴⁰ Там же. Л. 60–63.

⁴⁴¹ Там же. Л. 86.

⁴⁴² Там же. Л. 94, 99, 108.

⁴⁴³ Там же. Л. 108–109.

того времени. В предшествующей историографии факты этой борьбы рассматривались как второстепенные эпизоды новгородской истории, вскользь и поверхностно. Не были установлены ни основные периоды этой борьбы, ни ее территориальные результаты.

В свете этой борьбы за экономические интересы ученый рассматривал всю историю взаимоотношений Новгорода и Москвы в XIII–XV вв., политику Московского княжества («мирную» и «военную») по отношению к своему западному соседу, взаимоотношения Новгорода с Великим Княжеством Литовским в XV в. (3-я глава «Соединение новгородской государственной территории с московскою»)⁴⁴⁴. М. К. Любавский указывал две причины внутренней слабости Новгородской республики это различная экономическая ориентация в стане новгородского боярства и купечества («московская» и «литовская» партии) и вражда в республике между «меньшими» людьми и боярами⁴⁴⁵.

Рассматривая в 4-й и 5-й главах историю складывания и колонизации Псковской земли, ее взаимоотношения с Московским княжеством, историк пришел к выводу о преобладании там славянского населения в гораздо более ранние времена, чем на территории Новгорода⁴⁴⁶, а также о сравнительно безболезненном характере присоединения Пскова к Московскому государству. Причины этих явлений Любавский видел в особенностях географического положения (пограничная территория) и внешнеполитической обстановки, в которых городу приходилось бороться за свою независимость: вражда с западными соседями (немцами и Литвой) и ненадежный союз с Новгородом ориентировали Псков на Москву⁴⁴⁷. Поэтому, по его мнению, «Псковское взятие было естественным завершением отношений между Псковом и Москвой... Царь, взяв на себя дело защиты Пскова, естественно, хотел получать от него настоящие финансовые и военные средства»⁴⁴⁸.

Следует отметить, что во второй части работы шаг, сделанный навстречу экономическому материализму, был более последовательным, чем в первой. Наряду с явным подчеркиванием ведущей роли экономических факторов в изучаемых процессах, особенно характерным для «новгородских» глав, отмечается и социальная основа событий политической истории Новгорода (социальные конфликты между «лепшими» и «меньшими» людьми).

Историко-географический аспект рассмотрения вопроса, богатство и точность конкретно-исторических наблюдений делают эту работу значительным явлением отечественной историографии. Большой интерес для современных исследователей представляют многочисленные списки городов, монастырей-колонизаторов, данные о границах земель, «словесные» карты территорий, мастерски установленные на основе тщательной обработки огромного источникового комплекса. Аналогичные работы по данному вопросу советских историков-марксистов появились с 1950-х гг.⁴⁴⁹

Последним, заключительным трудом историко-географического цикла Любавского явился «Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века»⁴⁵⁰. Этот итоговый труд, без сомнения, может быть назван делом всей жизни исследователя, а его

⁴⁴⁴ ОР РГБ. Ф. 364. К. 4. Д. 4. Л. 111–125.

⁴⁴⁵ Там же. Л. 112, 122 об.

⁴⁴⁶ Там же. Л. 127 об.

⁴⁴⁷ Там же.

⁴⁴⁸ Там же. Д. 1. Л. 148.

⁴⁴⁹ *Бернадский В. Н.* Новгород и новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961; *Масленникова Н. Н.* Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. Л., 1955; *Кафенгауз Б. Б.* Древний Псков. Очерки по истории феодальной республики. М., 1960; *Куза А. В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 144–201; *Поддегина Н. Л.* Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII–XIII вв. М., 1978; *Орлов С. Н.* Топография Новгорода Великого: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1967; *Шаскольский И. П.* Этническая структура Новгородского государства // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 32–39; *Дегтярев А. Я.* Русская деревня в XV–XVII вв. Л., 1980.

⁴⁵⁰ ОР РГБ. Ф. 364. К. 3. Д. 3. К. 4, ед. хр. 2.

предыдущие работы по данной тематике могут расцениваться как последовательные этапы осуществления грандиозного замысла. Завершенная к концу 1928 г.⁴⁵¹, эта фундаментальная монография историка (750 листов машинописного текста) содержит важнейшие и интереснейшие наблюдения по истории заселения и освоения русским, украинским и белорусским народами огромных пространств нашей Родины.

Здесь следует еще раз специально подчеркнуть, что термин «колонизация» в старой русской историографии не нес того отрицательного идеологизированного отпечатка, который появился в рамках позднейшего марксистского общественнознания. Следуя современной традиции, было бы точнее использовать для обозначения изучавшихся М. К. Любавским явлений термин «расселение». «Обзор...» посвящен именно истории расселения тесно взаимодействовавших в историческом процессе русского, украинского и белорусского этносов на пространствах Евразии, изучению как самого процесса, так и факторов, влиявших на него.

Историк был убежден в том, что колонизация русского народа, которая продолжалась вплоть до конца XIX в., оказывала «самое решительное влияние на народно-хозяйственную жизнь, политическое устройство и культурное развитие страны»⁴⁵². Правда, одного существенного изменения в позициях ученого нельзя не заметить. Если курс 1909 г. освещал колонизацию только великорусской народности, то «Обзор...» включал проблемы колонизации украинской и белорусской народностей. Это было шагом вперед на пути отхода от великодержавных позиций учителей Любавского Соловьева и Ключевского. Любавский и Пресняков касались их вскользь в работах еще дореволюционного периода своего творчества⁴⁵³. Этот новый аспект потребовал существенного дополнения фактическим и концептуальным материалом. Первый вариант книги, подготовленный к печати в 1922 г., явился своего рода «подходом» к теме. В первой половине 1920-х гг. Матвей Кузьмич занимался тщательным исследованием отдельных вопросов, в частности «этнодов» об образовании основной государственной территории великорусской народности. Второй (окончательный) вариант книги, задуманной еще в 1918 г., включал содержание курсов 1909 и 1922 гг., «этнодов», посвященных образованию основной государственной территории великорусской народности, и докладов 1920-х гг. Палеографические наблюдения над основным и подготовительными текстами показали, что «Обзор...» примерно на 60 % состоит из материалов курса 1922 г. и других работ 1920-х гг.

Какие же соображения заставили автора «Обзора...» предпринять новую попытку общего, но более детального, по сравнению с курсом 1909 г., изложения истории русской колонизации? Прежде всего отсутствие в русской исторической литературе научного труда, в котором бы сводились воедино все частные исследования по рассматриваемой проблеме. Первый опыт в этом направлении, предпринятый в конце XIX в. П. Н. Милюковым, давал лишь схему хода русской колонизации, но не живую ее картину. В частности, не разъяснялся такой важный, по мнению Любавского, вопрос: «Какие причины заставляли русский народ, обладавший просторной сравнительно со своей численностью территорией, занимать все новые и новые места, расширяя эту территорию, раскидываясь на ней редкими и большей частью малолюдными поселками?»⁴⁵⁴ Для того чтобы дать ответ, требовались конкретно-исторические детали, «известные подробности» (по выражению Любавского) о природных свойствах и ресурсах «как заселенных, так и заселявшихся русским народом земель,

⁴⁵¹ ОПИ ГИМ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 34. Д. 34. Л. 31 об.

⁴⁵² ОР РГБ. Ф. 364. К. 3. Д. 2. Л. 7.

⁴⁵³ *Пионтковский С. А.* Буржуазная историческая наука в России. М., 1931. С. 19; *Милюков П. Н.* Очерки истории русской культуры. 4-е изд. СПб., 1905.

⁴⁵⁴ ОР РГБ. Ф. 364. К. 3. Д. 2. Л. 11.

о хозяйственном быте колонизаторов, о прежнем населении колонизируемых земель, его быте и отношениях с соседями»⁴⁵⁵. Следовательно, уже в определении круга задач работы чувствуется смещение интересов ученого в сторону исторической географии народного хозяйства.

По-видимому, в конце 1920-х гг. Любавский пришел к осознанию определенной ограниченности прежнего подхода к проблеме колонизации, слабо увязанного с социальными отношениями в государстве.

Эти новые акценты, а также и то, что большая часть работы была опубликована, повлияли на ее архитектуру. Разные периоды истории русской колонизации освещены в «Обзоре.» неравномерно. Отчасти это было обусловлено состоянием источниковой базы исследования. Наиболее подробно автор останавливался на тех моментах, которые лучше всего были изучены в исторической литературе или являлись характерными и типичными для русского колонизационного процесса. При изучении географической номенклатуры Любавский уделял внимание преимущественно тем древнейшим русским селениям заселяемых территорий, которые были «первыми вехами, намечавшими пути к дальнейшему заселению этих территорий»⁴⁵⁶.

Окончательный вариант этого фундаментального труда состоит из 22 глав и резюме. К исследованию прилагались 5 карт, о которых Матвей Кузьмич сообщал в апреле 1936 г. в письме Н. М. Лукину. Использование самого разнообразного и широкого круга исследований по истории колонизации отдельных земель, антропологии, этнографии, археологии, географии и геологии России, привлечение огромного массива источников из серийных русских публикаций XVIII начала XX в., мастерская интерпретация данных географической номенклатуры все это позволило историку охватить в работе огромные территории нашей страны: Европейский Центр, Беларусь, Украину, Прибалтику, Северный Кавказ, Урал, Сибирь, Дальний Восток, Среднюю Азию.

Особый интерес представляют новые главы работы М. К. Любавского, которых не было ни в курсах 1909 и 1922 гг., ни в 1-й и 2-й части его «Образования и заселения основной государственной территории» (главы I, IX, XIV–XVIII, XX–XXII). Имеет смысл остановиться на них подробнее, выделяя при этом круг основных вопросов, поднятых историком.

В главе I «Древнейшие обитатели Восточной Европы», посвященной истории Северного Причерноморья, начиная с эпохи скифов и до времени господства готов в южно-русских степях сообщаются сведения о населении лесных пространств Восточной Европы славянами, литовцами, финнами, местах их расселения. Дается критика теорий И. Е. Забелина, Д. Я. Самоквасова о скифах якобы праславянах. На основании рассмотренного материала делается вывод о том, что «до конца IV века славян не было в южных степных областях Восточной Европы», а ко времени Геродота «Скифия» явилась уже чисто географическим термином, ее территория была населена в сущности разными народами⁴⁵⁷.

Глава IX «Объединение Литвы и западно-русских земель в Великом княжестве Литовском, его пределы и размещение в нем населения к половине XVI века» выросла из докладов, которые М. К. Любавский делал в 1920-е годы в ОИДР и в Институте истории РАНИОН. В ней анализируется ряд основных вопросов по истории Западной Руси: географическое и политическое разобщение восточного славянства в XIII в., литовские племена и область их расселения в XIII в., объединение Верхней и Нижней Литвы с Черной Русью в Великое Кня-

⁴⁵⁵ Там же.

⁴⁵⁶ Там же.

⁴⁵⁷ ОР РГБ. Ф. 364. К. 3. Д. 2. Л. 11.

жество Литовское, территориальные приобретения ВКЛ в XIII–XIV вв., состав и границы расселения его населения к XVI в. и др.⁴⁵⁸

Глава XIV «Борьба Московского государства с крымскими татарами и заселение черномоземных степей» освещает вопросы возникновения станичной и береговой службы на окраинах Русского государства, строительства засечных черт в XVI–XVII вв., образования и состава населения Слободской Украины. Рассматривая процесс колонизации Слободской Украины, ученый обращает внимание на соотношение форм колонизации (казацкая, государственная, вольнонародная) и справедливо утверждает, что в зависимости от обстоятельств в различные периоды времени господствовали разные формы⁴⁵⁹.

В главах XVI–XVII «Заселение Приднепровской Украины во второй половине XVI и в XVII веке», «Заселение Новороссии» рассматриваются проблемы колонизации и размещения населения в Правобережной Украине XVI в., панского землевладения в Украине в XVI–XVIII вв., истории украинского казачества, его борьбы с Речью Посполитой в XVII в.⁴⁶⁰ Пристальное внимание ученого обращено к истории Войска Запорожского (в XV–XVIII вв.), образованию и заселению Новороссийской губернии после русско-турецких войн XVIII и XIX вв., дворянам и переселенцам, а также истории градостроительства в крае (в частности, Николаева, Одессы). Рассказывается о роли иностранных колонистов в освоении богатств Новороссии. Как почти во всех предыдущих главах, Любавский сообщает ценные и очень детальные сведения о количестве и форме поселений.

В очень интересно и живо написанной главе XVIII «Занятие и заселение русскими людьми Предкавказья» большое место уделяется истории Терского и Кубанского казачьих войск (первая половина XVI вторая половина XVIII в.). Ярко обрисован их быт и отношения с местным населением. Рассматриваются вопросы комплектования, состава, службы казачьих войск, а также политика правительства по отношению к Северному Кавказу на протяжении XVI–XIX вв.⁴⁶¹ В итоге, по оценке историка, казачья и крестьянская колонизация Северного Кавказа привела к тому, что к середине XIX в. и в Предкавказье протянулась такая же «засечная» черта, как и на степной «украине» России, Поволжья, в Приуралье и Западной Сибири⁴⁶². В результате постоянных войн правительства с горцами казачьи войска находились на особом привилегированном положении. Власти смотрели на них «как на стратегический пункт по борьбе с горцами»⁴⁶³. Кроме того, подробно освещаются внутренние социальные проблемы казачества, взаимоотношения казаков с беглыми, типы казачьих поселений.

В главе XX «Занятие и заселение русскими людьми Башкирии» исследуется история башкир начиная с первых веков нашей эры и вплоть до конца XIX в. Дается краткая характеристика природы страны. Затрагиваются вопросы строительства укрепленных линий в Приуралье, истории Оренбургского казачьего войска. Анализируются особенности аграрных отношений в Башкирии XVIII–XIX вв.⁴⁶⁴

В главе XXI «Занятие киргизских степей и Туркестана и русская колонизация в этих краях»⁴⁶⁵ попытка обзора отношений между кочевыми сообществами Казахстана и государств Средней Азии с Россией XVIII–XIX вв., изучаются формы и пути расселения русского населения в этих районах. Ученый дает периодизацию этапов колонизации, остано-

⁴⁵⁸ Там же. Д. 4. Л. 2–18.

⁴⁵⁹ ОР РГБ. Ф. 364. К. 4. Д. 2. Л. 1–15.

⁴⁶⁰ Там же. Л. 175–212.

⁴⁶¹ Там же. Л. 245–250.

⁴⁶² Там же. Д. 75. Л. 104–168.

⁴⁶³ Там же. Д. 11. Л. 104–168.

⁴⁶⁴ Там же. Л. 160.

⁴⁶⁵ Там же. Д. 2. Л. 348–389.

ливаясь особо на переселенческой политике правительства в конце XIX в. М. К. Любавский считал, что «распространение русского владычества в первую очередь вызывалось потребностями обороны западно-сибирского населения от беспокойства соседей с юга»⁴⁶⁶.

В последней главе работы «Русская колонизация Прибалтийского края в XVIII и XIX веках»⁴⁶⁷ историк, рассматривая правительственную политику по отношению к прибалтийским губерниям в XVIII–XIX вв., приходит к выводу о том, что к концу XIX в. русский элемент в этом крае составлял ничтожное меньшинство и край как был, так и остался «инородческим»⁴⁶⁸.

В пространном резюме суммировались «поглавные» выводы о формах, путях, типах и особенностях русского колонизационного процесса на различных этапах истории Русского государства. Ученый подсчитал, что к 1912 г. в России из 22,7 млн км⁴⁶⁷ ее территории на долю областей, завоеванных, но не колонизированных, приходилось в общем 2,5 млн км⁴⁶⁷, т. е. не более 12 % всей территории огромной страны⁴⁶⁹.

Изучение этой работы М. К. Любавского позволяет с уверенностью утверждать, что по широте поставленных задач и охвату материала она не имеет прецедентов в предшествовавшей отечественной историографии. Некоторые темы и положения, очерченные в данной работе, впоследствии получили развитие в исследованиях целого ряда отечественных ученых В. А. Александрова, А. А. Введенского, С. Б. Веселовского, М. В. Витова, Н. Н. Воронина, В. А. Голобуцкого, И. А. Голубцова, В. В. Дорошенко, В. П. Загоровского, Е. И. Заозерской, А. А. Зимина, М. К. Каргера, Б. Б. Кафенгауза, В. Б. Кобрин, Б. А. Колчина, А. И. Копанева, Е. Н. Кушевой, И. И. Ляпушкина, А. Н. Насонова, А. А. Новосельского, Н. Е. Носова, В. Т. Пашуто, А. Л. Перковского, Д. Л. Похилевича, П. Г. Рындзюнского, К. Н. Сербиной, П. П. Смирнова, А. Л. Станиславского, М. Н. Тихомирова, С. М. Троицкого, А. В. Фадеева, Л. В. Черепнина, А. Л. Шапиро, В. И. Шункова, В. К. Яцунского, Е. И. Дружининой, Б. А. Рыбакова, П. П. Толочко, О. Н. Трубачева, Я. Н. Щапова, В. Л. Янина, Ю. Г. Алексева, Л. Г. Бескровного, М. Б. Булгакова, Ю. С. Васильева, Я. Е. Водарского, В. М. Воробьева, Н. А. Горской, М. М. Громыко, Я. Р. Дашкевича, А. Я. Дегтярева, Н. Ф. Демидовой, Т. Н. Джаксон, И. В. Дубова, А. В. Дулова, В. Л. Егорова, В. С. Жекулина, Л. И. Ивиной, Э. Г. Истоминой, В. М. Кабузана, С. М. Каштанова, А. Н. Кирпичникова, П. А. Колесникова, В. А. Кучкина, Х. М. Лиги, Н. Н. Масленниковой, Е. А. Мельниковой, Б. Н. Миронова, Э. М. Мурзаева, В. Д. Назарова, Е. Н. Носова, А. А. Преображенского, А. П. Пронштейна, Р. Н. Пуллата, Г. С. Рабинович, В. В. Седова, З. В. Тимошенко, И. Я. Фроянова, А. Л. Хорошкевич, С. З. Чернова, Е. В. Чистяковой, Е. Н. Швейковской, А. А. Юшко и многих других. В 1996 г. при деятельном участии доктора исторических наук профессора А. Я. Дегтярева, Ю. Ф. Иванова и автора этих строк это фундаментальное исследование ученого было подготовлено к печати и увидело свет в издательстве Московского университета⁴⁷⁰.

⁴⁶⁶ ОР РГБ. Ф. 364. К. 4. Д. 2. Л. 398.

⁴⁶⁷ Там же. Л. 402–414.

⁴⁶⁸ Там же. Л. 414.

⁴⁶⁷ Там же. Л. 402–414.

⁴⁶⁷ Там же. Л. 402–414.

⁴⁶⁹ Там же. Л. 415.

⁴⁷⁰ Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен до XX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996.

* * *

В эволюции общественно-политических взглядов историка можно наметить три этапа. Первый до буржуазно-демократической Революции 1905–1907 гг., когда его политические взгляды и теоретические представления, в основном, укладывались в русло либеральной идеологии. Вторым (1905–1917 гг.) был отмечен поправением М. К. Любавского, перемещением его на правый, «октябристский», фланг этой социальной группы русского общества.

Теоретические представления М. К. Любавского, его понимание русской истории, по существу, оставались в рамках взглядов учителя В. О. Ключевского, в русле либеральных традиций отечественной историографии.

Методологическое кредо историка кредо типичного позитивиста «государственника». Ученый сохранял верность ему со студенческих лет вплоть до конца 20-х годов. Оно гармонирует как с общественно-политическими взглядами, так и с психологией М. К. Любавского. Эклектизм в теории и компромисс в жизни, ставка на эмпиризм в исследованиях и «здравый смысл» в политических прогнозах и практике, эволюционизм и страх перед революциями с их «непредсказуемостью и хаосом» все это убеждения человека, ориентирующегося на приспособление к миру, а не на переделку его. Октябрьская революция развеяла миф, часто декларируемый ученым, о возможности существования «объективной», внепартийной исторической науки. Политические взгляды самого историка, мировоззрение, которое накладывало ощутимый отпечаток на его научное творчество, были тесно связаны с либеральной идеологией. Политика вторгалась в историю, направляя перо ученого в сторону той тенденции, против которой он выступал на словах.

Изучение дооктябрьского периода жизни научного творчества М. К. Любавского позволяет сделать вывод об ученом как о представителе либерального направления российской историографии конца XIX начала XX в., того периода ее существования, когда оппозиционность буржуазии по отношению к царизму быстро «полиняла», а ее консервативные настроения выступили с особой отчетливостью.

Сформированное позитивистскими убеждениями восприятие русской истории (изучение которой, как считал историк, «имеет не только научный интерес, а важно для понимания и оценки современного Русского государства»), оказало ему плохую услугу в оценке русской действительности 1905–1917 гг. Встретивший, как и большинство интеллектуальной элиты русской интеллигенции, Октябрь враждебно, М. К. Любавский не сразу и не до конца сумел сделать «переоценку ценностей».

Чувство патриотизма, стремление к сохранению страны как великой державы, присущие ученому, жизнеспособность нового строя в конечном итоге определили его поворот к советской действительности. В трудные и голодные для Отчизны годы он не эмигрировал за границу, а продолжал работать для блага России и ее культуры. В 20-е годы ученый занимал ряд ответственных постов в Центральном архиве, где принимал деятельное участие в спасении культурного достояния республики под руководством В. В. Адоратского и В. Л. Невского, работал экспертом-консультантом Наркоминдела и ряда правительственных комиссий, преподавал в 1-м МГУ, вел исследования в Институте истории РАНИОН.

В гораздо меньшей степени в 20-е годы подвергались коррективам методологические позиции историка. Изучение его историко-географических исследований этих лет показывает, что они в целом создавались на базе позитивистской методологии истории, хотя уже заметны попытки эволюции от установок государственной школы к экономическому материализму. Они отразились в понимании экономического фактора в истории как фактора ведущего в более широком, чем до 1917 г., понимании национального вопроса, большим

внимании к вопросам вольнонародной колонизации и усилении критической струи в оценке колониальной политики царского правительства.

Тематика и содержание последних, неопубликованных работ М. К. Любавского, созданных в 30-е годы, позволяет говорить о том, что им был сделан новый, существенный шаг навстречу требованиям жизни. Историк не только старался освоить новую для него область экономической истории, но нередко с новых позиций, близких современной ему марксистской историографии, показать смысл, историческую роль явлений (например, башкирских восстаний XVII-XVIII вв.). Но наличие в этих исследованиях позитивистских методологических установок, безусловно, свидетельствует о том, что в своей методологической «перестройке» М. К. Любавский стоял только в начале пути.

Эклектичные в своей методологической основе, эти труды М. К. Любавского сильны своими конкретно-историческими и частными выводами, насыщенностью источниковым материалом и высокой культурой их источниковедческого анализа. Источниковедческое мастерство ученого, умелое применение сравнительно-исторического и ретроспективного методов позволяли достигать значительных успехов в решении и постановке ряда важных проблем истории феодальной России.

Несомненно, значительным явлением русской историографии начала XX в. можно признать курс лекций М. К. Любавского по исторической географии России. Автор курса попытался впервые в отечественной исторической науке создать сводный очерк исторической географии страны с точки зрения колонизации, реализовать схему одного из своих учителей В. О. Ключевского на конкретно-историческом материале. Отличный знаток первоисточников и тонкий их истолкователь, историк сделал здесь ряд важных для анализа политической истории Руси XI-XV вв. наблюдений (роль географического фактора в политической раздробленности X-XII вв., «демографическая» трактовка причин возвышения Москвы, татарские нашествия и география населения Руси в XIII-XVI вв. и др.), первый в русской историографии предпринял попытку изучения исторической географии России позднефеодального периода (XVIII-XIX вв.). Понимание ученым задач этой науки, сформулированное в курсе, дает возможность пересмотреть утвердившуюся в ряде работ советских историков точку зрения о том, что дореволюционное поколение исследователей, занимавшееся исторической географией, видело свои задачи лишь в локализации на карте политических событий, политических и племенных границ.

Плодотворное влияние исследований М. К. Любавского в области исторической географии в истории Великого Княжества Литовского, где его труды «составили эпоху в литовско-белорусской историографии»⁴⁷¹, сказалось в курсе лекций по «Древней русской истории». Этот курс интересен не только как попытка «подновления» схемы русской истории В. О. Ключевского за счет привлечения новых аргументированных версий, появившихся в русской историографии в начале XX в. (М. А. Дьяконов, А. Е. Пресняков, Н. П. Павлов-Сильванский, Н. А. Рожков и др.), но и как показатель умения М. К. Любавского дать ряд интересных трактовок некоторым узловым проблемам феодальной Руси (социально-политическая структура восточнославянского общества VIII-IX вв., эволюция форм государственности в Киевской Руси, татаро-монгольское нашествие на Русь, характерные особенности процесса централизации в Северо-Восточной Руси и др.). Все это не позволяет оценить курс как компилятивное сочинение. Изучение материала лекций не дает возможности считать правильным бытующее в историографии мнение о Любавском как норманисте и о положительной оценке им роли татарского ига в деле централизации Русского государства⁴⁷². Сам факт поддержки Любавским взглядов Н. П. Павлова-Сильванского о существовании феодализма в

⁴⁷¹ Пичета В. И. Введение в русскую историю // Источники и историография. М., 1923. С. 187.

⁴⁷² Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3. С. 306.

«удельной» Руси, несомненно, заслуживает положительной оценки современной историографии.

Созданные в 20-е годы фундаментальные историко-географические исследования ученого обогатили историческую науку новыми конкретными наблюдениями и выводами по ряду важных аспектов проблемы образования Русского централизованного государства. Эти ценные работы по исторической географии Северо-Восточной Руси (IX–XVI вв.) и Северо-Западной Руси (X–XVI вв.), разрабатывавшие данную проблематику с позиций изучения «материального фундамента», имели особую значимость для отечественной историографии довоенного периода, поскольку до конца 30-х годов в марксистской историографии проблема образования централизованного государства, по существу, отсутствовала.

Работы Любавского этих лет давали не только ценный конкретно-исторический материал по этой проблеме, но и заложили основу историко-географического ракурса ее изучения. Обобщающий, синтетический труд историка «Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века» содержит важнейшие наблюдения по истории заселения и освоения русским, украинским и белорусским народами огромных пространств нашей страны на протяжении многовековой истории. По широте поставленных задач, по масштабности предмета исследования и по охвату материала этот труд не имеет прецедента в отечественной историографии.

Не меньшего внимания заслуживают и неопубликованные исследования Любавского по истории феодальной Башкирии. Многие ключевые проблемы этой темы ученый впервые в советской историографии доказательно разработал на конкретно-историческом материале (башкирская вотчина, припуск, земельная политика царизма в Башкирии XVII–XVIII вв. и др.).

Изучение биографии ученого и его творческого наследия дает основание считать его не только наиболее крупным представителем отечественной литванистики, истории западных славян, но и выдающимся знатоком исторической географии, истории феодальной России, видным организатором и деятельным участником архивного строительства в РСФСР. Богатые конкретно-историческими наблюдениями и выводами, основанные на изучении первоисточников, многие его работы не потеряли своей научной актуальности в наши дни, привлекают внимание современных исследователей. Известный отечественный историк-исследователь, он был и создателем научной школы. Исторической науке хорошо известны его ученики: В. И. Пичета, Н. Г. Бережнов, А. А. Новосельский, В. К. Никольский, С. В. Бахрушин.

Д. В. Карев

«Очерк...» М. К. Любавского в контексте восточнославянских историографий России XIX начала XX в

Оценить значение любого исторического труда, признанного классическим в исторической науке, а работы М. К. Любавского по истории Великого Княжества Литовского, несомненно, относятся к такому классическому наследию, можно только сопоставив предшествующую и последующую историографическую традицию изучения этого государства, тем самым вписав их в социокультурный и научный контекст эпохи. История ВКЛ имеет для нас, белорусов, особое значение. В рамках этого государственного образования в течение пяти столетий формировались многие исторические традиции, повлиявшие на дальнейшую судьбу белорусской нации и ее культуры.

Для российского научного сообщества первое фокусирование интереса к истории ВКЛ приходится на конец XVIII первую треть XIX в., когда после разделов Речи Посполитой вошедшие в состав империи белорусские, литовские и украинские земли заставили правительственные круги и научный мир России по иному осмыслить проблему восточнославянского мира и роли в нем российской цивилизации⁴⁷³.

Два главных историографических достижения приходятся именно на этот период времени: 1) введение в научный оборот корпуса источников, на базе которых историческая наука Беларуси и Литвы смогла создавать в 40-50-е годы первые синтезные концепции ВКЛ; 2) выделение истории этого государства в самостоятельный, «самодостаточный» объект исследования. В историческую науку вошло «разночинское» поколение сыновей униатского и православного духовенства, которые открыли восточнославянскую (белорусскую в основе своей) природу Великого Княжества Литовского, сумели рассмотреть богатство его истории и культуры. Не уходя окончательно от польской культурной традиции, эти «литвины-патриоты», как их называли современники, внесли в историческую ментальность интеллигенции края ощутимые элементы «билингвизма», по-иному, не «по-шляхетски», начали осознавать проблему народа. Это было особенно важно в тот период, когда полонизация шляхетской интеллигенции Беларуси не только не прекратилась, а приобрела второе дыхание. Восстание 1830–1831 гг. определило ту грань, за которой формирование культуры и историографии Беларуси протекало в совершенно ином политическом и культурном контексте.

Уроки восстания 1830–1831 гг. заставили некоторых видных русских историков более пристально взглянуть на судьбу западных губерний и историю Беларуси. Одним из них, едва ли не первым в русской историографии, попытавшимся подключить историю «Западной Руси» в концептуальную схему русской истории, был придворный историограф Н. Г. Устрялов. Свою позицию Устрялов углубил и сформулировал в написанной к 1838 г. статье «Исследование вопроса, какое место в русской империи должно занимать Великое княжество Литовское». Положения последней, детально разработанные, вошли в состав «литовских» глав «Русской истории» ученого, которая выдержала в эпоху правления Николая I несколько изданий⁴⁷⁴.

Прежде чем сформулировать свое понимание истории ВКЛ, историк отмечает, что сам вопрос возник в недавнее время и возбудил всеобщее внимание. При этом мнения разделялись. Многие охотно приняли мысль, что «Литовское княжество Русское по своему началу,

⁴⁷³ Карев Д. В. Белорусская и украинская историография конца XVIII начала 20-х гг. XX в.: в процессе генезиса и развития национального исторического сознания белорусов и украинцев. Вильнюс, 2007. С. 76–109.

⁴⁷⁴ РО РНБ. Ф. 213 (архив А. Н. Оленина, XVIII–XIX вв.). Д. 713. Л. 1–30.

Русское по своему составу, по массе народа, по вере и языку», должно занять в отечественной истории по крайней мере такое же место, какое дают историки России княжествам Галицкому или Новгородскому. С другой стороны, находилось немало таких ученых, которые смотрели на «Литву» и соединенные с ней области, как на «польские провинции», и полагали, что русской истории о делах «литовских» надо рассуждать не более, чем о делах «крымских или ливонских». При этом, как замечает Устрялов, ни та ни другая сторона «не подтвердила своего мнения практическими исследованиями» и вопрос с ВКЛ остался темой для будущих исследователей⁴⁷⁵. Для решения этой проблемы историк, по мнению ученого, должен был дать ответы на следующие вопросы: 1) как возникло ВКЛ в виде самостоятельного государства, как утратило свою самостоятельность и подпало чуждому влиянию; 2) как смотрело на него Московское государство во времена его «величия и падения»; 3) как понимали его современные писатели до конца XVII в.; 4) что думали о нем позднейшие историки России. Сам Устрялов дал ответы на эти вопросы в выводах соответствующих глав «Русской истории».

За девятидесятилетний период, прошедший от времени первого раздела Речи Посполитой до Крестьянской реформы 1861 г. и восстания 1863 г., правительственная Россия успела неплохо узнать Беларусь. Активный сбор информации, который велся в эти годы, создал представительный «банк данных», пригодный для принятия эффективных политических решений по «белорусскому вопросу». Были заложены основы той историографической традиции официального, правительственного направления, которая в 60-е годы XIX в. получит название «западнорусизма». Предпринимались и первые попытки контрпропагандистской «игры» в сфере переориентации исторического и политического сознания населения Беларуси «от Польши к России». Большого эффекта к началу 60-х годов XIX в. она еще не дала хотя бы потому, что сама официально-охранительная историография ВКЛ имела в значительной мере характер историографии полузакрытой, так называемой историографии для служебного пользования. Но приобретенный опыт и накопленная огромная информация пригодились как нельзя кстати в условиях нового политического контекста, вызванного событиями 1863–1864 гг.

И. Ярошевич один из историков этого периода, которого можно отнести к группе «литвинов-патриотов». Он явился создателем новаторского для своего времени труда, где впервые в исторической науке Беларуси и Литвы была предпринята смелая попытка создания синтезного образа ВКЛ и его культуры. Уникальный труд «Образ Литвы с точки зрения цивилизации с древнейших времен и до конца XVIII столетия»⁴⁷⁶ был делом всей жизни ученого. Эта работа примечательна не столько широтой и разнообразием источниковой базы, сколько глубиной исторического мышления, свежестью методологического подхода европейски образованного и мыслящего историка-культуролога. Являясь ценным обобщением и, в известной мере, продолжением «Истории» Т. Нарбута, «Образ Литвы» И. Ярошевича благодаря богатейшим сведениям по истории экономики, быта, нравов, религии, политико-правового устройства просвещения в ВКЛ давал углубленный взгляд на специфику феодальных отношений в ВКЛ, показывал внутреннюю природу их происхождения. В трактовке «поганской» Литвы (религия и происхождение литвинов) главным «гидом» И. Ярошевича был Т. Нарбут. Предками своей Отчизны («Литвы») ученый считал ятвягов, а белорусов считал потомками кривичей. Историографической новацией Ярошевича стало органичное включение в свою работу истории ВКЛ XVI–XVIII вв., где он представил «изменения, которые под взглядом нравов, религии, просвещения и промышленности до конца XVIII века в

⁴⁷⁵ Устрялов Н. Г. Русская история. Издание пятое исправленное и дополненное с историческим обозрением царствования государя императора Николая I. СПб., 1855. Ч. 1–2. С. 536.

⁴⁷⁶ Карев Д. В. Белорусская и украинская историография конца XVIII начала 20-х гг. XX в.: в процессе генезиса и развития национального исторического сознания белорусов и украинцев. С. 159–161.

Литве произошли», ярко и рельефно очертил «состояние социальной и духовной жизни литвинов». Вразрез с существующей традицией весьма критично характеризует историк влияние на историю ВКЛ уний с Польшей и иезуитов. Увязывает социально-политические и культурные сдвиги в ВКЛ XIII–XVIII вв. с социально-экономическими изменениями.

В трудах, публиковавшихся в рамках дореформенного периода в изучении ВКЛ, было немало ошибочных теоретических положений, фактических неточностей, доминировала локальная, краеведческая тематика, описательность явно преобладала над аналитическими моментами. Это объяснялось состоянием и уровнем развития самой исторической науки в крае недостаточной разработанностью источниковой базы по ряду направлений исторических исследований (социально-экономическая история, история классов и социальных групп, история культуры), крайней малочисленностью профессиональных историков вследствие закрытия Виленского университета (фактор, крайне негативно сказавшийся на развитии белорусской историографии вплоть до Октябрьской революции), классовой и политической тенденциозной избирательностью в отборе и интерпретации исторического материала. И все же подход к осмыслению вклада историков этого поколения в развитие белорусской историографии, исходя из критерия обязательности оценки исторических деятелей не по тому, чего они не дали «сравнительно с современными требованиями», а по тому, что они дали нового сравнительно со своими предшественниками, заслуги их следует признать весьма значительными. Помимо формирования источниковой базы для изучения исторического прошлого феодальной ВКЛ, историки дореформенного периода если и не решили, то поставили перед исторической наукой ряд очень важных реальных проблем их исторического развития (этногенез белорусского и литовского народов, пути и причины создания государственности на белорусско-литовских землях: роль внешних и внутренних политических факторов в государственном развитии ВКЛ, конфессиональные отношения и их роль в судьбах ВКЛ и Речи Посполитой и др.), создали первые обзоры, содержащие систематическое изложение истории Беларуси и Литвы⁴⁷⁷. Это богатое фактами и мыслями наследие активно использовалось историками либерального буржуазного и демократического направлений, когда иные условия общественно-политического и культурного развития страны создали возможность построения новых исторических концепций о прошлом Беларуси и Литвы на основе других политических и научно-теоретических принципов и установок. В наследие историкам пореформенного периода перешла от историков края первой половины XIX в. и сама методологически верная традиция изучения прошлого Беларуси в тесной связи с историей Литвы, Руси и Польши.

На развитие белорусской историографии первого пореформенного двадцатилетия, пожалуй, наибольшее влияние оказал тот мощный социально-политический резонанс, который был вызван в политической и общественной жизни России кровавыми событиями восстания 1863–1864 гг. и мерами по его подавлению. События сфокусировали на ряд лет внимание правительственной России и российского образованного общества на западных губерниях империи. Эти события заставили многих публицистов, общественных и государственных деятелей, ученых страны открыть для себя Беларусь и «белорусский вопрос» не только как вполне ощутимые реалии политического настоящего империи, но и как явление, имеющее древние исторические корни и свою историю.

Историографическая традиция «западнорусизма», оказавшая значительное влияние на трактовку белорусского прошлого в 60-80-х годах XIX в., при всем своем политическом кон-

⁴⁷⁷ Улащик Н. Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973. 362 с.; Карев Д. В. Белорусская историография в эпоху капитализма (1861–1917) // Наш Радавод. Гродна, 1991. Кн. 3, ч. 1. С. 49–115; Его же. Западнорусизм и его представители в белорусской историографии пореформенного периода (к проблеме влияния политики на историческую идеологию) // Весн. ГрДзУ імя Я. Купалы. Сер. 1, Псторыя. Філасофія. Палгалопя. Сацыялопя. 2009. № 2 (80). С. 91–102.

серватизме оказалась полезной для развития источниковой базы белорусской историографии ВКЛ. Трудно сказать, какие провалы исторической памяти мы имели бы сегодня, не будь масштабной публикаторской деятельности белорусских историков и архивистов-археологов России конца XIX начала XX в. В то же время нельзя не видеть и другую сторону их деятельности. Значительная часть историко-краеведческих центров Беларуси того периода, исповедовавшая консервативные, охранительные и клерикальные взгляды на прошлое и настоящее края, своей работой способствовала длительной (вплоть до 1917 г.) реанимации в белорусской историографии идеологии «западнорусизма». Они создавали ту «капиллярную сеть», без которой невозможно было бы само существование историко-концептуальной основы этой идеологии, сформулированной в первые пореформенные десятилетия М. О. Кояловичем, его учениками и союзниками⁴⁷⁸.

Общая концепция исторических судеб белорусских земель, представленная в «Лекциях» М. О. Кояловича, в силу явной ее тенденциозности вызвала отрицательную оценку его трудов не только со стороны демократической российской историографии. По мнению В. И. Пичеты, вышедшие в 1884 г. «Чтения по истории Западной России» Кояловича (переработанный вариант «Лекций» 1864 г.) это «прекрасный показатель того, как не нужно изучать исторические явления»⁴⁷⁹. Что из себя представляла эта концепция, отчетливо отражает текст опубликованных историком в 1864 г. отдельной книгой «Лекций по истории Западной России». К Западной России Коялович относит Украину, Беларусь и Литву, входившие в состав Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой. Доминантным фактором исторического развития Западной России он признает противоборство «двух главных сил русской и польской», возникшее из-за желания Польши «воссоздать свое господство и могущество на чужой русской земле». Поэтому главную задачу своего курса автор видит в изучении источников и причин «польского триумфа» главной особенностью истории Западной России в эпоху феодализма. Влияние Польши, по мысли Кояловича, «испортило» западнорусское общество, привело к разделению национальному, религиозному и культурно-бытовых «начал жизни». Понятно и стремление историка изобразить историю Западной России как историю «демократизма», «ищущего древних, родных порядков жизни, то есть тоже русских и православных»⁴⁸⁰. Такие установки вполне логично позволили Кояловичу оценить события, связанные с разделами Речи Посполитой, как «воссоединение» «исконных» начал Западной и Восточной Руси. Сама схема периодизации истории Западной России, где историк выделяет пять основных этапов, строится на основе учета не внутренних, а внешнеполитических факторов развития региона особенностей взаимоотношений Западной Руси с Литвой, Польшей и Российским государством. При этом ведущая роль в исторических событиях отводится, в духе предшествующей дворянской историографической традиции, деятельности «сильных мира сего» князей, королей, «вождей» церкви. Православная религия и церковь объявляются в истории Западной Руси «великими цивилизующими началами»⁴⁸¹. Люблинская уния, по мнению Кояловича, продолжив негативное влияние унитарных процессов, разделявших Литву и Русь, привела якобы не только к потере национального («западнорусского», говоря языком Кояловича) развития, но и привела на белорусские и украинские земли

⁴⁷⁸ Коялович М. О. Историческое исследование о Западной России, служащее предисловием к документам, объясняющим историю Западно-русского края и его отношения к России и Польше. СПб., 1855; *Его же*. История воссоединения западнорусских униатов старых времен. СПб., 1873; *Его же*. Лекции по истории Западной России. М., 1864; *Его же*. Литовская церковная уния. Исследования. СПб., 1859–1861. Т. 1–2; *Его же*. Об этнографической границе между Западной Россией и Польшей // Русский инвалид. 1864. № 18. С. 51–59.

⁴⁷⁹ Пичета В. И. Введение в русскую историю (Источники и историография). М., 1922. С. 84.

⁴⁸⁰ Коялович М. О. Лекции по истории Западной России. С. 13–15.

⁴⁸¹ Коялович М. О. Лекции по истории Западной России. С. 119.

ВКЛ крепостную неволю⁴⁸². Антипольские позиции приводили историка к очевидному уже в 80-х годах XIX в. искажению реальных исторических событий, когда опубликованные к тому времени источники со всей ясностью свидетельствовали, что крепостничество зародилось на землях ВКЛ до Люблинской унии. Суть антифеодальных движений XVII-XVIII вв. сводилась к защите православной веры «западнорусским народом», который взял на себя «оборону» православия вследствие ополячивания высшего сословия⁴⁸³. В соответствии со своей исследовательской доминантой историю Западной России Коялович представлял как историю жертвы польской экспансии, осуществленной в интересах католической церкви. Сама эволюция белорусского общества в эпоху феодализма, по существу, воспринималась как приобретение новых «качеств» по польским образцам и меркам.

Эта концепция исторического прошлого славянских земель и народов ВКЛ, представленная в работах М. О. Кояловича, была убедительно опровергнута уже в 80-90-е годы XIX в., когда за scrupulous исследование истории ВКЛ взялись ведущие представители российской университетской историографии либерального направления (В. Б. Антонович и ученики его школы в Киевском университете, М. К. Любавский и его ученики в Московском университете, И. И. Лаппо в Дерптском университете). Однако теоретически несостоятельная концепция историка не была «сдана в архив» в дооктябрьский период развития белорусской историографии. Говоря о белорусских историках либерального направления, нельзя не признать того факта, что сила их влияния на характер развития белорусской историографии пореформенного периода не может идти ни в какое сравнение с той ролью, которую сыграли в становлении своих национальных историографий великорусские и украинские либеральные исследователи. Отсутствие сильной национальной либеральной интеллигенции в сфере гуманитарных (в том числе исторических) знаний предопределяло концептуальную зависимость белорусских либеральных исследователей в трактовке своей собственной истории от историков, основных университетских центров Российской империи, в которых разработка проблем истории ВКЛ и его культуры достигла впечатляющих результатов (Киев, Москва, Петербург). Капитальные труды и лекционные курсы В. Б. Антоновича, А. С. Грушевского, М. К. Любавского, В. И. Пичеты, В. Ф. Владимирского-Буданова, Ф. И. Леонтовича, С. А. Бершадского, Ф. И. Тарановского⁴⁸⁴ не только поставили изучение истории Великого Княжества Литовского на почву научной (позитивистской) методологии, открыли и освоили новые области в ее исследовании (история социальной структуры и социальных отношений, история города, история крестьянства, история государства и права ВКЛ, история культуры), но и выявили научную несостоятельность официально-охранительных версий «западнорусизма». Разумеется, прямого воздействия на формирование нового исторического менталитета в сфере массового сознания либеральная историографическая традиция изучения белорусского прошлого не имела. Но косвенное ее воздействие через частичное освоение наблюдений, выводов, источниковой информации историков-либералов демократической историографической традиции отрицать не приходится.

В ряду классических работ российских историков ВКЛ конца XIX начала XX в. ошутимо выделялись фундаментальные труды молодого российского либерального историка М. К. Любавского. Рукописи исследований материалов профессора М. К. Любавского по истории Западной Руси дошли до нас в незначительном количестве. Из всего дореволюционного «литовского» творческого наследия ученого в распоряжении исследователя имеются только материалы к работам по истории «Литовско-Русского государства» (выписки из архивных

⁴⁸² Там же. С. 208.

⁴⁸³ Там же. С. 253–254.

⁴⁸⁴ Карев Д. В. Белорусская и украинская историография конца XVIII начала 20-х гг. XX в.: в процессе генезиса и развития национального исторического сознания белорусов и украинцев. С. 206–228.

источников Книги Записей и Судных дел Литовской Метрики, около 200 листов, да отрывочные материалы из семинара по изучению «внутреннего строя Литовской Руси на основании законодательных памятников» (1901–1902 гг.). Из официальных и вполне достоверных источников известно, что М. К. Любавский на протяжении почти трех десятилетий преподавания в Московском университете читал не только спецкурсы по истории Великого Княжества Литовского, но и вел семинары, где разбирались и анализировались важнейшие источники (в 1903/04 и 1908/09 учебных годах I Литовский Статут 1529 г., в 1911/12 учебном году общеземские и областные привилеи Великого Княжества Литовского, в 1912/13 учебном году III Литовский Статут, в 1914/15 учебном году Волочная помера и Устав Сигизмунда Августа). Один из участников такого семинара, ученик М. К. Любавского, В. И. Пичета отмечал интересную методику ведения, благодаря которой ученый приучал своих учеников к «тщательной работе над источниками»⁴⁸⁵. Однако и опубликованные работы историка позволяют в какой-то мере заглянуть в его творческую лабораторию. Наибольшие возможности представляет в этом отношении фундаментальный «Очерк истории Литовского-Русского государства до Люблинской унии включительно» (М., 1910).

Обработав колоссальный источниковый материал собственных наблюдений по истории ВКЛ, впервые обнародованных в работах 90-х годов XIX – начала XX в., М. К. Любавский издал в 1910 г. представленный настоящим изданием «Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно» (второе издание этой книги увидело свет в 1915 г.). В предисловии автор четко и однозначно определил свою мотивацию для создания такого труда раскрыть особенности социально-политической и правовой эволюции этого самого значительного по масштабам и территории к началу XV в. восточноевропейского государства, в котором восточнославянские народы (белорусы, украинцы) образовывали основное этническое ядро его населения. Именно по этой причине, как считал историк, история ВКЛ, в известном смысле, есть прямое продолжение истории Киевской Руси. «Ретроспективное уяснение» разных черт древнейшего периода русской истории следует искать в позднейших данных «Литовско-Русской» истории. Согласно М. К. Любавскому, исследование феномена ВКЛ необходимо для того, чтобы понять суть отличий в развитии «Московской Руси и Литвы».

Своеобразный итог-обобщение положений магистерской и докторской диссертаций, эта работа хотя и не касалась вопросов истории экономики и культуры (в этом ее несомненный минус), все же знакомила с социально-политической эволюцией Великого Княжества Литовского XIII–XVI вв. Очерк составил из лекций, прочитанных автором в Московском университете в 1902–1908 гг., построенных на основе переработки прежних его специальных исследований с привлечением изысканий в той же области, появившихся в 1890-х начале 1900-х гг.: труды наиболее видных представителей восточнославянских и литовской историографий Российской империи второй половины XIX начала XX в. (А. Андрияшев, В. Антонович, Д. Багалея, С. Балтрамайтис, А. Барбашов, С. Бершадский, М. Владимирский-Буданов, А. и М. Грушевские, П. Голубовский, В. Данилевич, Н. Дашкевич, М. Довнар-Запольский, А. Ефименко, Р. Зотов, П. Иванов, Д. Иловайский, И. Лаппо, Ф. Леонтович, А. Левицкий, И. Лучицкий, Н. Максимейко, И. Малиновский, Н. Молчановский, И. Новицкий, А. Погодин, В. Пичета, Ф. Тарановский, И. Татарайтис и др.). Использовались наиболее капитальные авторитетные работы представителей польской историографической традиции изучения ВКЛ (исследования А. Барановского, Ю. Вольфа, В. Каменецкого, Е. Кохановского, Ф. Конечного, С. Карновского, Т. Корзона, С. Кутшебы, А. Прохазки, К. Стадницкого, В. Семковича, С. Смольки, Л. Финкеля, В. Чермака, К. Шайнохи и др.).

⁴⁸⁵ ОР РГБ. Ф. 364 (М. К. Любавский, 1860–1936). К. 1. Д. 15.

В незначительной степени использовались исследования немецких ученых, главным образом посвященных истории взаимоотношений германского мира и народов ВКЛ. Жесткий отбор литературы диктовался вполне конкретными критериями, определяемыми методологией позитивизма. Эти работы, по мнению М. К. Любавского, должны были опираться на первоисточники, иметь строгую доказательную базу и раскрывать новые, ранее не исследованные аспекты истории ВКЛ (историю права, историю политических и социальных институтов, историю отдельных земель ВКЛ).

Причиной создания подобной работы являлось отсутствие в научной литературе труда, который давал бы в известной степени общую концепцию «Литовско-Русской истории» (труды Т. Нарбута и И. Лелевеля выглядели значительно устаревшими, а в работах П. Кукольника и М. Кояловича охранительная публицистика преобладала над наукой). Сам Любавский старался, по его словам, в своем труде быть «на уровне существующих научных разысканий». Поэтому каким бы важным ни было освещение экономической эволюции Великого Княжества Литовского и истории его духовной культуры, автор вынужден был отказаться от всяких значительных попыток в этом направлении «... ввиду отсутствия серьезных, достаточно широких и глубоких исследований по этой части»⁴⁸⁶. Сами экономические мероприятия правительства этого государства его интересуют, но не со стороны их экономического содержания, а со стороны публично-правового аспекта. В этом плане замечания автора были очень ценными. Сохраняя и в «Очерке...» исходные методологические принципы «государственной» школы, Любавский неоднократно демонстрирует отчетливое понимание зависимости социально-политических явлений от экономических. Методологические принципы историка-позитивиста сказались и на видовой селекции отобранных для исторической реконструкции источников. Ими стали прежде всего законодательные и акты-вые источники ВКЛ (акты Литовской Метрики, земские и областные привилеи, Волочная помера, Судебник 1447 г. и др.). Нарративные источники (хроники и летописи XIII–XV вв.) стали основой для реконструкций в сфере «событийной истории». Поэтому «Очерк...», по мнению самого автора, вышел в значительной мере историческим комментарием к основным государственным законам Великого Княжества Литовского, содержащимся в его общеземских и областных хартиях, или «привилеях».

Сложность обозначенных проблем требовала от историка создания логичного, стройного композиционного «каркаса» работы и ясного, «прозрачного» стиля изложения материала. Не будем забывать, что работа предназначалась прежде всего для молодой студенческой аудитории и начинающих исследователей. В 48 главах работы в качестве стержневых просматриваются 4 главные проблемы, на решение которых были направлены усилия историка: 1) происхождение ВКЛ и его социально-политическая эволюция в XIII первой половине XVI в.; 2) исследования эволюции основных социальных и политических структур государства в связи с изменениями социально-экономического и внешнеполитического контекста в Восточной Европе XIII–XVI вв.; 3) роль уний XIV–XVI вв.; 4) выявление специфики социально-политической истории ВКЛ в сравнении с западным (Польша) и восточным (Московская Русь) соседями.

В решении первой проблемы ученый пришел к доказательному выводу, что в образовании ВКЛ «сила оружия... имела второстепенное значение. Литве сравнительно легко было захватывать раздробленную Русь. Мало того, под давлением внешних опасностей западно-русские земли сами должны были идти в объятия Литвы». При решении второй проблемы в качестве главных факторов, определявших эволюцию социальных и политических институтов Княжества к середине XVI в., М. К. Любавский выделяет факторы внутреннего порядка, роль традиции («старинны»), особенно в сфере местного (областного) управления. Роль уний

⁴⁸⁶ Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910. С. 1.

XIV–XVI вв. в исторической судьбе ВКЛ, в трактовке исследователя, признавалась также как фактор очень значимый. По мнению М. К. Любавского, они стали второй, основной причиной, «оказавшей сильное влияние на ход внутреннего развития Литовско-Русского государства и его результаты», способствовали «внутренней ассимиляции Литовско-Русского государства, а затем и соединению его с Польшей. Но это же сближение с Польшей как результат уний было и причиной того, что Литовско-Русское государство, создавшееся из более устойчивого общественного материала, оказалось менее устойчивым в борьбе за самостоятельное существование, чем государство Московское. Польские права и вольности, перенесенные на литовскую почву, способствовали развитию и расцвету Литовско-Русского феодализма, для которого и без того была благоприятная почва в старом и крепком землевладении, в экономическом и политическом засилье землевладельцев. Но феодализм расслабил, разложил государство, воспрепятствовал развитию сильной центральной власти, лишил ее должных орудий и средств в критические минуты, когда требовалось приказывать и повелевать из центра (войны между ВКЛ и Московским государством конца XV–XVI в. Д. К.)».

В «Очерке...» формулируется вывод о том, что в «Литовско-Русском государстве» господствовал такой же феодализм, как и на Западе в Средние века⁴⁸⁷. Интересна попытка Любавского раскрыть историю социально-политического организма Великого Княжества Литовского в сравнении с Русским государством XIV–XVI вв. Она давала возможность проследить, как различные условия повлияли на развитие по разным направлениям двух государств, близких первоначально (XII–XIII вв.) по структуре их социально-политических институтов. Изучение внутренней истории ВКЛ, сохранившего больше традиций и архаических черт, чем на Руси Северо-Восточной, позволяло уяснить особенности древнейшего и средневекового периода русской истории, помогало лучше представить своеобразие исторического процесса в Русском государстве XV–XVI вв. Современники Любавского отмечали значение его трудов в плане раскрытия контраста между Западной и Восточной Русью. Поскольку «Литовско-Русское государство» представляло переходную форму, его изучение помогло уяснить вопрос, был ли в Московской Руси феодализм. По мнению Любавского, прекратившее в 1569 г. самостоятельное существование «Литовско-Русское государство» в ходе своего внутреннего развития, в его конечных результатах было совершенно не похоже на современное ему и родственное Московское государство. Последнее развивалось все время в направлении монархического абсолютизма, ВКЛ в направлении конституционной монархии. Эта разница в историческом развитии обоих государств М. К. Любавским определялась двумя факторами: 1) тем, что «Литовско-Русское государство» создавалось и держалось на более устойчивом и определившемся «общественном материале», чем государство Московское; 2) последствиями уний XIV–XV вв.

Многие выводы и наблюдения, сделанные Любавским в этой работе, вошли в основной фонд отечественной литванистики и не потеряли своего значения и в наше время в восточнославянских историографиях Беларуси, России и Украины Новейшего времени. Оценка, данная работам М. К. Любавского его современником И. Малиновским, оказалась провидческой («можно не соглашаться с некоторыми мнениями, взглядами проф. Любавского, но нельзя не признать, что его исследования крупное явление в русской исторической литературе: последующим научным работникам в той же области Литовско-Русской истории предстоит идти дальше от его исследования, как от отправного пункта, считаясь с его взглядами, опровергая или развивая их»). Как и другие работы М. К. Любавского по истории ВКЛ, «Очерк...» оказал непосредственное позитивное влияние на развитие исторической науки Беларуси в XX начале XXI в., способствовал популяризации ее богатого прошлого в российском учебном мире. Вместе с классическими работами по социальной и экономической истории ВКЛ

⁴⁸⁷ Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С. 131–133.

М. В. Довнар-Запольского работы Любавского составили фундамент сегодняшних базовых концепций по истории этого государства.

Как показывают проведенные нами предшествующие исследования по истории формирования восточнославянских историографических традиций изучения ВКЛ, в историографической практике XX начала XXI в. у историков Беларуси, России, Украины нашли отражение три основных концептуальных и политических подхода к изучению истории ВКЛ и Беларуси, сформировавшихся к концу XIX началу XX в. («западнорусизм», либерально-позитивистский, народнический). Наиболее жизнеспособным, как показало время, оказался позитивистский, реализованный университетской научной традицией начала XX в.

В 90-е годы XX в. начале XXI в. историческая «литванистика» восточнославянских народов вступила в очередной этап своего развития, определяемого новым социально-политическим и социокультурным контекстом развития белорусской, украинской и великорусской нации. Этот период был ознаменован большим числом значительных изменений (как положительного, так и негативного характера), отразившихся на характере развития исторической науки восточнославянских народов в целом и исторической «литванистики» как одного из ее магистральных направлений в исследовании истории феодализма в частности. Новыми моментами явились: 1) переход исторической «литванистики» на «рельсы» новой методологической парадигмы; 2) выход на первые «роли» в исследовании истории ВКЛ белорусской историографии, для которой история ВКЛ стала в 90-е годы своеобразным историческим «полигоном» для выработки своей национальной концепции исторического процесса на белорусских землях; 3) украинскую и российскую историографию этих лет история ВКЛ привлекала прежде всего своими внешнеполитическими аспектами (история политических взаимоотношений ВКЛ и Российского государства, ВКЛ и украинского казачества), история межкультурных связей восточнославянских народов остается на периферии исследовательских интересов историков Украины и России; 4) ведущим, наиболее продуктивным направлением в плане качества представленных результатов в рамках исторической «литванистики» этого периода являлось историографо-источниковедческое направление.

Достижения восточнославянской историографии в освоении «исторического пространства» ВКЛ за последнее десятилетие выглядят весьма впечатляюще как в плане «отраслевого» разреза его изучения (история конфессий; история этносоциальной психологии отдельных групп и сословий населения; исторический менталитет; история культуры «книжно-письменной традиции» и традиционная культура; правовая и политическая культура), так и в плане самого осмысления сложных дискуссионных проблем историко-теоретического характера (специфика проявлений феноменов Ренессанса, Реформации и Контрреформации в «перекодировке» культурно-исторических процессов ВКЛ этого «осевого» для белорусской культуры времени). Тем не менее многие аспекты постижения «смысла» и специфики исторических процессов, происходивших в ВКЛ, еще остаются на периферии исследовательского внимания (историографические традиции изучения культуры эпохи в исторической мысли народов Восточной Европы XVI начала XXI в.; источниковедческие возможности источникового комплекса как базы для научной реконструкции «силуэта» культуры эпохи XIV XVIII вв.; роль личности в исторических событиях тех столетий). Без их разработки воссоздание коллективного «портрета» эпохи истории ВКЛ и его культуры будет выглядеть зданием, возводимым на очень зыбком и ненадежном фундаменте.

Будущее развитие и профессиональное совершенствование белорусской историографии представляется малопродуктивным без активного, аналитического использования классического историографического наследия поколения ученых XIX начала XX в. Реализация этих проектов должна преследовать не только академические цели (приобретение фундаментального нового знания), но и мировоззренческую, общегражданскую повышение научного и социального статуса белорусской историографии, формирование культуры наци-

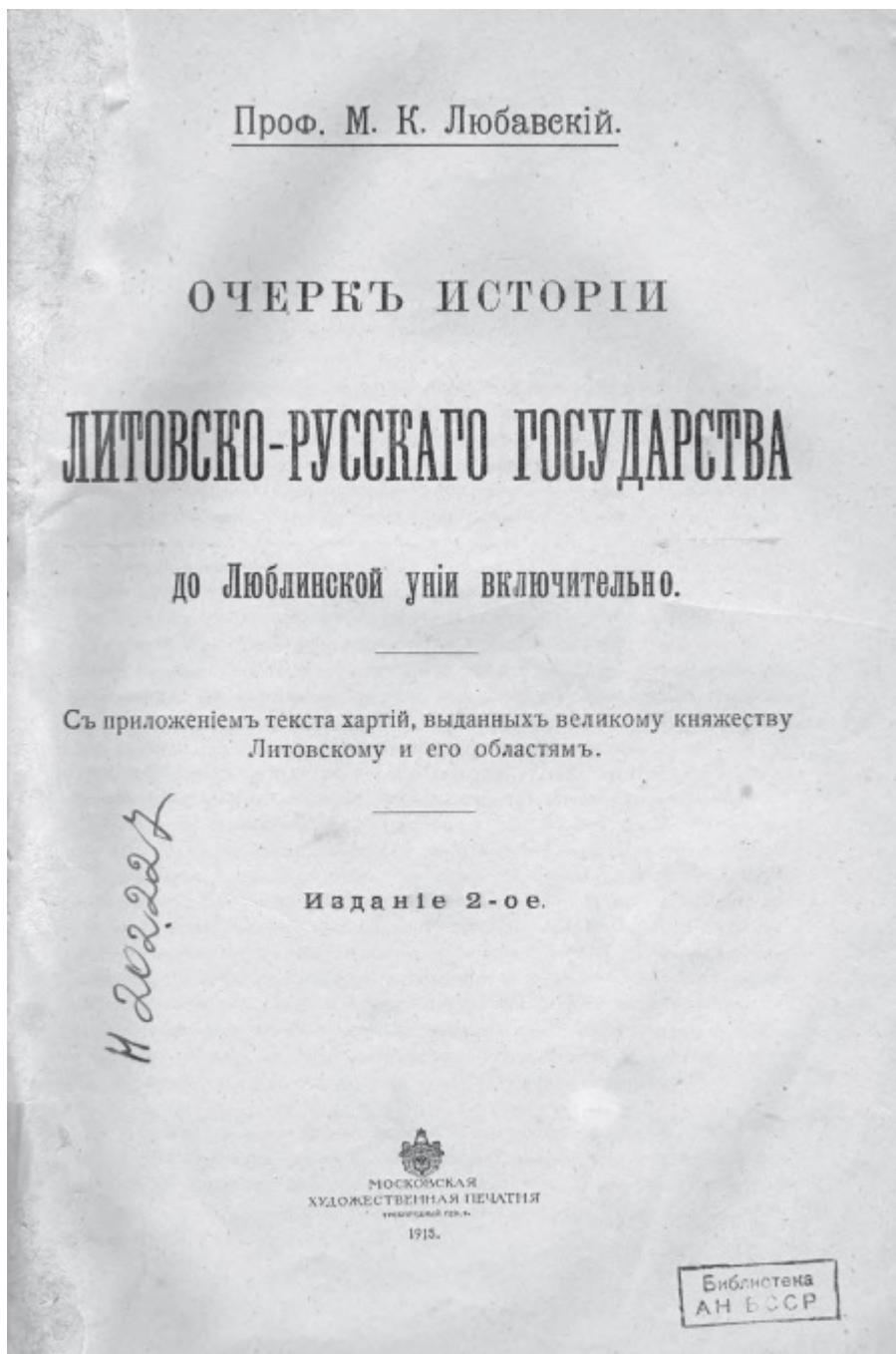
онального исторического мышления возрождения влияния белорусской историографии в ликвидации исторического «беспамятства» нации. Дополнительную актуальность переизданию этого классического труда М. К. Любавского придает то обстоятельство, что вплоть до сегодняшнего дня в восточнославянских историографиях отсутствует синтезирующее исследование, посвященное самостоятельному периоду истории ВКЛ до конца XVI в., поскольку работы советского и постсоветского поколений отечественных историков ВКЛ (исследования В. Т. Пашуто, А. Л. Хорошкевич, И. П. Старостиной, М. Е. Бычковой, А. Ю. Дворниченко, Г. Я. Голенченко, И. А. Юхо, С. В. Думина, И. Б. Грекова, Ф. М. Шабульдо, М. М. Крома и др.), как правило, посвящались отдельным, хотя и значимым периодам и аспектам его истории.

* * *

Готовя свой труд к печати, М. К. Любавский отмечал, что предлагаемый «Очерк...» должен быть как бы «связующим введением в изучение специальной литературы по истории Литовско-Русского государства». Поэтому в конце каждой главы он указывает труды, которые могут служить для изучения того или иного вопроса по истории ВКЛ. Такой доступный для понимания научно-справочный аппарат издания предназначался определенной аудитории – студентам и любителям российской истории. При подготовке этой работы М. К. Любавского к изданию мы исходили из такой же установки. В основу данной публикации положено переиздание книги 1915 г. Текст дается без изменений и дополнений. Не публикуются приложения: документы привилеев и грамот XIV–XVI вв., которые предназначались автором для ведения практических занятий среди студентов Московского университета. Орфография и синтаксис издания приведены в соответствие с современными правилами русского языка.

Д. В. Карев

Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно

Предисловие

Настоящий «Очерк истории Литовско-Русского государства» составился из лекций, читанных автором в Московском университете за последние годы. По содержанию своему он является переработкою прежних специальных исследований автора по внутренней истории Литовско-Русского государства с привлечением изысканий и других исследователей в той же области. Своим появлением в печати этот очерк обязан желанию автора пойти

навстречу ощущаемой потребности в общем доступном руководстве по внутренней истории Литвы и Западной Руси. Несмотря на то, что в настоящее время имеется уже немало специальных трудов, проливающих достаточный свет на эту историю, Литва и Западная Русь все еще продолжают оставаться *terra incognita* и не только для широкой публики, но и для ученого мира, исключая сравнительно немногих специалистов. До сих пор история Литовско-Русского государства не заняла надлежащего места в преподавании как средней, так и высшей школы, в чем можно убедиться хотя бы по учебникам и разным руководствам по русской истории. Главы, отводимые в них Литовско-Русскому государству, отличаются обычно бессвязностью и фрагментарностью изложения, не говоря уже о всегдашних ошибках и искажениях. Причина этому, очевидно, та, что в научной литературе не имеется легко обозримого труда, который бы так или иначе сводил воедино результаты специальных исследований и давал бы известную общую концепцию Литовско-Русской истории. Без сомнения, такое положение дела может быть тормозом и для дальнейшей научной разработки предмета. Предлагаемый очерк и является попыткой восполнить этот пробел и дать достаточное первое ознакомление с общим ходом истории Литовско-Русского государства, с его общественными классами и их взаимными отношениями, с государственными учреждениями и их эволюцией. Автор старался в своем труде быть на уровне существующих научных разысканий, не отставая от них, но и не опережая. Поэтому, как ни важно было бы освещение экономической эволюции Литовско-Русского государства и истории его духовной культуры, автор вынужден был отказаться от всяких значительных попыток в этом направлении ввиду отсутствия серьезных, достаточно широких и глубоких специальных исследований по этой части.

Так как, по мысли автора, предлагаемый очерк должен быть как бы связующим введением в изучение специальной литературы по истории Литовско-Русского государства, то каждая глава его снабжена указанием на труды, которые ближайшим образом могут служить для изучения того или другого вопроса, а после вступления указаны и общие библиографические пособия для более детальных справок. Что касается источников, то указания на них даются в самых специальных исследованиях по Литовско-Русской истории, вследствие чего автор и не счел нужным вводить их в свой очерк.

М. Любавский

Пушкино. 25 июля 1910 г.

Примечание. Настоящее второе издание «Очерка истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно» воспроизводит без существенных изменений первое издание и вызвано тем, что первое издание уже разошлось в продаже.

М. Любавский

I. Научное значение истории Литовско-Русского государства

Киевская Русь и Литовская. Необходимость изучения Литовско-Русской истории для уяснения древнего периода русской истории. Литовская Русь и Московская и необходимость их сравнительного изучения. Историческое значение Люблинской унии. Необходимость изучения внутренней истории Литовско-Русского государства для объяснения этого факта.

Изложению истории Литовско-Русского государства необходимо предпослать несколько общих замечаний о том месте, которое принадлежит ей в общей системе науки русской истории, и о том праве на внимание, которого она заслуживает при изучении этой науки.

Прежде всего надо иметь в виду, что в настоящем случае приходится иметь дело с государством, которое во время оно объединяло добрую половину Руси. На образование Великого княжества Литовского пошла не только область, населенная литовским племенем, но и старинные русские земли в бассейнах Западной Двины и Днепра: Полоцкая, Смоленская, Чернигово-Северская, Киевская и Волынская. Это была исконная Русь, сидевшая на старом корню, медленно эволюционировавшая, но не срывавшаяся со своих жизненных устоев в противоположность Руси Суздальской, которая, расселившись по верхней Волге и ее притокам, устроила там свою жизнь на новых основаниях, отличных от Приднепровской и Подвинской Руси. Правда, Подвинская и Поднепровская Русь подчинилась власти литовских князей. Но при этом подчинении Западная Русь не только не теряла своего исторического наследия, но и передавала его господствующей земле, которая сама во многом устранилась по образцам этой Руси, вводила у себя русский язык, русские учреждения, русское право и даже русскую веру. Вследствие всего этого и история Литовско-Русского государства является в известном смысле прямым продолжением, дальнейшим развитием истории Киевской Руси. В жизни Литовской Руси можно подметить гораздо больше традиций, архаических черт киевского периода, чем в жизни Суздальской Руси. А если так, то и ретроспективного уяснения разных черт древнейшего, так называемого киевского, периода русской истории приходится искать главным образом в позднейших данных Литовско-Русской истории, в быту и установлениях государства Литовско-Русского. Такое ретроспективное уяснение важно не только само по себе, но и для того, чтобы можно было лучше представить оригинальность исторического процесса, начавшегося на северо-востоке, в Суздальской земле, с отливом туда населения из Приднепровья. Наряду с этим увеличивается возможность точнее учесть и то историческое наследие, которое при всем том Суздальская Русь получила от Руси Киевской. Следовательно, говоря вообще, изучение Литовско-Русской истории является одним из средств к углублению понимания русского исторического процесса в древнейший его период.

Но то же самое справедливо и в отношении к последующим Средним векам русской истории. Как самостоятельный процесс история Литовско-Русского государства поражает противоположностью своего направления и своих результатов по сравнению с историей другого русского государства – Московского. Московское государство, как известно, развивалось в направлении монархического абсолютизма и административной централизации. Оно отлилось в конце концов в форму наследственной и неограниченной монархии с сильным центральным правительственным механизмом, который пользовался органами местного управления и самоуправления как своими орудиями по выполнению преимущественно общегосударственных задач. Социальный процесс в этом государстве привел к установлению крепостной зависимости крестьянского населения от землевладельцев. Но государство

при всем том не утратило своих прав суда и обложения над этим населением, и московские землевладельцы не сделались полновластными государями в своих имениях. Все классы общества в Московском государстве обязаны были службою государству в той или другой форме, и внутреннее развитие его совершалось в направлении постепенного роста и закрепления сословных обязанностей, сословного тягла. Таково было государство Московское. Великое княжество Литовское развивалось в направлении конституционализма и политической децентрализации. Оно отлилось в конце концов в форму избирательной (в династических пределах) монархии, ограниченной частью советом вельмож, или *радою* господарскою, частью *сеймом* из представителей дворянского сословия. В этом государстве слабо развивалось и не пошло далее зачатков в своей организации центральное управление, преобладало управление местное, проникнутое автономическими тенденциями. Земли, из которых составилось Литовско-Русское государство, сохраняли в нем свою прежнюю обособленность и самобытность, и все государство было проникнуто началами федерализма. Землевладельцы в этом государстве приобрели государственные права над населением своих имений, даже и не крепостным, и сделались в них государями феодального типа. Все внутреннее развитие Литовско-Русского государства совершалось в направлении роста и укрепления привилегий высшего класса – шляхты – на счет прав государя и остального населения. Чем объясняется такая разница в общем направлении и результатах того и другого процесса – все это вопросы огромной важности, разрешение которых должно способствовать более широкому и более глубокому пониманию среднего периода русской истории, стоящего между киевским периодом, с одной стороны, и новым – петербургским – с другой. Если при этом смотреть на историю Северо-Восточной, Великой, Руси как на главное и основное течение русской жизни, то и с этой стороны изучение параллельного Литовско-Русского течения чрезвычайно важно, ибо дает материал для всевозможных сопоставлений и сравнений, а через них облегчает уяснение исторического процесса Северо-Восточной Руси.

Отдельная история Литовско-Русского государства, как известно, закончилась крушением его самобытности и самостоятельности, соединением с Польшею в одну *Речь Посполитую*, т. е. государство. Это политическое слияние повело к тесному духовному сближению Литвы и Западной Руси с Польшею и к отчуждению их от Руси Северо-Восточной, которое впоследствии, когда судьба воссоединила их с этою Русью в одно государство, дало тяжело себя почувствовать обеим сторонам. Политическое соединение Литвы и Западной Руси с Польшею вообще затруднило и усложнило дело национального объединения Руси, предпринятое Москвою, и надолго затянуло борьбу за объединение, сопровождавшуюся огромною тратою народных сил, материальных и моральных. Люблинская уния, соединившая Великое княжество Литовское с Польшею, является, таким образом, событием первостепенной важности в общерусской истории. Но историческое объяснение этого события невозможно без надлежащего ознакомления со внутренним развитием Литовско-Русского государства, с его социально-политической организацией. Нельзя в данном случае ограничиваться одними внешними причинами, которые решили вопрос об унии Литвы с Польшею, т. е. Ливонскою войною, поставившею Великое княжество Литовское в затруднительное положение и заставившею его искать тесного союза с Польшею. Если остановиться на этом, то все равно останется неясным, как создалось такое положение вещей в Литовско-Русском государстве, почему оно при всей величине своей территории и населенности так скоро оказалось не в состоянии без польской помощи бороться с Москвою, истощенною и войною, и тиранией Грозного; остается далее неясным, почему Литовско-Русское государство, когда обнаружилась невозможность его самобытного существования, предпочло примкнуть к Польше, а не к Великой Руси, с которою у него было больше национального и религиозного сродства, чем с Польшею. Все эти вопросы не могут получить удовлетворительного разрешения без должного уяснения тех государственных средств, коими располагало Великое княжество Литов-

ское, его внутреннего строя и общественных отношений и стремлений. Надо иметь в виду, что еще с конца XIV в. Польша много раз покушалась на государственную самостоятельность Великого княжества Литовского путем установления унии. И внешние обстоятельства в высшей степени благоприятствовали ее стремлениям. При великих князьях Александре и Сигизмунде Казимировичах (1492–1544) шла напряженная борьба с Москвою, причем Великое княжество Литовское находилось в столь же затруднительном, если не худшем, положении, как и во время Ливонской войны. И, однако, в то время не состоялось соединения его с Польшею, как ни хлопотали о том поляки. Очевидно, что Великое княжество Литовское не было еще готово к такому соединению по внутреннему своему состоянию, по строю и взаимоотношению общественных сил, которые заправляли тогда его политическую жизнь. Ко времени Люблинской унии такая внутренняя подготовка уже совершилась, и Великое княжество Литовское оказалось в состоянии без особой ломки, без потрясения основ внутреннего быта соединиться с Польшею в одну *Речь Посполитую*, т. е. в одно государство. Поэтому процесс внутренней ассимиляции Великого княжества Литовского с Польшею и его успехи необходимо должны войти в историческое объяснение факта Люблинской унии, имевшего столь важное значение в русской истории.

Сказанного, думается, совершенно достаточно для доказательства того положения, что при изучении русской истории никоим образом нельзя обходить истории того государства, которое именовалось Великим княжеством Литовским. Если до недавнего времени этот предмет был как бы в забросе и небрежении, то это объясняется не маловажностью его, а состоянием исторической литературы. Эта литература мало знакомила с организацией Литовско-Русского государства, с ходом его внутреннего развития – точнее сказать, давала ряд отрывочных, сбивчивых и нередко противоречивых указаний по этой части, по которым нельзя было составить себе сколько-нибудь связного и цельного представления о ходе Литовско-Русской истории. В настоящее время игнорирование истории Литовской Руси уже не может иметь своего оправдания. В последнее время как в русской, так и в польской литературе появилось немало трудов, проливших свет на внутреннюю историю Литовско-Русского государства, на его политическую и общественную организацию. Наступило время воспользоваться этими трудами и Литовскую Русь, уже более столетия объединенную с Русью Восточную политически, объединить с нею и в научном сознании.

Библиографические пособия

Балтрамайтис С. Сборник библиографических материалов для географии, этнографии и статистики Литвы. СПб., 1904; *Finkel L.* Bibliografia historyi polskiej. Kraków, 1895–1906. Cz. 1–3; *Леонтович Ф. И.* История русского права. Вып. 1: Литература истории русского права. Варшава, 1902; *Он же.* Дополнение к выпуску 1-му // Варшав. унив. изв. 1903. Т. 3; *Грушевський М. С.* Історія України – Руси. Київ; Львів, 1907. Т. 4.

II. Общественный быт литовцев по древнейшим известиям

Данные археологии о местожительстве литовцев. Известие Тацита об эстиях и их быте: вопрос о народности эстиев. Судины и галинды Птолемея. Готское влияние на Литву. Успехи литовской общественности к концу X в. по известию Вульфстана. Данные об экономическом быте, социальном делении и политическом строе Литвы XII–XIII вв. в польских, немецких и русских источниках.

Начальным вопросом в истории Литовско-Русского государства является, естественно, вопрос об образовании того политического ядра, из которого оно развилось. Таким ядром, как известно, было Великое княжество Литовское, создавшееся во второй половине XIII в. под властью Миндовга и его ближайших преемников. На создание этого государственного ядра пошло преимущественно литовское племя. Необходимо прежде всего ознакомиться с этим племенем, с его бытом и состоянием его общественности к половине XIII в. Только при этом условии станут ясными та историческая почва, на которой зародилось новое государство, причины этого зарождения, а также и его первоначальная структура и характер.

Итак, кто же такие были литовцы и как они жили в древнейшее время? Уже в первой половине XIX в. ученые Бопп, фон Болен, А. Потт, Гильфердинг и другие по данным литовского языка установили, что литовское племя принадлежит к семье индоевропейских народов, к той же самой семье, к которой принадлежали греки, римляне, кельты, германцы и славяне. Ученые нашли вместе с тем, что язык этого племени по своему грамматическому и лексическому строю обнаруживает большую древность, чем другие европейские языки. Литовцы в большей мере консервировали данные праязыка, от которого пошли индоевропейские языки, чем другие народности Европы. Когда литовцы поселились в Европе и какие местности первоначально в ней занимали – на эти вопросы по настоящему состоянию науки нет еще возможности ответить более или менее утвердительно. С уверенностью можно только полагать, что литовцы в древнейшие времена жили не только в бассейнах Немана и нижней Западной Двины, но и далее на востоке, доходя до средней Оки. Археологи в нынешней Калужской губернии нашли курганы с трупосожжением и предметами той же культуры, которая засвидетельствована раскопками, произведенными в области исконных литовских поселений, т. е. в области Немана. На реке Протве на памяти истории жило племя *голядь*, напоминающее своим именем одно из прусских литовских племен – *галиндов*. Эти галинды вместе с *судинами* являются обывателями Балтийского побережья уже по известиям александрийского географа *Птолемея* II в. Так как судины и галинды фигурируют в позднейших известиях конца XIII в. как подразделения прусского литовского племени, то приходится признать, что древнейшее известие о пребывании литовцев в Европе относится ко II в. от Рождества Христова.

Впрочем, ученые склонны видеть литовцев и в тех *эстиях*, о которых сообщает Тацит в своей «Германии». По словам Тацита, на правом берегу Свевского моря обитали племена эстиев, по наружности и обычаям близкие к свевам, а по языку – к британцам. Железное вооружение было у них в редком употреблении – большею частью обходились палками, но с большим усердием, чем германцы, возделывали хлеба и прочие овощи; продавали также янтарь, который они называли на своем языке *glaesum* и которому сами для себя не придавали никакой цены. Были ли эти эстии действительно литовцы, трудно с уверенностью сказать. Профессор Мержинский считает тождество эстиев с литовцами за несомненный факт, ибо и позже под именем эстиев являются литовцы, например, пруссы в сообщении норвежского мореплавателя Вульфстана. Мержинский находит тождественными и верования, и

обычай эстиев в изображении Тацита с верованиями и обычаями литовскими. Доводы Мержинского, в общем, сильны. Остается только непонятным: почему янтарь на языке эстиев назывался *glaesum*, а не *gentaras*?

Когда прибыли готы в нашу страну, литовцы, по всему вероятно, были покорены ими вместе с другими насельниками западной части нынешней России. Доказательством этого являются различные заимствования в литовском языке из готского, например, названия металлов и изделий из них. Из готского языка заимствовали литовцы и название *kuningas* или *kunigas* для обозначения вождя, князя, царя.

Прямые и определенные известия о литовцах идут с конца X в. О пруссах говорят сказания о мученической кончине святых Войтеха или Альберта, написанные вскоре же после его смерти (997) монахом Канапарием, епископом Бруноном и неизвестным автором. О пруссах сообщает разные сведения и норвежский путешественник того же времени *Вульфстан* – сведения, которые в большей или меньшей степени характеризуют быт и других литовских народов. «Страна эстов, – пишет Вульфстан, – очень обширна, и там лежит много городов, и в каждом городе свой король». По-видимому, здесь речь идет не о городах в собственном смысле, а о возвышениях естественных и насыпных, на которых находились укрепленные поселки. В Литве и Жмуди много и до сих пор таких возвышений со следами древних поселений – это так называемые *тилькалнисы*. Находимые в области пруссов абассидские и сасанидские монеты показывают, что и литовцы в то время были втянуты в торговый обмен между Востоком и Западом, совершавшийся через Киев и Новгород. О пруссах, жителях Самландии, рассказывает *Адам Бременский* в своем сочинении «*Descriptio insularum Aquilonis*». Одновременно с тем, в XI в., начинает говорить о ятвягах, южном литовском племени, *наша летопись*.

В XII в. к нашей летописи, говорящей и о других литовских племенах, присоединяется древнейшая польская хроника *Мартина Галла*, доводящая свой рассказ до 1113 г. В XIII в. о литовцах кроме наших летописей много говорят немецкие хроники и летописи. Немцы в лице рыцарей ордена меченосцев и Прусского ордена вступили в XIII в. в упорную и ожесточенную борьбу с литовскими племенами. Их дееписатели, естественно, поэтому должны были сообщать многое и о Литве. Эти сообщения выясняют не только географическое распространение Литвы и ее племенное деление, но также в большей или меньшей степени экономический, общественный и политический строй Литвы, а также и народный характер, как они сложились к тому времени. Важнейшие из этих сообщений находятся в «*Chronicon Livoniae*» *Генриха Латыша*, которая, по его словам, не содержит ничего, кроме виденного собственными глазами или слышанного от очевидцев (доходит до 1227 г.); в рифмованной «Ливонской хронике» («*Die Livländische Reimchronik*»), стихами передающей события Ливонии от 1227 до 1290 г.; в хронике *Петра Дюсбургского* конца XIII и первой четверти XIV столетия, которая наравне с Ипатьевскою летописью может служить основным источником при изучении древней литовской истории. Кроме того, сообщения от XIII в. вошли в хроники и летописи XIV и даже XV вв., которые пользовались не дошедшими до нас источниками XIII в. Из ливонских хроник XIV в. выдается в этом отношении «*Chronicon Livoniae*»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.